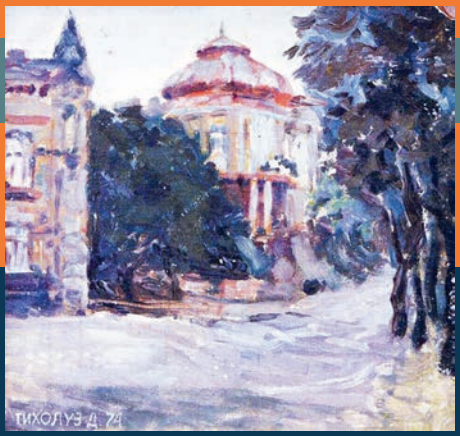
Одесский альманах

№93

II / 2023

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ



PLASKE
ПЛАСКЕ

УДК

Литературно-художественное издание

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (93), 2023
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга, Михаил Пойзнер, Алена Яворская
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Не периодическое издание
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук» Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 21 от 20.01.2003 г.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 100 экз.
Заказ № _____

ISBN

Літературно-художнє видання

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (93), 2023
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ»
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Михайло Пойзнер, Олена Яворська
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Не періодичне видання
Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 100 прим.
Замовлення № _____

© «Дерибасовская – Ришельевская», 2023

От редакции

Ежегодно второй номер нашего альманаха выходит в начале первого месяца лета, который для нашего города, как и для всей Украины, – особый. Двадцать второго июня ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началася война… Те, кто постарше, заметили, что мы не заключили эту фразу в кавычки, как это положено при цитировании. В 1941 году деды-прадеды, да и родители наших читателей воспринимали эту родившуюся в первые дни войны песню как реальный и тяжкий факт катастрофически изменившейся жизни. Недавно – в феврале – мы отметили год войны, постигшей нынешнее поколение граждан Украины, сражающихся с российскими агрессорами. Этому был посвящен предыдущий наш альманах. А вот песня, которую пел бы весь украинский народ, еще не создана. Есть много отличных стихов о войне. В этом альманахе прочтите стихи Таи Найденко на украинском и русском языках, а вот песни все еще нет… Господа композиторы, услышьте этот социальный заказ.

В нынешнем альманахе, опять же по сложившейся в войну традиции, в разделе «Под звуки воздушной тревоги» студийцы литературного клуба ВКО «Зеленая лампа» продолжают делиться с нами мыслями и чувствами. Поэты, прозаики, но прежде всего – патриоты.

С первых номеров, уже более двадцати лет наш альманах отмечает в июне день рождения Александра Пушкина. В нынешнем году он совпадает с двухсотлетием его пребывания в одесской ссылке. Мы рады, что монография Олега Губаря, члена редколлегии альманаха, о пребывании поэта в нашем городе, полностью была нами напечатана. Молодой город вдохновил молодого поэта на создание блистательной поэзии.

Он вернется мыслями в Одессу и создаст «Одесскую главу» «Евгения Онегина». Пушкин проницательно и метко обозначил особые черты Одессы. О дивном климате:«Здесь долго ясны небеса…»; об открытости города и его перспективах на будущее: «Здесь все Европой, дышит, веет…»; о море, с которым трудно расстаться: «Прощай, свободная стихия»…

В нынешнем номере – специальная подборка, которую открывают стихи выдающихся украинских поэтов, посвященные А.С. Пушкину, и переводы Пушкина на украинский язык начиная с 1836 года, когда вышла книгой «Полтава», переведенная Евгеном Гребинкой, переводы Ивана Франко, – до наших современников.

Молодой Павло Тичина: «Перед пам'ятником Пушкіну в Одесі». «Здоров будь, Пушкін, мій земляк могучий! І ти, морська глибинь, і ви, одеські тучі!..».

Пушкин, естественно, ведет нас на Пушкинскую улицу. Здесь недавно состоялось торжественное вручение Одессе памятного знака ЮНЕСКО. Много лет город добивался, чтоб его исторический центр был включен в охранную зону этой международной организации. Наконец это свершилось. И когда мы видим леса вокруг здания филармонии, мы надеемся, что к ее реставрации подключатся европейские специалисты. Об этом сейчас договаривались мэры Одессы и Венеции в нашем городе. А реставрировать нужно множество объектов: здание архива – бывшую Бродскую синагогу, дома на Маразлиевской улице.

Кстати, в этом номере альманаха глава из будущей энциклопедии «Маразлиевская», которую создает группа энтузиастов. По сути, это волонтерский проект.

За короткую в историческом пересчете биографию Одесса подвергалась и эпидемиям, и вражеским атакам. Традиционным и неизменным стало активное и действенное участие граждан разных сословий и этносов в помощи защитникам города, всем пострадавшим от войны. И наше время – тому подтверждение. Мы рассказываем о благородном сообществе волонтеров.

Недавно узнали о волонтере Маргарите Пекарь, которая с 2014 года и по недавнюю зиму, будучи абсолютно штатской и далеко не молодой, до недавнего ухода полагала наш главный военный госпиталь на Пироговской своим домом и второй семьей. Скопленные за долгую трудовую жизнь средства она тратила на модернизацию и оснащение помещений

нескольких отделений госпиталя. Сегодня в них на почетном месте, рядом с портретами видных военных медиков – и фотографии улыбчивой милой Маргариты Пекарь. В следующем номере мы расскажем о ее непростой судьбе: ребенок войны, чудом спасшаяся от гибели в гетто, инженер и переводчик, двадцать лет прожившая в США и вернувшаяся в родную Одессу… Нашими собеседниками будут медики госпиталя и сын Маргариты Пекарь.

Можно еще и еще вводить вас в наши планы. В Одессе возникает новый современный Музей Холокоста. Как не поддержать эту инициативу, как не помочь его директору П. Козленко? Наше музейное сообщество понесло огромную утрату, умерла ответственный секретарь литмузея Елена Каракина, постоянный автор альманаха. Мы планируем в сентябрьском номере опубликовать ее статью, воспоминания о ней.

А сейчас возвращаемся к номеру, который вы держите в руках. Да, в дни войны мы все же нашли деньги, чтоб издать альманах. А в нем представлены художники Пороники и Давид Тихолуз, музыканты Алексей Ботвинов и Евгений Лукашев, прозаики Элла Леус и Анна Михалевская…

Война не остановила творческий процесс. В этом убеждает вышедший альманах и планы следующих номеров.

Михаил Жванецкий

Так жить нельзя

Нашу жизнь характеризует одна фраза:

«Так больше жить нельзя».

Вначале мы её слышали от бардов и сатириков, потом от прозаиков и экономистов, теперь от правительства.

Наш человек эту фразу слышал и триста лет тому назад, двести, сто и, наконец, семьдесят лет назад сделал так, как ему советовали. Ибо так больше жить нельзя…

С тех пор слышит эту фразу каждый день. Убедившись, что эти слова перестали быть фразой, а стали законом, он повеселел.

Как бы ты ни жил, так больше нельзя.

А как можно – тут мнения делятся.

Там, за бугром, вроде живут неплохо, но так жить нельзя. Кроме того, с нами находятся крупные работники, которые и твердят, что так, как там, нам жить нельзя, ибо мы уже один раз отказались, и теперь должны мучиться, но держать слово.

На вопрос:

– Там есть есть чего?

– Есть чего.

– Надеть есть чего?

– Есть чего.

– Пить есть чего?

– Есть чего.

– Так почему так жить нельзя?

Тут они багровеют, переходят на «ты», а потом тебе же про тебя же такое, что ты долго мотаешь головой и ночью шепчешь: «Постой, я же в 65-м вообще в Казани не был».

В общем, как там, жить запрещено, а как здесь, жить нельзя. Поэтому сейчас с таким же удовольствием, с каким раньше публика наблюдала за юмористами, балансирующими между тюрьмой и свободой, сейчас наблюдают за экономистами, которые на своих концертах объясняют, почему, как здесь, жить нельзя, а как там – не надо, потому что, мол, куда же мы тогда денем тех, кто нам мешает, их же нельзя бросать, нам же их кормить и кормить, это же их идея жить, как жить нельзя.

Билеты на концерты виднейших экономистов не достать, хохот стоит дикий. Публика уже смеётся не над словами, а над цифрами.

«Сколько соберут – столько потеряют. В магазинах нет, на складе есть – на случай войны. Тогда давайте воевать поскорее, а то оно всё испортится.

И что в мире никто мороженое мясо не ест, только мы и звери в зоопарке, хотя вроде звери именно и не едят, получается – только мы».

Вот я думаю: а может, нас для примера держат. Весь мир смотрит и пальцем показывает:

– Видите, дети, так жить нельзя…

Юрий Михайлик

Бессмертье есть

Отрада

Э. Ц.

1.

Верь в этот камень. Он – осколок света,
хранимого во глубине морей.
Царапни стену – выпадет монета
древнейшего из памятных царей.
И морю верь. Живое не устанет
писать тебе, когда меня не станет,
в узор прибоя раскатав строку
по темному, по хрусткому песку.
И солнцу верь. По берегу Отрады
других причин для радости не надо –
все это было создано не зря…
Вот город наш. И этот желтый камень,
и свет с небес, нетронутых веками,
и нежности бездонные моря.

2.

Так уж повелось спокон веков –
у поэтов нет учеников,
быть поэтом научить нельзя –
это одинокая стезя,

как ночная тропочка в горах,
снизу мрак и ужас, слева страх,
справа – ощутима, не видна –
каменная смертная стена,
темная безвестность впереди,
что уж тут поделаешь – иди.
Если доберешься до села –
жизнь пьяна и совесть весела,
оступился, грянул с высоты –
там, внизу, полно таких как ты.
Страшен шаг, а жизнь твоя слаба,
жизнь куда слабее, чем судьба,
пред тобой, бездонна и тиха,
Верхняя Сванетия стиха…
Беспощаден мир. Закон толков –
у поэтов нет учеников.
Сверху небо, а внизу земля.
У поэтов есть учителя.

3.

Кружевная решетка ограды,
где тропа, как строка, коротка,
и кружащийся взгляд маяка
не найдет нас на склонах Отрады.
Всю песчаную ночь напролет –
словно запись любви и отваги –
краснолапые нотные знаки
темный берег для нас пропоет.
Эту музыку мне не забыть,
там, в прибрежном и бережном пенье, –
все прощенья твои, все терпенья,
все умение ждать и любить.
Там, где берег над морем высок,
где волна угасает со стоном,
этот камень зовется сэндстоун –
сжатый временем жаркий песок.

* * *

Бессмертье есть. Но в вечной круговерти,
в тугой тревоге о судьбе детей,
в заботах быта, в ужасе смертей
мы не были приглашены к бессмертью.

И в ясный день над уровнем волны
едва заметишь в зыбком отдаленье
полоску меж бессмертьем и забвеньем –
они раздельны и разделены.

Вовек бессмертна горькая вода,
шуршащая всю ночь у изголовья
и знающая лишь одно условье –
про нас с тобой не помнить никогда.

Бессмертна степь, наклонная к волне,
и глинистые рыхлые ущелья,
столетия забвенья и прощенья
тем, прежним, да и с нами наравне.

Свидетелей тому не соберу,
но есть один – молоденький, счастливый,
изысканный багульник над обрывом,
трепещущий на утреннем ветру.

* * *

Из темных клочьев возникала тьма –
величественно, грозно, на котурнах.
И тот, сказавший: «Дания – тюрьма», –
так мало знал о даниях и тюрьмах.
А тьма смыкалась, высилась, росла,
окутывала очертанья зданий
и растворяла – будто бы несла
возможность облегчений, оправданий, –
во тьме уже никто не виноват,

исчезли реки, выгорели рощи,
здесь нет рассвета, здесь пропал закат,
вслепую нужно двигаться, на ощупь.
Что ж – Дания? Во мраке ошалев
от ужаса, от боли, от бессилья,
ни королей не жаль, ни королев –
лишь девочки намокнувшие крылья…

* * *

А в Тихом океане вода куда солоней,
чем та, что плещет в тумане за тысячи миль и дней,
под солнцем стонут и стынут, рифмуясь долей своей,
южных земель пустыни с пустынями южных морей.

Светило берет измором свой полукруглый путь –
с рассветом вставать из моря и к ночи в нем же тонуть,
очерченный зноем сейнер волочит ночной улов,
и тихо дрейфуют на север обломки древних миров.

Медлительно, неторопливо горячую синеву
ленивый рассол прилива удерживает на плаву.
И птичьи белые пятна над берегом вдалеке
колеблются на невнятном неведомом языке.

Но не уходя из вида в географии и в судьбе,
недальняя Антарктида дышит в спину тебе
сквозь все миражи и обманы, неотступная, как беда, –
а в Тихом океане куда солоней вода.

* * *

Земля простит, она их всех простила –
кто были понаглей и половчей –
простила Чингисхана и Аттилу,
и прочих сволочей и палачей.

Земля забудет всех своих убитых,
пожарища и слезы матерей,
она их спишет, отнесет в убыток
холодной бухгалтерией своей.

Во мглу, во тьму по собственному следу
летит земля, не помня бед и дат,
и девочки, отпраздновав победу,
вновь примутся рожать других солдат.

Но там, во тьме, где прошлое хранится,
где, кажется, обрублены концы,
давным-давно забытые границы
вспухают, как багровые рубцы.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Под звуки воздушной тревоги

Из ленты «Фейсбука»

14 **Світлана Галіч**
Жофрей

18 **Владіслава Ільїнська**
У цьому сезоні

19 **Анна Михалевская**
Разноплановая жизнь

Світлана Галіч

Жофрей

Після смерті улюбленого кота Бориса шість років тому я вирішила не прив'язуватися більше до жодної тварини! Такою болючою була та втрата. Та й мій звичний довоєнний спосіб життя з численними відрядженнями та частими мандрівками не дозволяв брати на себе таку відповідальність за іншу живу істоту…

На війні ж рятувати, годувати, лікувати тварин – справа буденна. Кинуті та знедолені тваринки довірливо туляться до людей. А вони, люди, намагаються допомогати братам нашим меншим чим можуть.

Медики мобільного шпиталю принаймні чинять саме так. Іноді до нас привозять поранених, які прибувають з тваринкою-побратимом. Частіше то буває собака. Зазвичай мотивуємо співслужбовців пацієнта забрати на час лікування його тваринку-побратима. Але коли пацієнту немає куди прилаштувати чотирилапого друга, пристосовуємо його тимчасово до тих тварин, які перебувають в ареалі стояння шпиталю. А вже своїх тваринок медики доглядають професійно. Вакцинують, годують, поять, лікують. Бо це ж і є милосердя. Або воно є, або його немає.

…Цей кіт виглядав жахливо. Брудне хутро, схоже, що рудого кольору. Ковтуни та рани по всьому тілу. Розірвана нижня губа. З роту стирчить криве рухоме ікло. Надірване вухо зі струпом. Впалі боки, через які прощупуються застарілі переломи. Сердитий вираз мордочки… Кульгавий на задню лапу…

Кіт затято кидався під ноги всім і кожному, поки ми вигружали свої речі з автобуса. Він був такий собі кіт-страшко. Малосимпатичний і настирний. Заради справедливості слід сказати,

що в перші дні деокупації тут усе навкруги виглядало сірим, зруйнованим, сердитим, як і цей неприємний на вигляд кіт.

…Першим його пожалів наш начпрод Михайлович. Будучи людиною глибоко військовою та в цілому суворою, він примудрився зберегти чуйне серце. Михайлович дозволив цьому вочевидь не красеню тусуватися біля ґанку нашого житла в компанії тих тварин, якими ми почали опікуватися. Так кіт почав отримувати щоденну пайку їжі, що залишалася після наших обідів.

Інша добра душа та захисниця всіх на світі тварин, лаборантка Наталка, яка лише випадково не носить ім'я матері Терези, теж пожаліла шолудивого кота та провела йому протиблошині та протигельмінтні заходи. Помитий котячим шампунем кіт виглядав дещо краще та вже міг претендувати на те, щоб грітися у сінях. Він обрав коробку, куди постелили рядно. Там він і спав, скрутившись калачиком.

Саме там я вперше побачила його очі.

То були неймовірні очі! Не такі, як зазвичай котячі. Але очі майже людини, яка пережила окупацію. В котячих очах читалися надзвичайно глибокі страждання… А розірвані губа та вушко, поламані ребра свідчили про важкі випробовування. Незважаючи ні на що, цей кіт все ж тягнувся до нас, до людей. Він настирливо терся об ноги всіх, хто проходив повз нього.

Пам'ятаю, як вперше взяла його на руки… Він виявився якимось невагомим. Його хутро попри ковтуни було пухким, хоча й забрудненим. А тільце довірливо притиснулося до мене.

«Бідненький, ти, схоже, страждав!» – подумала я і понесла кота купатися, годувати, поїти…

Вночі кіт раз у раз кидався, ніби щось страшне йому наснилося. І важко, дуже важко та шумно дихав. Або, як навіжений, крутився по кімнаті. Здавалося, що він бачить у темряві щось таке, що його лякає. У такі моменти я брала його на руки, заспокоювала, ніби дитину. Він вщухав. І засинав. Полюбляв спати на підвіконні.

Вже через декілька днів догляду кіт розправився, зміцнів, повеселішав. Якось він розгулював поблизу нашого ґанку, і його побачили місцеві жіночки:

– Дивіться, як цей рудий у вас погарнішав, – сказала одна. – Страшненький же такий був.

Я йому придумала історію на кшталт фентезі про те, що саме цей кіт кидався на рашистів і насаджував на них бойових українських бліх, поділилася з жінками своїми фантазіями.

– Не знаю, як щодо бліх, – долучилася до розмови інша жіночка, – але коли тут були рашисти, саме цей кіт відмовлявся брати в них їжу. Їв, тільки коли наші люди годували. Ходив охлялий, але страву у ворога не брав.

– А як він їх розрізняв, рашистів тих? – поцікавилася я.

– Й гадки не маю! Якось розрізняв, – відповіла жінка.

– Може, вони його били? – припустила я. – Він увесь побитий, он який.

– Можливо, – погодилась жінка і додала: – але він ні в кого з рашистів не брав їжу.

Така патріотичність нового друга мене вразила. Я знову взяла його на руки та погладила. Він уперше замурчав… Ніби зрозумів, що я щось важливе про нього взнала.

Спотворене шрамом обличчя… Кульгавий… Кого він мені нагадує?

За короткий час виявилося, що тваринка вельми непогано вихована. Спокійно терпить купання під душем, миття спеціальним котячим шампунем. Потім ретельно себе вилизує. Не мітить територію в приміщенні. Розуміє про лоток. У «великих справах» проситься на вулицю. Коли робить оті «великі справи», ховається від мене за кущами. Ніби людина, яка соромиться.

М'який котячий корм, догляд, гігієна та ласка зробили з нашого страшка цілком аристократичного кота. Ось тільки вираз його морди за рахунок шрама на нижній губі ніби лютий. Когось він мені таки нагадує… Але кого?

Кіт став довіряти мені настільки, що ввечері перед сном вкладався на мене і топтався, що, як відомо, є визнанням котячої довіри. А потім навіть дозволяв гладити йому животика – що, як кажуть знавці котячої мови, є супер-пупер довірою.

…І от він підходить до ґанку. Кульгавий. Зі шрамом на мордочці.

– Жофрей де Пейрак! – згадала я нарешті героя, якого мені нагадував цей кіт.

Так кіт отримав своє постійне ім'я – Жофрей. Але хтось його називає Рудим… Я не ображаюсь.

З холодами Жофрей менше став бувати на вулиці. Полюбив підвіконня. Може годину сидіти та вдивлятися у навколишній світ. І тоді він мені нагадує мене саму в дитинстві. Я була хворобливою дитиною, а коли хворіла, мене не водили до дитсадка, замикали вдома. Я сідала на підвіконня, дивилася на вулицю і мріяла… Про те, як стану дорослою. А враховуючи, що я була дитинкою начитаною (телевізору тоді в нас не було), то подумки бачила себе героїнею різних пригод та подвигів. Цікаво, про що мріє цей мій кіт? І взагалі мені невідомо, чи мріють коти.

Коли я йому кажу: «Жофрей, пішли на прогулянку!» – він слухняно йде до дверей і прямує до виходу з приміщення. Команду «додому!» теж виконує чітко – йде до моєї кімнати.

Отак я прив'язалася до цього кота. Некрасивого, шолудивого та кульгавого спочатку.

Кого він мені ще нагадує – окрім Жофрея? Схоже, що мене саму. Багато в чому. І не лише тому, що я, як і він зараз, сиділа на підвіконні та спостерігала навколишній світ. Вочевидь немолодий кіт чітко слідує всім котячим рефлексам. Мурчить… Топчеться… Проситься на двір. Нормальний людський кіт. Кіт, якого мені подарувала війна…

Ми відповідаємо за тих, кого приручили. А вони відповідають нам усім своїм існуванням. Непрості часи були в житті мого улюбленця. Він пережив багато чого. Власне, як і я. Тож тепер ми є один в одного. І це Боже створіння приносить мені купу позитивних хвилин та емоцій!

Думаю, що не буває шолудивих від народження котів. Є лише тварини, ображені людьми. Але й вони мають право на щастя. Бо ж народилися на цей світ і даровані нам природою, всесвітом, Творцем. Милосердя, турбота та ніжність – це насамперед те, що приносить нам самим хвилини щастя.

Упевнена, що бути милосердним – це бути щасливим.

Дієва армія

Владіслава Ільїнська

У цьому сезоні

у цьому сезоні не буде крутих героїв
артисти зі сцени зняли останню зброю
ніяких історій про запхані в дупу речі
твій хтивий світогляд дешевше ослячої сечі
у цьому сезоні не буде теорій змови
нічого не буде тепер взагалі такого
ніяких історій про сказані здуру речі
бо антагоніст проковтнув нас усіх, малеча
твій райдужний всесвіт тримають маленькі поні
рожевою кров'ю стікають їх сиві скроні
вони нагадають про самі важливі речі
коли завітають до тебе якось під вечір
готуйся побачити привидів і вампірів
не далі квартири, замислившись у сортирі
знімаючи одяг, рахуючи рештки часу
вони не дозволять жалітись чи вибачатись
у цьому сезоні їм вистачить дій і сенсів
шалена любов тут палає понад усе і
протагоніст тримає її у серці.

Анна Михалевская

Разноплановая жизнь

Опубликовано в дни войны

Рецензия на книгу Виктории Коритнянской
«Нелегкое время. Военное время»
Издательство «Оптимум», Одесса, 2022 год

Эта книга рождает много вопросов.

Зачем читать о войне? Зачем погружаться в горе и лишения, которые уже пережиты? Зачем узнавать прошлое, если в настоящем проблем невпроворот?

Но стоит только начать… Это не художественная литература, а жизнь как есть – воспоминания тех, кто прошел Великую Отечественную и выжил. Или кто помнит, как выживали его родные. Или как погибали. Здесь нет продуманных сюжетов, и герои часто проигрывают злу. И тем не менее здесь есть истории. Много настоящих историй, которые дадут фору любому вымыслу. И читать их необыкновенно интересно. Возможно, потому что мы с вами сейчас понимаем, что такое война, и чувствуем солидарность. Или потому, что те истории о войне прошедшей нам подсказывают, как прожить нынешнюю. Или потому, что та война уже закончилась победой, и мы черпаем в этом факте надежду. Или потому, что начинаем понимать больше своих мам и пап, бабушек и дедушек, понимать и становиться милосерднее, ибо война не пощадит, а мы еще можем. Причин много, бесконечно много. Настоящее притягивает, и так будет всегда.

Мы знаем, какой была Великая Отечественная, по учебникам и сводкам генералов. Может, по семейным историям. Или

рассказам соседей. В книге «Нелегкое время, военное время» и в ее первой части «Истории, которые останутся с вами» собраны рассказы очевидцев. И по ним мы можем восстановить ход военных событий и людской реакции на них, не приукрашенной ложным патриотизмом, не искаженной запретами и страхом быть наказанными, переосмысленной за годы размышлений. Мы узнаем *правду* – и это, на мой взгляд, главная цель книги: показать, как было, чтобы *знать*, как не надо. Мы уже погрузились в войну, боевые действия идут, но кое-что мы еще можем уберечь. Например, человечность. И этому тоже учат воспоминания из книги «Нелегкое время, военное время».

Стоит войне только начаться, ее жернова перемалывают всех без разбора. Пережившие Первую мировую и революцию, раскулачивание, коллективизацию люди только-только начали поднимать голову, как пришла Вторая мировая. В нее никто не верил, и первые дни всем казалось, что немец еще далеко, и от границ его уж точно отбросят. Но случилось иначе. И пошли мужчины на фронт – юные, совсем дети, старики, инвалиды, чтобы погибать там в бессчетных котлах и окружениях, выполняя приказ: «Стоять любой ценой». В главе «О детстве, которого не было» автор приводит выдержки из книг А. Глушко и М. Коломиец о воспоминаниях немецких солдат, как шли в сражение советские войска в убийственном Барвенковском котле: «Как роботы, невосприимчивые к нашему огню, вламывались они то тут, то там, в нашу оборону. Ужасны были их следы. С расколотыми черепами, заутюженными до неузнаваемости гусеницами танков находили мы своих товарищей на этой «дороге смерти».

Командование не считалось с людьми, их в Советском Союзе было много. И каждый раз, читая об этих приказах «любой ценой», задумываешься – а был ли другой выход? Что можно было сделать, чтобы сохранить жизни безвременно ушедших ребят?

Так, в очерке «О самых дорогих людях, которых убила война», не имея ничего за душой, кроме любви к своим родным, Вовочка, Владимир Штивельбанд, юный парень, еще недавно выпускник артиллерийской спецшколы, будучи на фронте, заботится о своей тете и маленьких сестренках, высылает деньги, хлопочет о лучшем проживании для них в эвакуации.

А у женщин свои сражения. С маленькими детьми и стариками на руках они должны принимать решение – ехать в эвакуацию или оставаться. И это решение стоит жизни. Не спасает ни положение, ни деньги, ни квартиры в центре города. Все это не унесешь с собой. И не предъявишь немцу с автоматом. И они едут неделями в Ташкент, месяцами носят одну и ту же одежду, едят, только когда повезет, у всех вши, дети болеют то тифом, то крупом, мамы работают на всех возможных работах и не имеют права ни устать, ни заболеть, ни даже умереть. Кто тогда позаботится о детях и стариках? И откуда-то берутся силы, хотя им давно пора бы иссякнуть. И дети, несмотря на лишения и ужасы войны, умудряются фантазировать, восхищаться и играть. В главе «Роковые сороковые глазами ребенка» маленькая Ниночка оказалась на Таможенной площади, когда немцы бросили бомбы в ожидавших посадку на эвакуационный корабль людей. И что видит в этот момент ребенок? Ниночка любуется радугой в брызгах, поднятых падающими бомбами! А в эвакуации эта же Ниночка находит друга Сережу, и вместе они играют в морге – читают надписи на деревянных табличках на груди у мертвецов.

Война стирает все грани, переворачивает все с ног на голову, раскачивает хаос. И мир мертвых становится привычным, не так пугает, не так отталкивает. Ведь в нем сейчас половина семьи или даже больше. И разорвать связь не так уж просто. Хорошо это или плохо? Трудно ответить. Понятия «хорошо», «плохо» в войну перестают существовать. Как и «свой», «чужой», кстати. Вроде бы все должно быть понятно. Враг – тот, кто захватывает твою землю, убивает твоих соотечественников. Значит, чужой. Но это обобщенное лицо врага. А ведь выбор делает каждый солдат, который носит оружие, – и неважно, с какой стороны этот солдат. Важно – в кого он выстрелит. В главе «О пройденном и пережитом» Юлия рассказывает, как в оккупированной Одессе ее родная бабушка отказалась принять маму с детьми, и когда немцы выставили их семью второй раз ночью под холодный осенний дождь, идти было некуда. Спас семью другой немец. Он расспросил, почему мама плачет, узнал адрес бабушки и под дулом пистолета заставил ее принять невестку с детьми. Потом бабушка смягчилась, и до конца войны они жили у нее.

Таковы военные времена. Проще было бы о них забыть. Но это невозможно, они возвращаются. И все, что мы можем сделать сейчас, – смотреть на войну, не отводя глаз, как бы тяжело это ни было. Из уважения к тем, кто выжил в нечеловеческих условиях тогда, и кто выживает сейчас. Смотреть и понимать, какая цена была заплачена за мир. И какую цену платит мирное население и солдаты сегодня. И ценить этот драгоценный подарок под названием «жизнь».

Взгляд сквозь облака

Размышления о книге Виктории Коритнянской
«Под небом голубым»
Издательство Бондаренко М.О., Одесса, 2022 год

Читая название книги, сразу хочется продолжить – «есть город золотой». Читая саму книгу, понимаешь, что этому порыву есть все основания. Рассказы, миниатюры, сказки – какой бы формой и содержанием автор ни прикрывался, Одесса подкарауливает читателя на каждом углу. Пересечение знакомых улиц, смешение интонаций, совершенно нормальное одесское сочетание несочетаемого и привычка улыбаться – сквозь грозовые тучи, несчастливую судьбу и одиночество. Как же не узнать тот самый, залитый солнцем золотой город?

Но в книге «Под небом голубым» есть гораздо больше и сверх этого. Сборник состоит из весьма разноплановых историй – есть и подсмотренные у безжалостной реальности сюжеты, есть абстрактное философское настроение, есть юмор поровну с иронией, есть выдумка (особенно что касается котов) и теплая сказочность (а это уже об ангелах).

Виктории тесно в одном стиле и жанре, в четких рамках того, что видят глаза, в установленных правилах и общепринятых причинно-следственных связях. Поэтому даже реалистичные сюжеты имеют смещенный фокус внимания. Возьмем тот же рассказ «С дядей Мишей до Привоза». Что можно сказать о ежедневной поездке в троллейбусе по одному и тому же маршруту? Чаще всего человек едет, обремененный своими мыслями и нерешенными

задачами. В окно пару раз глянет. Попытается что-то прочитать в телефоне. А если посмотреть по сторонам? А если троллейбус – это не место скуки, а веселое приключение? А если не надо мучиться ожиданием своей остановки? Если можно жить уже, прямо в троллейбусе, – соглашаясь и споря, знакомясь и прощаясь, желая друг другу лучшего? Не в каждом троллейбусе есть кондуктор дядя Миша, который сумеет умело развлечь публику. Но вы же знаете, дело не в нем, а в нас. Если научиться смещать внимание со своих проблем на удивительный мир вокруг, радоваться получится и без дяди Миши. И не только в троллейбусе – везде!

Автор использует прием смещенного фокуса и в других рассказах. Не всегда они оптимистичные, но помогают взглянуть на историю с новой позиции, оценить по-другому и как результат – выбраться из замкнутого круга. В рассказе «Маруся і яблуко» девочка верит, что если найдет яблоко, спасет бабушку, которая мечется в мариупольском подвале в лихорадке. И этот поиск яблока помогает ей не сойти с ума, придает силы. И даже когда бабушка все же умирает, Маруся идет по улицам, крепко сжимая в руке яблоко как символ надежды на лучшее. Все, что она может противопоставить войне. Не много, но и не так уж мало. Ведь именно отчаяние толкает людей на саморазрушительные поступки.

Война сильнее нас, думают многие. А что, если и ее можно обхитрить, поймать и похоронить, чтобы никто не нашел? Именно этим и занимается София в рассказе «Я ховаю тебе, війна». И помогают ей дочери – Вера, Надежда, Любовь. Немного отошли в сторону от привычного, всего на пару шагов – и сразу же акценты смещаются, уже не война, а люди на позиции силы.

Можно отмахнуться, мол, фантазии, выдумки. Так не бывает. А у нас реальные проблемы, реальная жизнь. Но не устану напоминать: все великие изобретения когда-то были чьей-то фантазией. Ведь если не искать возможностей, они никогда и не появятся.

Автор идет дальше, и в циклах «Кнопкины сказки» и «Неба жители» этот абстрактный взгляд со стороны становится совершенно определенным. Коты и ангелы – если бы люди могли их слышать, то что бы услышали?

В детстве мы ничего не знали и спрашивали об очевидных вещах. И удивлялись, почему родителям так трудно ответить.

Вероятно, в их детстве они сами не получили ответа и просто приняли на веру – так устроен мир. Но почему он так устроен?

Именно об этом и предлагает задуматься Виктория, рассказывая нам о котах и ангелах. Еще раз переспросить об очевидном, переосмыслить понятное, поспорить с явным, объяснить скрытое, выйти за границы и там, в невесомости, посмотреть на наш мир и решить, что он… прекрасен! Что любая жизнь имеет смысл и со смертью она не заканчивается, что нам помогают всегда и во всем и любят так, что до Луны долететь хватит, что мир разумен и огромен, и в нем есть все для нас нужное, и каждое событие имеет свои причины, которые когда-нибудь мы обязательно поймем!

Под небом голубым есть город золотой… Да, в этой книге многие рассказы буквально дышат Одессой. Но мне видится и другой золотой город – в каждом из нас. Именно этот потерянный рай ищут герои «Под небом голубым» – на каждой странице, в каждом встречном, всю жизнь и за ее пределами. Ищут, чтобы зайти в тупик, и там, когда никто не будет отвлекать, заглянуть в себя. И удивиться, что город уже построен, что он живет и пульсирует, и ждет своего хозяина.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

26 **Андрей Добролюбский**
«Я так пожалован!»

37 **Дмитрий Шаматажи**
Маразлиевская, 5

60 **Олег Суслов**
Вокзал для всех

65 **Виктория Коритнянская**
Лошади на войне…

73 **Никита Рыбаченко**
Грамота на бессмертие

75 **Галина Владимирська**
Коли автор – універсальна особистість

82 **Анатолий Горбатюк**
Интервью с Михаилом Жванецким

Андрей Добролюбский

«Я так пожалован!»

«И пусть все верой и правдой помогают Бек-Хаджи».
Хан Тохтамыш

Имя эмира Хаджибея (Качибея), участника знаменитой Синеводской битвы (1362 г.), стало эпонимом Хаджибейского лимана и хорошо известного с XV в. поселка Качибей, одного из предшественников Одессы. Этот поселок в сходных написаниях, но в разных вокализациях и фонетических формах именуется как Caczubyeow, Caczyebyeyow, Kaczubej castra, Caczibieiow, Kaczakenow, Kaczuklenow, Kaczakeyow, Kazubinyow, Koczubinyow. Kaczubyeiow и пр. Это все, что мы знаем об этом эмире достоверно. Иные сведения куда менее внятные. Они лишь улавливаются в различных источниках. Диапазон мнений и толкований историков о том, под какими именами может таиться Хаджибей, производит весьма сумбурное, пожалуй, хаотическое, впечатление.[1]

Кажется несомненным лишь то, что он был ордынским вельможей самого высокого ранга и престижнейшего происхождения. Хотя не очень ясно какого. Возможно, он происходил из племени киятов. Впрочем, польский историк Матей Стрыйковский, именуя Хаджибея султаном или царьком, называет его также и Кереем (Kaczybejkierej – Качибей-Ґирей). Значит, он был из кереитов – дружественного монголам (киятам) племени, которое в свое время помогло Темуджину (Чингисхану) победить их злейших врагов – меркитов. Поскольку сами Чингизиды были родом из киятов, они вполне могли испытывать «историческую благодарность» к кереитам. Это в немалой степени долгое время определяло их статус – ближайших советников и старших военачаль-

Золотоордынский «князь» XIV в. Реконструкция

ников. Между тем при Узбек-хане правители улусов – Джучиды, были подвергнуты репрессиям, лишены своих улусов, и на места улусбеков были назначены аристократы родоплеменной знати. Хаджибей, вероятно, был именно таковым. Впрочем, то обстоятельство, что Хаджибей наряду с двумя своими «братьями», эмирами Кутлубугой и Дмитрием, назван в летописи «отчичем и дедичем Подольской земли», может означать, что его право

владения улусом было наследственным на протяжении как минимум трех поколений.

Будучи владельцем улуса в ранге эмира, Хаджибей являлся крупным «тарханом» (монг.: *свободный от податей*. – **А. Д.**) и как обладатель безусловного держания был освобожден практически от всех налогов и повинностей в пользу хана. Материальные ресурсы таких персон в Золотой Орде были просто колоссальными. Его доход мог составлять сто-двести тысяч золотых динаров. Это позволяло содержать войско в пять тысяч хорошо вооруженных всадников. И даже более.

Степное междуречье Днепра и Днестра после правлений темников Куремсы (Курумуши), Бурундая и смерти беклярибека Ногая в начале XIV в. достались после долгой борьбы между эмирами второму сыну хана Токты Ильбасару. Мы о нем ничего не знаем, разве что он, по мнению некоего шейха Эюирзами, был человеком, «красивее которого никто не видел… и предполагал, когда сделается царем (этой) страны, не оставить на царстве своем никакой другой религии, кроме мусульманской». Но ему не было дано это содеять – он умер в 1310 г., ранее своего отца, и кто управлял краем во времена хана Узбека (1312-1341 гг.) – толком не ясно. Преемник Узбека, хан Джанибек (1342-1357 гг.), отдал эти территории своему зятю (гургену – **А. Д.**) Атламишу. Но в начале 1345 г. Атламиш, проиграв битву с венграми, был ими казнен.

За неимением иных сведений остается полагать, что Хаджибей наряду со своими «братьями» Кутлубугой и Дмитрием является преемником и, возможно, сыном или каким-то иным младшим родственником Атламиша. Они и поделили между собой территорию между Крымом и Дунаем и как наследники стали «отчичами и дедичами» этих земель. Стало быть, Хаджибей мог быть достаточно близким родственником самого хана Джанибека – сыном его зятя. Значит, ему по рангу полагалась соответствующая ставка.[2]

Во времена Джанибека, когда Хаджибей стал править своими владениями, Золотая Орда была разделена на четыре крупных улуса во главе с улусбеками – старшими эмирами. Между тем «в имущественных делах народа, – по мнению арабского истори-

ка Шихабуддина Ахмада ибн Яхья ал-Омари, – эмирам большей частью они (дела) знакомы лишь настолько, насколько их знают наместники их». Такими наместниками были другие эмиры – темники, «начальники десяти тысяч, всего 70 эмиров». Каждый темник имел свое ленное владение и являлся его наместником – вся территория Золотой Орды в XIV в. разделялась по числу темников на семьдесят «областей». На курултай собиралось до семидесяти высших эмиров – высший слой клановой аристократии.[3]

Сановитость Хаджибея отражена также и в самом его имени, содержавшем ранговое указание на титул «бей», на властный статус, а не на конкретную должность и место во властвующей иерархии. Это слово, в сущности, равнозначно титулу «эмир», который в Золотой Орде носили аристократы, не связанные узами кровного родства с Чингизидами. На латынь термины «бей» и «бег» переводились как «baron» или «princeps».

Сведения о родственных связях «братьев» более чем туманны. Достоверно известно лишь то, что все упомянутые ордынские «князья» были сановными аристократами и самыми близкими родственниками. По одним данным, Хаджибей (Качибей, Хачебей)* был кереем, то есть из племени кереитов, а по другим данным – кийятом (как и его предок Чингисхан), а значит – чингизидом. Его имя в смысловом переводе может означать «почтенный правитель». Имеются также предположения, что он был отцом (или дядей) самого Мамая,[4] который Мамай родился, как будто, около 1335 г. Если Хаджибей был его отцом, то должен был быть как минимум на 15-20 лет старше, и ко времени Синеводского сражения ему было более сорока лет. Но могло быть и меньше, если он был ему дядей или братом. Сам Хаджибей был сыном или племянником погибшего Атламиша, зятя хана Джанибека, «одним из 70 эмиров», «начальником» своего собственного улуса, расположенного между Днепром и Днестром, и помимо него владел в Крыму округом Кырк-Ор (Чуфут-Кале).[5]

Есть мнение, что улусбеку Хаджибею было подчинено три тумена по десять тысяч человек, всего тридцать тысяч, которые

* Правописание имен ордынских ханов и вельмож пребывает в хаотическом состоянии. Мы здесь стараемся придерживаться некоего условного единообразия, распространенного в литературе.

сезонно кочевали вдоль Буга и Днестра[6]. Впрочем, реальные тумены зачастую оказывались куда менее численными. Но, видимо, в благоприятные времена все население улуса Хаджибея могло составлять около ста пятидесяти тысяч человек. Все они в совокупности и образовывали его орду, или «тьму».

Впечатления и описания едва ли не всех путешественников в Орду XIII-XV вв. об устройстве и передвижении разных ставок ханов и крупных ордынских аристократов очень сходны и совпадают порой даже в деталях. Благодаря этому не столь уж трудно себе представить орду или ставку улусбека Хаджибея в ее сезонном перемещении от Торговицы до черноморского побережья.

«Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей…» – отмечал Плано Карпини. И вряд ли орда Хаджибея была столь же величественна, как орда самого хана. Но и она могла производить сильное впечатление. Пожалуй, ее уместно сравнить с ордой другого родственника Бату, некоего Скатая, которого посетил де Рубрук: «…утром мы встретили повозки Скатая, нагруженные домами, и мне казалось, что навстречу мне двигается большой город. Я также изумился количеству стад быков и лошадей и отар овец. Я видел, однако, немногих людей, которые ими управляли. В силу этого я спросил, сколько человек имеет Скатай в своей власти, и мне было сказано, что не более 500, мимо половины которых мы проехали ранее при другой остановке».

В районе Джинестры и Флорделиса кочевников Хаджибейской тьмы помимо прочих надобностей интересовали залежи соли в причерноморских лиманах. «…Лишь бы была у них соль, – пишет Иосафат Барбаро. – Если они не имеют соли, то рот их покрывается нарывами и гноится; от этого заболевания некоторые даже умирают; случается у них и понос».

Хаджибеева орда каждую осень медленно, «как ходит ягненок или бык» (выражение де Рубрука), ежегодно буднично и монотонно прикочевывала на зимовку к Джинестре. И точно так же каждой весной отправлялась на север, в район Торговицы.[7] Судя по ее археологическому облику, такая перекочевка была достаточно регулярной на протяжении всего наместничества Хаджибея до битвы при Синих Водах осенью 1362 г. Значит, это была

серия благоприятных лет для его улуса, которые повторялись с неизменной регулярностью. Годы первой чумной пандемии 1346-49 гг. по известным нам материалам никак не прослеживаются. Напротив, создается впечатление, что Торговица если не благоденствовала, то вполне нормально функционировала как летнее стойбище, равно как и зимнее стойбище у Джинестры. Значит, в эти и в последующие 1350-е гг. облик и уклад Ябугородка вполне соответствовали приведенным описаниям ставки наместника и его «тьмы».[8]

После поражения при Синих Водах Хаджибей вынужден был весьма поспешно отступить к нынешнему одесскому побережью и низовьям Днестра. Его изрядно поредевшее, обнищавшее и, видимо, деморализованное население оставило здесь после себя красно-желто-ленточную «керамику нищеты», которая найдена на Ланжероне и Приморском бульваре в Одессе. Им оставалось лишь и зимой, и летом кочевать вдоль черноморского побережья от Днестра до Днепра. Судя по всему, местом своей летней ставки эмир Хаджибей избирает именно днестровские плавни как хорошо защищенное природой место, примыкавшее, к тому же, к владениям его «брата», эмира Дмитрия.

Подтверждением тому может являться погребение второй половины XIV в. у с. Глинное на Нижнем Днестре. Оно как бы маркирует новую ставку Хаджибея после Синих Вод. Умершая молодая женщина входила, по мнению авторов публикации, «в близкий круг лиц окружения этого властителя».[9] Можно видеть, что, несмотря на плачевное положение своей тьмы, Хаджибей решил достойно ее похоронить. Она вполне могла быть его женой или дочерью. И, судя по всему, любимой.

Инвентарь в погребении довольно изысканный. У левого виска умершей находилась изящная серебряная серьга в виде знака вопроса, а у правой руки – литое позолоченное зеркало, на тыльной стороне которого изображены два сфинкса. Здесь же надпись, нанесенная шрифтом «процветший куфи», которая содержит благопожелания, исполненные ритмизованной прозой – садж (араб.: أع-ج-س). Скорбящий эмир желает усопшей «славы и долголетия, достоинства и великолепия, возвышения и хвалы, могущества и почета, достояния и прибытка, силы и многих

благ обладателю [этого зеркала]» в начинающейся после смерти новой, бесконечной жизни. Такие слова, имеющие довольно размытые и пересекающиеся значения, создают некий семантический орнамент, который высоко ценился средневековыми стилистами. Это характеризует Хаджибея как человека с хорошим и, пожалуй, утонченным вкусом.

Значит, дела Хаджибея после синеводского крушения оказались не столь уж безнадежными, Судя по всему, он сумел как-то договориться со своим родственником Мамаем. По-семейному. Он «вернулся в лоно «правильной» Золотой Орды» (выражение Я. Дашкевича).[10] И, видимо, надолго – действительно, вплоть до конца 1370-х гг. эмир Хаджибей фигурирует в источниках как один из темников Мамая. На всем протяжении правления Мамая Хаджибеева тьма была составной частью «Мамаевой орды».

Тем самым темник Хаджибей сохранял возможность шантажировать подольских князей набегами своих беков и мурз. Ведь мирной жизни с соседями у ордынцев не могло быть в принципе – их благополучие прямо зависело от количества награбленного добра и захваченного ясыря. Поэтому выплаты степным «рэкетирам» были обычным делом. Они деликатно именовались «упоминками». Их хватало далеко не всем, и периодически «частные» отряды отдельных мурз вторгались в земли Подолии для разбоя и грабежей. И последующей работорговли.

Так, в документах из архива нотариуса Антонио да Понцо историки улавливают имена эмиров Хаджибея, Темира-Дмитрия и их «татар», торговавших в 1360-1361 гг. рабами в дунайской Килие. Названы татары Тобок (Thoboch), Темир (Themir) и Даок (Daoch). В Темире историки видят эмира Дмитрия. Они упомянуты как члены определенных подразделений десятков, сотен и тысяч, во главе которых стояли тысячники (miliarii) Ходжа (Coia), Кочубей (Conachobei) и Менглибуга (Megliabucha). Другие лица – Арук (Aruch), Ойа/Оджа (Oia) и Бекангур (Bechangur) – названы посланниками «тысячника Ходжи» (miliarius Coia).[11]

Известно также, что Хаджибей (Хазибей) участвовал в битве на реке Воже 1378 г. на стороне Мамая против князя Дмитрия Донского. В Московском летописном своде в рассказе об этой битве сказано, что одним из убитых татарских «князей Мамая» был

«Хазибей», или Хачибей. Однако его имя Кочубей (Conachobei, Khojabey) фигурирует двумя годами позднее, в 1380 г. генуэзско-татарском мирном договоре.[12] Под этим же годом Хаджибей как Яндже-бей упоминается в турецкой летописи XV ст. Мегмеда Нешри в связи с войной против болгар – турки рассчитывали на его помощь.

Хан Тохтамыш на троне

А Мамай после поражения на Куликовом поле занялся сбором нового войска для повторного похода против Москвы. Однако путь ему перерезал хан Токтамыш, и эмиры Мамаевой орды перешли на сторону сарайского правителя: «Мамаевы же князи, сшедше с конеи своихъ, и биша челомъ царю Токтамышу и даша ему правду по своеи вѣрѣ, и пиша къ немуроту, и яшася на него, а Мамая оставиша, яко поругана».[13]

Получается, что если в Московском летописном своде что-то напутали, и Хаджибей вовсе не погиб при Воже, то он неминуемо был должен оказаться в числе эмиров, изменивших Мамаю. За это он под именем Бек-Хаджи (тождественен Хаджибею) и получил ярлык от Тохтамыша от 19 февраля 1381 г. на владение Сюткюльским илем*, в котором были полностью сохранены его «тарханные» права.

Текст ярлыка содержит, в частности,

«Токтамыша слово Кырымского тумена даругам и бекам во главе с Кутлу-Бугой, кадиям, муфтиям, шейхам, суфиям, секретарям палаты, сборщикам тамги и весового, букаулам, заставщикам, тем, кто какую-либо службу несет, всем.

* Понятие «иль» соответствует улусу и означает «народ», «люди», «племя», «страна», «государство».

Ярлык хана Тохтамыша Хаджи-Бею 1392 г.

Обладающий этим ярлыком Бек-Хаджи получил в качестве нашего пожалования… Сюткёльский иль и весь чикыш* с надбавками, который прежде ежегодно поступал от иля в казну…

…И пусть все верой и правдой помогают Бек-Хаджи в деле производимого нами удержания в его пользу чикыша… Так мы повелели!

После такого повеления лица в тумене, которые будут налагать *подати* салык и кысмет и причинять заботы и огорчения – непременно да будут устрашены! Также и ты, Бек-Хаджи, если будешь, говоря: «Я так пожалован!» – насилие чинить над бедными и убогими, тебе также несдобровать!».[14]

Южные пределы Сюткёльского (Сюткёль – Молочное озеро) иля охватывали Северный Крым и Северное Приазовье до реки Молочной, а на север распространялись вплоть до реки Конка (Конские Воды).

Самое позднее упоминание о Хаджибее содержится в Супрасльской летописи под 1405

* Чикыш (ciqis) – («выход, расход») вся сумма налогов и повинностей, которыми облагалось данное владение.

годом, где записано, что «в Татарской земля на месте нарецаемым Чиберча» была церковь Св. Николая, которую «поставилъ некоторый бесурменинь именемъ Хазибавая». В этом Хазибавае можно увидеть Бека-Хаджи (или Хаджибека, Хаджибея), Эта запись может означать, что он, похоже, не просто симпатизировал христианам, но и сам построил им церковь в каком-то татарском местечке.[15]

Если сказанное справедливо, то оно означает, что эмир Хаджибей (Кочубей) прожил долгую и бурную жизнь и оставил о себе славную память. Его топонимическое наследие ныне охватывает немалую территорию. Ныне в Украине села с названием Кочубеевка имеются: в Новосанжарском районе Полтавской области, в Чутовском районе Полтавской области, в Дергачёвском районе Харьковской области, в Высокопольском районе Херсонской области, в Горностаевском районе Херсонской области и в Уманском районе Черкасской области. В России известна деревня Кочубеевка в Медынском районе Калужской области.

Примечания

[1] Пилипчук Я.В. Эмир Дмитрий. Улус Джучи и Центрально-Восточная Европа в XIV веке // Золотоордынская цивилизация. 2014, №. 7, с. 297.

[2] Добролюбський А., Смирнов І. До питання локалізації Ябу-городка // Старожитності Лукомор'я, 2022, № 4, с. 21-22.

[3] История татар с древнейших времен в семи томах. Том. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань, 2009. Раздел IV; Талах В. Полдень и сумерки Великого Края [Электронный ресурс]. режим доступа: https://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Sci/History/UlugUlus/Uzbek/PrixodKVlasti.html#Ref327

[4] Зайцев И.В. Отец Мамая // Мамай. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов / Под ред. В.В. Трепавлова, И.М. Миргалеева. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010, с. 198-205.

[5] Добролюбский А. «Я попал в какой-то другой мир…» // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Кн. 83. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2020, с. 32-44. http://odessitclub.org/publications/almanac/alm_83/alm_83-032.pdf

[6] Черкас Б.В. Західні володіння Улусу Джучі XIII-XIV ст.: Суспільно-політичний та економічний розвиток. – Київ, 2015, с. 255.

[7] Добролюбський А., Смирнов І. (2022). Вказ. праця, с. 19-21.

[8] Там само, с. 7-28.

[9] Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре // В поисках сущности. – Кишинев: Stratum, 2019, с. 275-290.

[10] Дашкевич Я. Степові держави на Поділлі та в Західному Причорномор'ї як проблема історії України XIV ст. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 10. – 2006, с. 112-121.

[11] Узелац А. Татары в Дунайско-Днестровском междуречье во второй половине XIV в. Золотоордынское обозрение. – 2019, 7 (3), с. 419-420.

[12] Гулевич В. Західні землі Улусу Джучі в кінці XIII-XIV ст. і Тука-Тимуриди // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Відп. ред. Г.В. Боряк; упорядники: В.В. Томазов, І.К. Хромова. – К.: НАН України, Інститут історії України, 2013. Число 22-23, с. 138-178.

[13] Цит. по: Талах В. Полдень и сумерки Великого Края. Появление Тохтамыша. – Сноска 728. https://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Sci/History/UlugUlus/PojavlenieToktamysha.html

[14] Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Уч. зап. ЛГУ. Филологические исследования. Востоковедение 8. Вып. 24. – Ленинград, 1981, с. 132-133; История татар с древнейших времен в семи томах. Том III… с. 906-907.

[15] Гулевич В. Західні землі Улусу Джучі… с. 155-156.

Дмитрий Шаматажи

Маразлиевская, 5

Идет работа над созданием первой энциклопедии одной из улиц Одессы. Организация «АрхОдесса» собирает материалы о Маразлиевской улице.

Дом Беликовича. Маразлиевская, 5

На улице Маразлиевской расположено несколько образцов раннего модерна – дома М.Д. Луцкого, Е. Штемпеля и Н.Ц. Беликовича с элегантной пластикой, ленточно-цветочными мотивами и характерным мистическим символизмом образов в оформлении.

Последний находится на Маразлиевской, 5, причем с самого момента постройки его адрес не менялся. Доходный дом отставного артиллерийского поручика дворянина Николая Цезаревича Беликовича – единственный известный проект стиля модерн в творчестве выдающегося архитектора Демосфена Егоровича Мазирова и единственный же модерновый дом в квартале Маразлиевской между Успенской и Базарной.

ДОМЪ А. С. ЛАПИДУСА
Маразліевская ул., № 5.
квартиры 4, 3 и 2 комнаты съ ваннами и удобствами, цѣны сам. умѣрен.
14411—4

Прежде чем перейти в собственность Беликовича, участок на Маразлиевской, 5, сменил немало домовладельцев – Санины (перв. пол. 1880-х гг.), Кавассо (1890-е гг.) и Исидор Лапидус (в 1900 г.). В 1901 г., согласно объявлению о сдаче квартир в «Одесском листке» от 3 августа, владельцем дома (а точнее – тыльного флигеля, возведенного еще в период Кавассо) числился Александр Семенович Лапидус. Любопытно, что в 1911 г. аналогичным образом от И. Лапидуса к А.С. Лапидусу перешел и дом на Базарной, 73, некогда принадлежавший Мелетию Дмитренко, отцу знаменитого архитектора Юрия Дмитренко.

И хотя в 1911 г. газетный редактор и торговый агент А.С. Лапидус никакого отношения к участку на Маразлиевской, 5, уже не имел, на его личности и трагической судьбе стоит остановиться подробнее.

В газете «Одесские новости», номере от 24.02.1911 г. читаем следующее:

«*Самоубийство А.С. Лапидуса*

Этим утром в одной из частных лечебниц застрелился сотрудник «Од. листка» Александр Семенович Лапидус, 42 лет. По-

койный с юношеского возраста посвятил себя (газетной) работе и в качестве (хроникера) новостей работал почти во всех местных газетах. В последние годы А. С. работал исключительно в «Од. листке». Всегда энергичный и предприимчивый, А. С. кроме газетной работы занимался сделками по продаже недвижимых (имуществ). Одно время А. С. владел двумя небольшими домами и дачей на Б. Фонтане. Недавно покойный купил дом Димитренко (М. Дмитренко. – **Авт.**) на Базарной ул.

А. С. был очень впечатлительным и нервным человеком. Покупка недвижимостей и труд в газете, где он заведовал ответственным и беспокойным отделом происшествий, сильно подтачивали здоровье А. С., и год уже как он чувствовал себя все хуже и хуже. Несмотря, однако, на это, А. С. (продолжал) неутомимо работать в газете. В последнее время здоровье А. С. настолько пошатнулось, что он временами прекращал работу и ложился в постель.

Недавно покойный был принят в частную лечебницу для нервнобольных, но пробыл там всего сутки и, как заявляют врачи, удрал оттуда. Болезнь, однако, прогрессировала, и третьего дня А. С. решил перейти на клиническое лечение. Он был принят в частную лечебницу, помещающуюся на Новосельской ул., где предполагал пробыть несколько дней, а затем, чтобы его не беспокоили, (...) в лечебницу на Фонтане. Вчера в 9 часов утра покойный заявил врачу, что он не верит, чтобы его могли спасти. Врач, а затем и появившаяся жена стали успокаивать А. С., который однако продолжал утверждать, что чувствует приближение конца.

Когда врач ушел, А. С., сидя в больничной келье на кровати, продолжал беседовать с женой и заявил ей, что сейчас же

Похороны покончившаго самоубийствомъ А. С. Лапидуса состоятся сегодня, въ 11 ч. утра, изъ квартиры покойнаго на новое еврейское кладбище. Погребальное братство, въ виду заслугъ покойнаго передъ обществомъ, какъ газетнаго работника, рѣшило похоронить его на общественный счетъ.

намерен оставить лечебницу. При этом А. С. просил супругу, чтобы она пришла за ним через (...) часа. Когда г-жа Лапидус выразила желание подождать, А. С. воспротивился этому и (твердо) повторил, чтобы она ушла. Г-жа Лапидус и бывшая в комнатке сестра милосердия оставили больного и вышли из его комнаты, но, сделав несколько шагов, услышали (тогда) выстрел. Г-жа Лапидус вбежала обратно в комнату и к ужасу своему увидела А. С. лежащим на полу с простреленным виском. Из головы несчастного, который стал бледнее, сочилась кровь. Невдалеке валялся револьвер. Немедленно в комнату вбежали врачи. А. С. были сделаны три впрыскивания микстурой, но он, не приходя в сознание, спустя две минуты скончался.

Шкап, где висела одежда А. С., был открыт. Оказалось, что как только из комнаты вышли супруга его и фельдшерица, он подошел к шкапу, открыл его, достал из тайника револьвер, который всегда носил с собой, и произвел выстрел в правый висок. Пуля, застряв в мозгу, вызвала быструю смерть.

На место самоубийства прибыл представитель полиции. После соблюдения формальностей тело А. С. было отправлено в анатомический покой при клинике ун-та.

Покойный был женат 15 лет. А. С. оставил 3-х детей: двух девочек 14 и (девяти) лет и мальчика 8 лет. Дочери А. С. воспитываются в гимназии.

Тело покойного А. Лапидуса с разрешения администрации вчера вечером перевезено было без вскрытия из университетского анатомического покоя на квартиру его (Казарменный пер., 7), откуда завтра в 11 час. утра состоятся похороны».

Далее во все тех же «Одесских новостях», в номере от 26.02.1911 г. последовали сразу два некролога в одной колонке:

«Жена, дети, братья, сестры и родственники с глубоким прискорбием извещают о преждевременной кончине дорогого и незабвенного мужа, отца и брата Александра Семеновича Лапидуса, последовавшей 25 сего февраля. Вынос тела из дома № 7 по Казарменному пер. в воскресенье, 27 февраля, в 11 часов утра».

«Яков Борисович Шинберг с семьей с глубоким прискорбием извещают о преждевременной кончине дорогого друга Александра Семеновича Лапидуса. Об. № 27217».

В номере «Одесских новостей» от 01.03.1911 г. были освещены и непосредственно сами похороны.

Таким образом, хорошо известный одесской общественности, и в особенности в газетно-журналистской среде того времени А.С. Лапидус не остался без внимания своей родной газеты «Одесские новости», где вопреки проблемам со здоровьем проработал много лет, вплоть до самой смерти.

А.С. Лапидус был последним известным владельцем участка на Маразлиевской, 5, из числа предшественников Н.Ц. Беликовича, который приобрел его в 1901 г. и в следующем, 1902 г., приступил к возведению описываемого дома.

Беликовичи, к коим принадлежал и Николай Цесаревич, были древним польским родом, корнями уходившим в Витебскую губернию. По определению Витебского дворянского депутатского собрания от 21 марта 1804 г., род Беликовичей, в том числе старейший известный представитель этого семейства Антон Казимиров сын Беликович, «признаны в дворянском достоинстве со внесением в шестую часть дворянской родословной книги и в этом достоинстве утверждены указом Герольдии». 6-я часть этой родословной книги имела, к слову, весьма интригующее заглавие: «Древние благородные не иные суть, как те роды, коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят; благородное же их начало покрыто неизвестностию».

Многочисленные линии рода Беликовичей в течение XIX столетия удостоились внесения в дворянские книги большого числа губерний: Витебской (с 1833 г.), Минской (с 1833 г.), Бессарабской (с 1871 г.), Казанской, Могилевской и Московской.

Линия интересующего нас Николая Цесаревича Беликовича тесно связана с Аккерманом, откуда происходил его отец Цезарь-Антоний Антонович Беликович (1826-1904), средний сын аккерманского полицмейстера. Его двойное имя было связано с соответствующей польской традицией, особенно распространенной в семьях потомственной шляхты.

В 1843 г. Ц.-А.А. Беликович окончил курс наук в Кишиневской гимназии, а уже с января 1844 года пошел по стопам отца – поступил на службу в аккерманскую городскую полицию. Сменив по службе множество мест и должностей, Ц.-А.А. Беликович был

Семья Беликовичей, 1890-е гг.

награжден чинами коллежского регистратора со старшинством с 5 января 1845 г., губернского секретаря со старшинством с 5 января 1849 г. и коллежского секретаря со старшинством с 5 января 1853 г.

В период Крымской войны с января 1855 года служил в управлении генерал-интенданта экзекутором – то есть чиновником, ведавшим хозяйственными делами учреждения или наблюдавшим за порядком в канцелярии. В дальнейшем Ц.-А.А. Беликович был награжден медалью за защиту Севастополя, а в 1856 г. произведен в титулярные советники. Помимо воинских Цезарь Беликович удостаивался и гражданских должностей – например,

в 1888 году он был избран вице-председателем Аккерманского отдела Императорского Российского общества садоводства.

Будучи потомственным дворянином, Ц.-А.А. Беликович владел землей в Ананьевском уезде и при урочище Балабанка. Большой дом Беликовичей находился в Аккермане в конце улицы Полицейской, через квартал от полицейского участка. Среди его соседей было немало известных в городе купцов, в том числе оставившие значительный след в истории как аккерманского, так и одесского купечества Асвадуровы.

Женой Цезаря Беликовича была дочь подполковника Нина Петровна Шкляревская. В метрических книгах аккерманского Свято-Вознесенского собора имеются записи о восьми детях четы Беликовичей – Владимире (род. в 1856 г.), Петре (род. в 1857 г.), Николае-старшем (род. в 1861 г.), Валериане (род. в 1863 г.), Дмитрие (род. в 1866 г.), Николае-младшем (род. в 1870 г.), Нине и Анне.

Как видим, здесь присутствуют два Николая. Что побудило Ц.-А.А. Беликовича дать двум своим сыновьям одинаковые имена, неясно, но случай, несомненно, любопытный. Из них двоих именно Николай Цесарович (Цезаревич) Беликович (старший) станет впоследствии заказчиком дома на Маразлиевской, 5, и еще нескольких роскошных доходных домов в Одессе.

Н.Ц. Беликович традиционно для своей семьи выбрал военную профессию, начав обучение в Александровском военном училище, а в 1888 году выпустился «из юнкеров в 66-й пехотный Бутырский полк». В 1903 г. Николай Цесарович вышел в отставку и поселился в Одессе, однако позже, во второй половине 1900-х гг., вернулся в Аккерман.

В Аккермане он служил по выборам почетным мировым судьей в 1907-1911 годах и являлся гласным Городской думы, а с 1910 года занимал должность председателя Городского сиротского суда. В 1908 году Николай Беликович был избран городским головой Аккермана, и, что любопытно, на этом посту он сменяет своего родного дядю – отставного майора Александра Антоновича Беликовича, бывшего городским головой почти десять предшествующих лет.

В те годы у каждого учебного заведения был почетный смотритель, можно сказать, персональный меценат. Эта должность

Дом Беликовича в переулке Габсбурга, 4

Дом Беликовича в переулке Габсбурга, 6

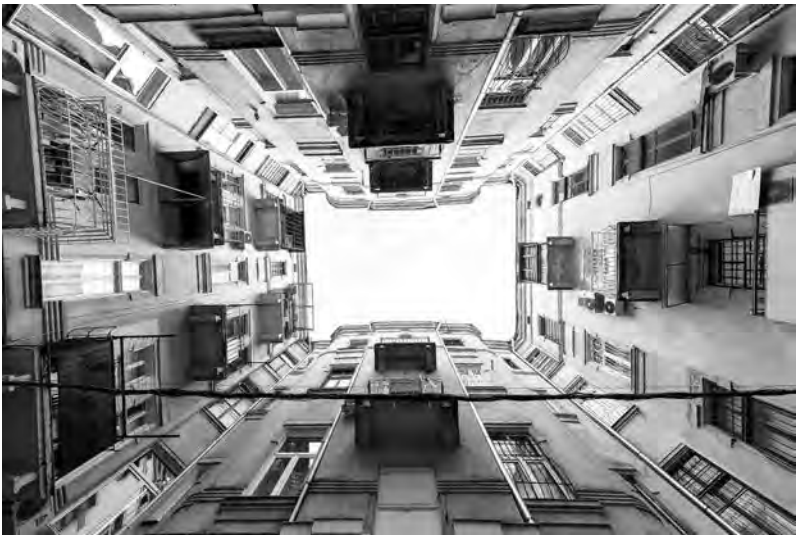
Дом Беликовича в переулке Габсбурга, 8

была престижной, но хлопотной и, разумеется, затратной. В 1906-1911 годах Н.Ц. Беликович был почетным смотрителем городского пятиклассного училища. После 1911 г. сведенья о нем обрываются, однако известно, что его прямые потомки ныне проживают в Румынии.

Стоит также отметить, что Беликович был солидным земле- и домовладельцем, на протяжении многих лет продолжая активно вкладывать деньги в недвижимость, и эта тенденция стала особенно выражена именно в одесский период его биографии.

Еще в конце 1890-х гг. он владел в Аккермане огромным домом стоимостью 26975 рублей. А с 1910 г. совместно с братом Петром Цесаревичем Беликовичем и А.Н. и М.Н. Благовещенскими значился владельцем имения «Затишье» (г. Богородск Московской губернии), однако в самом имении Беликовичи никогда не проживали.

В Одессе известны как минимум четыре дома, построенные по заказу Н.Ц. Беликовича, три из которых, под № 4, 6 и 8, были возведены в нынешнем переулке Вильгельма Габсбурга (все – 1902-1903 гг., арх. В.А. Домбровский), а четвертый и самый роскошный из них – на Маразлиевской, 5.



Дом Беликовича на Маразлиевской, 5

Перед постройкой последнего Беликович подавал в городскую управу два прошения с незначительным интервалом в датах о предоставлении места под устройство склада строительных материалов – от 26.02.1902 (ст. ст.) и 4.03.1902 (ст. ст.). В первом из них речь шла о тротуаре по Маразлиевской ул., 5, (адрес к тому времени был уже нынешним) площадью 10 кв. саж. По всей видимости, испрошенного Беликовичем места оказалось недостаточно, чтобы вместить все необходимое для постройки большого четырехэтажного дома, – Маразлиевская в этом квартале относительно узкая, как и тротуары, на которых много камня и песка не сложишь. Во втором прошении речь шла о дополнительном складе стройматериалов «на тротуаре против стены сада епархиального училища по адресу угол Успенской и Маразлиевской улиц в 20 кв. саж. на время постройки дома по Маразлиевской ул., 5». К прошению прилагалась визитка с согласием от председателя Одесского епархиального училища протоиерея Евлампия Ксенофонтовича Арнольдова о «неимении препятствий».

На момент подачи данных прошений Н.Ц. Беликович проживал по адресу Ямская (Новосельского), 77.

Проект был составлен выдающимся архитектором Демосфеном Егоровичем Мазировым, впечатляющая череда работ которого, преимущественно в стиле необарокко, и сегодня украшает многие улицы центра Одессы. Дом Беликовича был последней крупной работой архитектора и, как отмечалось ранее, единственной в стиле модерн.

Архитектор Д.Е. Мазиров. 1903 г.

С самим проектом поначалу были определенные сложности – его некоторое время не могли утвердить из-за недостаточности исправлений (разрешение в итоге выдали 29 марта 1902 г. по ст. ст.), а уже в июле 1902 г., в самый разгар строительства, Д.Е. Мазиров и вовсе отказался от дальнейшего надзора. Это, по всей видимости, не помешало завершить все строительные работы раньше конца года.

Участок, доставшийся Беликовичу, имел стандартную протяженность по красной линии и по аналогии с соседним участком № 3 был врезан в недра квартала на огромную глубину – около 74 м. Тыльную половину этого участка на внушительном отдалении от улицы уже занимал к тому времени большой трехэтажный дом, возведенный для семьи Кавассо в 1890 г. архитектором Э.Я. Меснером. Оставшегося места хватило на постройку нового дома для самого Беликовича, по завершении которой образовалась уникальная глухая анфилада из трех дворов, последовательно расположенных следующим образом: двор-колодец нового доходного дома Беликовича, узкий промежуточный двор между старым и новым строениями и двор-колодец внутри объема старого флигеля Кавассо.

Из жильцов дома Беликовича наиболее известен директор-распорядитель и представитель правления завода шампанских вин Г. Редерера М.Я. Розенберг (согласно сведеньям краеведа Т. Донцовой).

Примерно в это же время дом стал фигурантом криминальных сводок:

«Р. Унгар, проживающая в доме № 5 по Новой ул., заявила полиции, что Иосиф Эльперн, жилец дома № 15 по Елисаветинской ул., присвоил себе полученные им у нее для продажи золотые вещи на сумму в 300 р. Дознание производится» («Одесские новости» № 6409 от 2.09.1904).

В 1907 г. по данному адресу «луцкий мещанин Перельман Пейсах-Гирш Фишелев открыл книжную торговлю». Правда, не совсем понятно, где именно в доме располагался книжный магазин, так как торговые помещения здесь изначально не предусматривались в принципе. Вероятно, для этих целей господин Перельман приспособил жилое помещение квартиры первого этажа со входом в арке.

Став в том же 1907 г. городским головой Аккермана, Н.Ц. Беликович начал распродавать свою одесскую недвижимость, и первым из его домов сменил владельца именно дом на Маразлиевской. Последними его известными хозяевами перед Первой мировой войной значились представители семьи Профандер (в 1908-09 гг. – Т.А. Профандер, в 1910-13 гг. – П.А. Профандер).

В 1995 г. была впервые опубликована мемуарно-юмористическая повесть одесского писателя Рафаила Гругмана «Маразлиевская, 5» о доме, его жильцах и тонкостях их взаимоотношений. Это, пожалуй, наиболее известное на сегодняшний день литературное произведение, где фигурирует дом, причем на правах отдельного героя. Повесть автобиографична.

Родившийся в доме на Маразлиевской, 5, 16 октября 1948 г. в семье служащего завода «Кинап» Абрама Борисовича Гругмана и учительницы начальных классов Евгении Самойловны в девичестве Ривилис будущий писатель провел здесь детство и в дальнейшем емко описал «страх человека, жившего на улице Маразлиевской, где… каждую ночь сновали «черные вороны», а иногда наглухо закрытые брезентом повозки, оставлявшие на брусчатке… кровавые полоски».

Архитектура

Участок на Маразлиевской, 5, стандартен для района своего расположения и по протяженности красной линии (семь оконных осей) практически аналогичен соседним участкам № 1 и 3. Кроме того, глубина № 5 полностью повторяет таковую у № 3 – она огромна, и пространства здесь хватило, чтобы выстроить два совершенно самостоятельных и достаточно больших здания, оставив между ними небольшой промежуточный двор, а внутри объемов каждого из них обустроить собственные просторные дворы.

Застройка участка началась из глубины, то есть в его тыльной части, в отдалении от улицы. Расположенный там флигель возведен в 1890 г. и занимает почти половину участка. Оставшаяся (лицевая) часть до возведения на ней нового доходного дома, вероятно, пребывала незастроенной, либо имевшиеся здесь строения были малозначительны. Как тыльный флигель, так и лицевой доходный дом представляют собой крупногабаритные призматические объемы, состоящие из крыльев единой высоты, окружающих внутренние дворы по периметру. Все три двора комплекса так или иначе имеют между собой проходное сообщение.

Возведенный на волне становления раннего декоративного и орнаментального модерна, вдохновленный формами австрийского сецессиона, доходный дом Н.Ц. Беликовича был возведен в 1902 г. одновременно с целой чередой шедевров раннего модерна, жемчужинами разбросанных по всему городу, к примеру – домами Луцкого (Маразлиевская, 2), Вургафта (Кузнечная, 54), Косаговской (Нежинская, 66), Топуза (Еврейская, 4) и т. д. Из четырех домов, построенных в Одессе для Беликовича, дом на Маразлиевской ожидаемо получился самым роскошным и изысканным – в то время улица уже считалась одной из самых престижных и дорогих для проживания в городе, и эта статусность неизменно диктовала высокие эстетические требования к возводимым здесь зданиям. Дом на Маразлиевской, 5, во всех аспектах соответствует лучшим доходным домам улицы.

Здание имеет четыре этажа, полуподвал с освещением окнами в приямке и высокую антресоль без лицевых продухов. Отдельные элементы в декоре дома сохраняют едва ощутимые призву-

ки барокко и классицизма, но на фоне многочисленных пышных деталей и орнаментов модерна это замечается далеко не сразу.

Протяженность лицевого фасада составляет семь оконных осей, его композиция строго симметрична, а тектоника довольно проста – какие-либо эркеры или ризалиты отсутствуют. Ключевым композиционным компонентом фасада служат четыре динамичных вертикали лопаток, занимающих высоту 2-4 этажей, две из которых фланкируют центральную ось, тем самым акцентируя ее, и еще две расположены по краям общей фасадной плоскости.

Полуподвал дома освещается большими окнами, размещенными в глубоких приямках. Проемы полуподвальных окон увенчаны трапециевидными веерными сандриками. К слову, сам факт хотя бы минимального оформления полуподвальных проемов – явление достаточно редкое.

Простенки первого этажа обработаны глубоким линейным рустом. При этом тяги руста имеют пластично обработанные торцы, а их лицевые плоскости – едва уловимый наклон сверху вниз, что создает эффект текучести и нестатичности стенных поверхностей. Окна первого этажа – прямоугольные, их проемы прорезаны в слегка утопленных в стену нишах аналогичной формы. Над окнами расположены прямые сандрики с замковыми камнями.

Центральная ось отведена под арку проезда. Ее проем, как и внутреннее пространство, не имеет значительных показателей ширины и высоты, так как арка, вероятнее всего, проектировалась исключительно как пешеходная. Проем арки – лучковый, над ним размещена большая декоративная плита со стилизацией креплений верхних уголков заклепками или винтами. В центре плиты размещен овальный медальон с лепной цифрой «5» (номер дома), обрамленный композицией из пальмовых ветвей и пергаментного свитка. По сторонам от означенной композиции расположены простые тройные каннелюры – универсальный элемент стиля модерн, обыгрываемый в чрезвычайно разнообразных формах и трактовках, в том числе и в пределах описываемого дома.

Ворота дома – железные, трехстворочные, с центральной калиткой, дошли до наших дней с утратой большей части оригинальных элементов. Сохранился изящный люнет, в центр которого

врезан псевдоегипетский «солнечный круг». И ворота, и люнет выполнены в формах модернизированной эклектики – в то время кузнечные мастерские во многих случаях еще продолжали внедрять в свои изделия старомодные элементы историзма.

Первый и второй этажи разделены на уровне перекрытия гуртом среднего выноса с трехступенной раскреповкой. На гурт опираются вышеупомянутые вертикальные лопатки. В местах их «оснований» расположены символические сдвоенные консоли.

2-4 этажи не имеют между собой гуртового разделения, а изысканная и разнообразная декоративная отделка равномерно распределена по всем трем этажам, без акцентирования какого-либо из этажей в контрасте с соседними за счет большей концентрации декора и его более пышного характера, как это было характерно в предыдущие эпохи классицизма и историзма. При этом каждый этаж оформлен по собственной уникальной композиционной схеме, которая в равной степени гармонична как сама по себе, так и в общем контексте облика дома. Стоит также подчеркнуть, что элементы, применямые в пределах одного этажа, на двух других практически не повторяются, хотя общий модерновый лейтмотив в виде все тех же строенных каннелюр присутствует на всех этажах.

Поскольку вертикали лопаток протянуты почти во всю высоту здания, их общее оформление достаточно разнообразно, так как подчиняется принципам оформления каждого конкретного этажа.

Простенки второго этажа оживляются двумя простыми, но выразительными горизонтальными тягами – аналогичными друг

другу и состоящими из пяти «лент» каждая. При этом промежуток между ними аналогичен по ширине каждой из тяг.

Нижняя тяга проходит не только по простенкам, но и над основанием лопаток, верхняя лопатками прерывается.

Проемы окон и балконных дверей – прямоугольные, над ними расположены прямые сандрики, опирающиеся на каннелированные консоли. Оконный проем по центральной оси в полтора раза шире остальных проемов этажа – аналогичное соотношение наблюдается и в случае с третьим этажом. Все окна второго этажа дополнены массивными подоконниками, ниже которых (кроме центрального окна) расположены круглые медальоны без декора, фланкированные горизонтально повернутыми строенными «каннелюрами» (с сохранением классического принципа в архитектуре модерна – центральная каннелюра длиннее крайних). Кавычки здесь не случайны – в отличие от классических каннелюр в виде системы параллельных выдавленных в штукатурке бороздок, в данном случае наблюдается лишь отсылка к ним, выполненная противоположным способом – рельефно выступающими линиями.

Под центральным окном расположена стилизация узкой горизонтально вытянутой плиты без декора с символическими круглыми «креплениями» по краям.

На втором этаже сохранились оба исторических балкона, чего не скажешь о балконах верхних этажей, почти полностью утративших оригинальный облик. Ограждения балконов выполнены в рационалистической манере и смотрятся на фоне роскошно декорированного фасада довольно неброско. Есть вероятность, что и здесь не обошлось без утрат – изначально оформление балконов могло выглядеть заметно сложнее и богаче.

При этом стоит отдать должное жильцам правосторонних квартир на первом и втором этажах, сохранившим аутентичные оконные переплеты.

Окна третьего этажа, кроме центрального, – прямоугольные. Они обрамлены необычными наличниками с раскрепованной нижней частью, вмещающими в себя не только сами оконные проемы, но и подоконные филенки. Над окнами расположены неоклассические прямые сандрики с символическими дентикулами.

В простенках расположены стянутые лентами лепные венки – еще одна отсылка к неоклассическим мотивам.

Над центральным окном сандрик аналогичен, а проем самого окна – лучковый, с пластично сглаженными верхними углами. Ниже подоконника пространство заполнено пышным симметричным барельефом в виде картуша в обрамлении гирлянд.

Сандрики третьего этажа служат основанием для выступов, на которые опираются подоконники окон четвертого. Проемы самих окон имеют верхние скругленные углы, наличники отсутствуют. Вместо них обрамление решено в виде сложнофигурных сандриков с вычурными картушами, трактуемыми как замковые камни и строенными каннелюрами по сторонам от окон.

По центральной оси расположены два лучковых окна, объединенных общим сандриком, в центре которого помещен пятилучевой симметричный растительный элемент.

Оформление лопаток решено в виде вертикально вытянутых филенок, занимающих пространство от середины второго этажа до уровня сандриков третьего. На третьем этаже помещены пышные круглые медальоны с гирляндами и растительным обрамлением. От них вниз отходят строенные каннелюры, а нижние части самих филенок решены в виде двух симметрично направленных «волют» – заимствованных из орнаментации классического меандра.

На уровне четвертого этажа в качестве ключевого элемента обрамления центральной оси расположены два больших женских маскарона, на шеях которых имеются канаты, завязанные морским узлом. Эти маскароны в свое время поро-

дили вокруг дома немало домыслов и легенд, пытавшихся объяснить эти самые веревки на шеях, что привело к известному мрачному обиходному прозвищу здания – «дом повешенных». На самом деле канаты, веревки и подобные элементы являлись не только распространенным элементом масонской символики, но и вариантом замены более распространенных в модерне лент и шейных платков. Примечательно, что это не единственные подобные элементы фасадного декора на Маразлиевской, так как маскароны с веревками на шеях имеются еще у домов Луцкого (№ 2) и Аудерского-Крыжановского (№ 54), причем последний расположен в минутной доступности от дома Беликовича.

Стоит, однако, отметить, что только дом на Маразлиевской, 5, обладает сразу двумя такими маскаронами, тогда как двум другим домам их досталось по одному.

Фасадная плоскость дома завершается массивным карнизом значительного выноса, дополненным большими пышно декорированными модульонами. Над карнизом помещается незаметный с улицы невысокий глухой аттик без декора, служащий внешней стеной антресольного этажа.

Карниз ныне пребывает в аварийном состоянии, при обрушении утрачен фрагмент на левой половине центральной оси. Вместе с ним утеряны и два карнизных модульона.

Арка проезда – пятипролетная, с лучковыми сводами, повторяющими форму проемов с улицы и двора. Уровень пола арки ниже уровня тротуара и мощения двора, из-за чего, входя в арку, требуется преодолеть две ступени вниз – и еще две вверх при

входе во двор. Пролеты арки разделены лопатками, которые чередуются большими стенными филенками и перетекают друг в друга через свод посредством символических «кессонов», декорированных уже неоднократно встречавшимися нам строенными каннелюрами. У основания, немного выше того места, где должен проходить карниз, «кессоны» дополнены по сторонам небольшими полуовальными выступами, усиливающими пластическую композицию свода.

Дополнительно над филенками помещены круглые медальоны в обрамлении симметричных композиций из тяг, отсылающих к строенным каннелюрам.

Последний, самый дальний от красной линии пролет арки вмещает в себя двери подъезда (слева) и квартиры первого этажа. Обе двери хорошо сохранились и имеют уникальный дизайн без повторений где-либо в Одессе. Створки дверей – глухие, и единственными элементами освещения помещений за ними служат световые зарешеченные филенки. Начиная с эпохи раннего модерна в одесской архитектуре все реже применяются двери безглазкового типа, то есть со световыми проемами в самих створках, тогда как глухие двери становятся все более распространенными.

Двери в арке дома Беликовича решены в стиле декоративного модерна, с характерными для него пластичными обводами филенок и резьбой растительного характера. Пространство больших центральных филенок каннелировано, по оси створной планки двери венчаются необарочными картушами в виде обрамленных венками рокайлей.

Арка ведет в замкнутый двор-колодец, довольно просторный и хорошо инсолированный. Лицевое и тыльное крылья дома являются парадными, боковые – служебными. По компоновке окружающих строений и архитектурному оформлению двор в целом симметричен, он имеет прямоугольную в плане форму, где короткая сторона параллельна красной линии улицы. Углы двора срезаны, в плоскости срезов выведены дополнительные окна. Тыльный фасад лицевого крыла асимметричен за счет расположенного справа (при взгляде со двора) от арки вертикального ряда световых окон подъезда. Все подъездные окна сохранили аутентичные переплеты.

Фасады боковых и тыльного крыльев полностью симметричны. Боковые крылья решены по принципу зеркального отражения друг друга, три центральные оси каждого из них выделены

массивным ризалитом с пластичными закруглениями внешних углов. Лестницы черных ходов занимают центральную ось и подчеркнуты в свою очередь ризалитом меньшей глубины. Черные ходы оборудованы бельевыми балконами и освещаются через остекленные проемы в створках их дверей. Единственное окно, имеющееся у каждого черного хода, – круглый «иллюминатор» на верхнем ярусе.

Первый этаж отделен от второго значительного выноса гуртом. Чуть выше уровня подоконников второго и четвертого этажей расположены декоративные линейные тяги. Окна 2-4 этажей обрамлены раскрепованными наличниками с одиночными рустовыми вставками и условными прямыми сандриками.

Центральная ось тыльного крыла оборудована сквозным проходом во второй двор участка, причем одновременно этот проход служит и для доступа к парадной лестнице данного крыла, то есть подъезд, где она расположена, – сквозной. Туда ведет аутентичная двухстворочная дверь в невысоком проеме. Дверь отличается дизайном от дверей арки, но выполнена в близком стилистическом ключе. Она оборудована небольшой по высоте световой фрамугой. Дополнительными источниками света для помещения за дверью служат циркульные в четверть окружности проемы в верхних частях створок и небольшие круглые «иллюминаторы» в их центре. Верхние части створок дополнены резными филенками, огибающими световые проемы, а «иллюминаторы» вписаны в центр крестовидных композиций из строенных каннелюр. Филенки в нижних частях створок каннелированы в стилистике, аналогичной оформлению больших филенок на створках дверей в арке.

В отличие от лицевого фасада, антресольный уровень всех крыльев дома со стороны двора оборудован небольшими продухами.

Подъезды дома строги и изысканны, расположены непосредственно в лицевом и тыльном крыльях и по общим принципам оформления и стилю совершенно идентичны друг другу. Однако отличия все же есть, и в первую очередь касаются они организации промежуточного пространства между входом и лестничной клеткой.

В лицевом подъезде устроен небольшой квадратный предбанник, в своем роде тамбур, где внешняя входная и промежуточная двери расположены относительно друг друга перпендикулярно. Тыльный подъезд оборудован высоким лестничным шлюзом, представляющим собой часть анфилады прохода во второй двор.

Нижние ярусы стен подъездов рустованы, выше стенные плоскости оформлены огромными филенками-рамками. Центральные стены этажных площадок заполнены огромными проемами неглубоких ниш с пластично закругленными верхними углами.

Лестницы мраморные, перила по композиции сходны с секционными, но, в отличие от них, составлены из отдельных элементов по принципу подчеркнутой взаимной перпендикулярности. Элементы эти в основном носят эклектический характер, и характерная для раннего модерна пластика и плавность изгибов здесь почти не применяется.

Шлюз тыльного подъезда оборудован лестницей в восемь ступеней, цоколи проходного проема между ним и лестничной клеткой обшиты глухими

деревянными панелями, потолок представляет собой большую прямоугольную филенку без декора (вероятно, это место отводилось расписному плафону) в обрамлении нескольких ярусов раскреповок.

Проход во второй двор устроен в тыльной стороне лестничной клетки под промежуточной площадкой первого и второго пролетов лестницы. Проход невысокий, и для людей выше 180 см его даже можно охарактеризовать как некомфортный. Однако, поскольку здесь начиналась служебная часть дома, этому моменту не уделялось достаточно внимания – солидные квартиросъемщики проходом этим не пользовались, и с его низким перекрытием мирились исключительно жившие в тыльном флигеле жильцы располагавшихся там бюджетных квартир (на то она и бюджетность!) и обслуга.

Дополнительно дом оборудован двумя черными ходами, расположенными в боковых крыльях двора со входами по центральным осям. Там установлены железные лестницы с глухими подступенками, оборудованные балясиновыми ограждениями. Причем дизайн балясин здесь пластически и стилистически перекликается с более сложными и роскошными перилами подъездов. К слову, и там, и там перила уникальны и больше нигде в Одессе не имеют повторений.

Задний фасад тыльного крыла повторяет декорированием фасады основного двора, его центральная ось подчеркнута ризалитом лестничной клетки с пластично закругленными внешними углами.

Промежуточный двор между доходным домом и тыльным флигелем представляет собой узкое «ущелье». Тыльный флигель повернут сюда условно «лицевым» фасадом, оформление которого указывает на расчет видимости здания с улицы – до возведения прямо перед ним огромного доходного дома, по сути, полностью перекрывшего обзор, более раннее строение в глубине участка смотрелось достаточно представительно.

Флигель трехэтажный, выстроен в стиле сдержанного ренессанса, его «лицевой» фасад вертикально расчленен лопатками и имеет четкое поэтажное разделение посредством гуртов.

Окна первого этажа обрамлены наличниками без раскреповок с подчеркнуто массивной верхней частью, в простейшей геомет-

рии стилизующей прямые сандрики. Окна 2-3 этажей обрамлены раскрепованными наличниками, которые на втором этаже увенчаны треугольными и лучковыми сандриками.

Примерно в центре фасадной плоскости имеются два входа – в подъезд (слева) и в коридор, представляющий собой проход во внутренний двор флигеля. Внутренний двор – замкнутый, периметрально окружен крыльями флигеля. На стыке боковых и переднего крыльев имеются внешние лестницы. Они являются единственным средством доступа в квартиры боковых крыльев. Еще одна лестничная клетка, но закрытого типа, оборудована в заднем крыле.

Фасадные плоскости двора предельно лаконичны – окна обрамлены простейшими геометрическими наличниками с полным отсутствием элементов пластики и декора, а на уровне подоконников 2-3 этажей двор опоясан непрерывными тягами символических гуртов.

В центре двора сохранились остатки водопроводной крановой колонки.

В подъездах установлены простые бюджетные лестницы. В переднем крыле лестница чугунная с ажурными подступенками, в заднем – железная, глухая, с коваными балясинами перил простого и очень распространенного эклектического дизайна.

Позади флигеля имеется также небольшая полоска пространства, протянувшаяся вдоль тыльной границы участка, которая могла бы условно претендовать на роль четвертого двора и даже когда-то имела сообщение с основным двором флигеля, однако сегодня эта область практически не используется, и свободный доступ туда полностью перекрыт.

Благодаря непрерывной анфиладе из трех дворов дом Кавассо/Беликовича по меркам Одессы – явление совершенно уникальное, поскольку здесь, в отличие, например, от Петербурга, так и не сложилась традиция создавать обширные разветвленные системы дворов с сообщением между ними. И хотя в случае с описываемым домом эта анфилада не складывалась единовременно, она не становится от этого менее самобытным и редким случаем в истории одесской жилой архитектуры.

Олег Суслов

Вокзал для всех

Одесский железнодорожный вокзал выглядит иначе, чем полгода назад.

Тогда, весь производственный ритм объекта был посвящен обслуживанию вынужденных переселенце. За первых два месяца войны вокзал обеспечил эвакуацию более двухсот тысяч пассажиров. Для одних беженцев наш город оказывался конечным пунктом назначения. Для других – пунктом пересадки для продолжения вынужденного путешествия: кто-то ехал вглубь страны, кто-то еще дальше, за пределы Украины. Наконец, были среди беженцев и те, кто вообще не имел плана дальнейших действий. Они бежали от войны, как говорится, в чем стояли: в домашнем халате, в тапочках на босу ногу, без вещей…

В любом случае всех этих людей надо было встретить, успокоить, накормить – и помочь всем тем, в чем они нуждались.

Впрочем, нынешний облик вокзального комплекса – уже похожий на довоенный, с очередями у касс, работающим газетно-журнальным киоском, неспешными пассажирами, движением поездов каждый день – обманчив. Война никуда не ушла. И одесский железнодорожный вокзал по-прежнему на передовой эвакуационного фронта.

– Всего с начала войны мы помогли более чем шестистам тысячам беженцев, которые, прибыв в Одессу, затем отправились по различным направлениям, – говорит начальник вокзала Одесса-Главная Олег Кудашкин.

Да, сегодня нет того наплыва вынужденных переселенцев. Но система оказания им помощи, созданная в марте, по-прежнему

работает. И работает как часы, – уверяет Олег Кудашкин. – Поэтому, если, не дай Бог, количество беженцев вновь увеличится и даже станет таким, как весной, то одесский железнодорожный вокзал вновь справится. Не подведет.

Ну а сегодня главная забота сотрудников вокзальных служб – вынужденные переселенцы из Николаевской области. Очень непросто живется нашим соседям. Прифронтовой регион – этим все сказано. Многие жители Николаевщины не выдерживают каждодневных обстрелов, закрывают дома и уезжают. Но уезжают организованно. В течение недели желающие эвакуироваться записываются в мэрии Николаева. По четвергам автобусы с беженцами берут курс на Одессу. К двенадцати часам они прибывают на железнодорожный вокзал. В автобусах – от восьмидесяти до двухсот человек.

– Прежде всего, мы всех кормим, – говорит Олег Кудашкин.

Помогают организовать питание многочисленные волонтерские организации, Одесская епархия, собственники одесских ресторанов и кафе. Практически все эти благотворители работают с одесским железнодорожным вокзалом с первого дня войны. Поэтому – никаких организационных накладок. В одиннадцать утра, за час до прибытия беженцев, уже разгружается еда, горячие напитки.

– Никто из партнеров никогда нас не подводил, – констатирует начальник вокзала Одесса-Главная.

В зале транзитных пассажиров выставляют столы – люди там обедают. И только после этого начинается работа. Сотрудники вокзала, социальных служб города и области, волонтерских организаций беседуют с каждым из прибывших. Нужно определить, какая помощь нужна. Если человек хочет ехать дальше – помогают приобрести билеты, сесть на поезд. Если беженец намерен остаться в Одессе – рекомендуют, к кому обратиться, консультируют. К услугам вынужденных переселенцев, пока они находятся на территории вокзального комплекса, залы ожидания повышенной комфортности транзитных пассажиров. Есть специальный зал для семей с грудными детьми. Как заверяет Олег Кудашкин, нет такого проблемного вопроса, на который специалисты вокзала не знают ответа. Разберутся – и обязательно помогут.

– Хорошо, – уточняю я, – это организованные группы вынужденных переселенцев. А если человек добрался до Одессы самостоятельно, пришел и говорит дежурному по вокзалу: «Я – беженец»? Поможете?

– Конечно, – отвечает начальник вокзала Одесса-Главная. – Как только человек сообщает, что он беженец, сразу же, образно говоря, включается механизм, в котором задействованы все вокзальные службы, отвечающие за питание, расселение, решение других вопросов. Для вынужденного переселенца все услуги вокзала бесплатны. Ну а дальше – по отработанному алгоритму помощи: надо – поселим, надо – поможем взять билеты на нужное направление.

И все-таки, несмотря на успехи Вооруженных Сил Украины, число вынужденных переселенцев, которых придется встречать одесскому железнодорожному вокзалу, может увеличиться. Не прекращаются яростные попытки рашистов нанесли урон нашей энергетической инфраструктуре. Готов ли к этому вокзал?

– Тем людям, которые будут находиться на территории вокзального комплекса, будет тепло, светло и сытно, – заверяет Олег

Кудашкин. – Не стану вдаваться в подробности, но скажу, что продуманы различные заменительные механизмы, которые позволят нивелировать последствия возможных нештатных ситуаций. Вплоть до того, что подгоним вагоны-теплушки, развернем палаточный городок, оснащенный тепловыми печами – булерьянами.

Год войны – достаточный срок для того, чтобы проанализировать свою работу и сделать выводы. Спрашиваю у Олега Кудашкина: все ли правильно делалось? Какие, возможно, были допущены ошибки? Какие сделаны выводы?

– Все выводы касаются людей, готовности персонала работать в экстремальных условиях, – отвечает начальник вокзала Одесса-Главная. – Должен признать: часть тех людей, на которых я как руководитель делал ставку, доверия не оправдали. Зато те, кого особо до войны не выделял, проявили себя с самой лучшей стороны, взяв ударный темп работы без выходных, по двадцать четыре часа в сутки. В общем, шелуха отпала – и остался коллектив. Из четырехсот пятидесяти сотрудников сейчас в строю двести семьдесят настоящих бойцов. И справляемся!

Сейчас вокзал живет активной мирной жизнью. Ходят поезда, возобновили движение электрички. Я спросил Олега Кудашкина, какую задачу ставит коллектив перед собой. «Развитие», – одним словом ответил начальник вокзала Одесса-Главная. Основа развития – создание комфортных условий для пассажира. Прежде всего, информационная навигация. Человек, попадающий на вокзал, не должен чувствовать растерянности от незнания того, куда ему идти, к кому обратиться, где найти нужную услугу. Создан медпункт, он оснащен всеми необходимыми лекарствами, тут принимают врачи из железнодорожной больницы, поэтому пассажир может рассчитывать на любую медицинскую помощь, даже сделать бустерную прививку от ковида. В день в медпункт обращается двадцать – двадцать пять человек. На вокзале создан запас питьевой воды и продуктов. Говоря о стратегии развития, Олег Кудашкин несколько раз подчеркнул: акцент сейчас делается на максимальном повышении качества предоставляемых вокзалом услуг. Пассажиропоток, конечно, упал по сравнению с довоенным временем, но работы не убавилось.

– На территории вокзального комплекса любой пассажир должен чувствовать себя комфортно, – подытоживает начальник вокзала Одесса-Главная.

Безусловно, такая планомерная и многоцелевая работа вокзального комплекса стала возможной во многом благодаря поддержке мэрии Одессы, Одесской областной военной администрации, Приморской районной администрации, благотворительных организаций, «Общества Красного Креста в Украине», Агентства ООН по делам беженцев, ЮНИСЕФ.

– Нас всегда спрашивают: «Чем помочь?» – говорит Олег Кудашкин. – И такое внимание придает силы.

В завершение разговора задаю традиционный вопрос: «Каким видится первый день после Победы?».

– Наверное, сразу же соберемся коллективом и вспомним, помянем наших коллег, кто погиб на войне, – отвечает Олег Кудашкин. – Сейчас на фронте и некоторые сотрудники вокзала Одесса-Главная, призванные в ряды ВСУ и подразделения территориальной обороны. Дай Бог им всем вернуться живыми!

Ну а затем начнется работа по оценке ущерба и восстановлению. Ведь в зоне ответственности Олега Кудашкина также железнодорожные вокзалы в Николаеве и Херсоне. Война их, конечно, потрепала. Но, судя по имеющейся информации, здания целы. Хотя в том же Херсоне оккупанты из «второй армии мира», зайдя внутрь вокзального помещения, первым же делом расстреляли из пулеметов и автоматов все окна, стены, двери, телевизоры, мебель…

Тем не менее начальник вокзала Одесса-Главная Олег Кудашкин полон оптимизма.

– Сейчас главное, – говорит он, – победить. Со всем остальным справимся.

Виктория Коритнянская

Лошади на войне…

О лошадях на войне писали многие. Помните стихотворение Бориса Слуцкого «Лошади в океане»?

Лошади умеют плавать,
Но – не хорошо. Недалеко.

«Глория» – по-русски – значит «Слава»,
Это вам запомнится легко.

Шел корабль, своим названьем гордый,
Океан стараясь превозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лощадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.

Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.
Лошади поплыли просто так.

Что ж им было делать, бедным, если
Нету мест на лодках и плотах?

Плыл по океану рыжий остров.
В море в синем остров плыл гнедой.

И сперва казалось – плавать просто,
Океан казался им рекой.

Но не видно у реки той края,
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.

Вот и всё. А все-таки мне жаль их –
Рыжих, не увидевших земли.

Или это, Николая Туроверова?*

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы, все время мимо,
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою…
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода…
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

* «Крым». Н. Туроверов, 1940 г.

У Василия Гроссмана есть трогательный рассказ «Дорога» о любви колхозной русской лошадки и мула Джу, привезенного в объятую войной страну из солнечной Италии… Иван Рядченко посвятил «фронтовой хромающей лошадке» Фаре целую поэму. Страстным любителем лошадей был Бабель. Об этом писали, рассказывали многие его современники. «Отчаянным лошадником» называл его в своих воспоминаниях Виктор Финк. Тамара Иванова вспоминала, что, по собственному определению Исаака Эммануиловича, «лошадиная тема» играла в его жизни большую роль, а Валентина Ходасевич в очерке воспоминаний упоминает о планах Бабеля написать «лошадиный роман». Был ли написан роман – неизвестно, но тема лошади (именно на войне) присутствует во многих конармейских рассказах писателя.

С древних времен лошадь – верный спутник воина. Однако с начала XX века ее место в армии начинает занимать машина. Последней войной, где так массово и активно использовались лошади, была Вторая мировая.

Казалось бы, около двадцати лет прошло после окончания Первой мировой и Гражданской войн в Российской империи, а восприятие, отношение к лошади во время Второй мировой было уже иным. Помните, в рассказе Бабеля «Афонька Бида» (из цикла рассказов «Конармия», в которых отображены отдельные эпизоды боевого пути Первой конной армии во время Гражданской войны в России) с каким сочувствием обсуждали сослуживцы Афонькино горе – смерть его лошади:

«– С дому коня ведет, – сказал длинноусый Биценко, – такого коня – где его найдешь?

– Конь – он друг, – ответил Орлов.

– Конь – он отец, – вздохнул Биценко, – бесчисленно раз жизню спасает. Пропасть Биде без коня…»

Во времена Второй мировой лошадь уже далеко не друг и не отец (за исключением, возможно, кавалерийских подразделений). Конечно, ржание и фырканье коней, позвякивание уздечек, стук копыт – все еще такие же непременные звуки передовой, как свист пуль и раскаты взрывов, но… Лошадь уже не на острие атаки, она уже, как правило, где-то сзади: тянет, как пьяная, спотыкаясь, пушчонку или телегу со снарядами, ждет, впряженная

в повозку, раненых у медсанбата, привозит хлёбово к переднему краю… Неотрывная, тесная связь, сроднённость человека с лошадью к этому времени в большинстве своем уже утеряна, к коню возобладало потребительское отношение (виной тому, вероятно, послужили не только существенное снижение в войсках доли кавалерии из-за механизации армии, но и индустриализация, урбанизация и коллективизация советского народа). Поэтому и ранение, смерть лошади во Вторую мировую войну уже зачастую не личное горе и трагедия, а возможность насытиться, и переход в «безлошадные» часто – не позор и бесчестие, а риск потерять тепленькое место повозочного.

Но все равно тема лошади во Второй мировой войне сложна и полна трагизма, потому что, пожалуй, только лошадь вынесла наравне с человеком все военные тяготы и лишения. Мерзла (зимой 41-го под Москвой непривычные к суровым полевым условиям немецкие кони замерзали насмерть десятками за ночь. – **Авт.**) и голодала, изнывала от жажды и падала от усталости, тонула (спастись без помощи человека лошадь, запряженная в повозку или тянувшая орудие, не могла. – **Авт.**), подрывалась на мине, мчалась в атаку, выходила из окружений и умирала на полях сражений…

Считал ли кто-то, сколько погибло лошадей во Вторую мировую войну от пуль и бомбежек? В сети Интернет гуляют разные цифры, но все они, уверена, приблизительны. Потому что были лошади армейские, так сказать, учтенные, были с началом войны реквизированные, были трофейные, найденные, краденые… Кстати, трофейных немецких лошадей – битюгов-тяжеловозов, не любили. Уж очень они были привередливы в еде, боялись мороза, да и по-нашему не понимали…

У лошади на войне, как и у солдата, своя судьба, своя дорога. И кони штабного начальства не чета были полковым лошадкам…

Лошадка, лошаденка! Именно так, нежно и ласково, называли солдаты лошадей «простого звания»… Она и стерпит все, и словом с ней обмолвиться можно, и ластится, «словно собачонка», и глазом своим смотрит так, как будто «насквозь знает и видит душу своего хозяина». А еще… И из огня вынесет, в холод согреет, в случае опасности предупредит (лошади раньше людей слышали шум приближающихся самолетов, фырка-

ли «громко, по-особому», если видели чужого. – **Авт.**) и воду чистую покажет (хорошо известна требовательность лошадей к чистоте воды. – **Авт.**).

В книге «Молитва за Победу!» представлена статистика войны: «…командир взвода пехоты держался в среднем одну неделю, командир стрелковой роты – около двух недель, танкист – полтора-два боя, летчик – несколько вылетов». Но никто никогда не считал, сколько в среднем жила на войне лошадь.

Во многом это, конечно, зависело от человека. Накормит ли? Напоит, оботрет ли, если в мыле, чтоб не простудилась? Укроет ли на ночь попоной, построит навес? Вовремя подкует, уведет ли подальше во время налета? Но война на то и война, чтобы убивать. И лошади на войне гибли… «Вздувшееся брюхо мертвой лошади», «раздувшиеся крупы лошадей на дорогах», «разложившиеся трупы лошадей с оторванными или торчащими вверх ногами» – практически в каждом произведении о войне встречаются такого рода упоминания. И один из участников боев на Восточном фронте, командир противотанкового расчета Готтлоб Бидерман, позднее напишет, что сопровождавшее их (наступавших немецких солдат. – **Авт.**) на всем протяжении пути зловоние от останков лошадей «всегда будет напоминать о «советском рае», куда мы все больше и больше углублялись».

А еще лошадь на войне – еда… И раненная лошадь для одних – «несчастное и обреченное животное», для других была всего лишь «кусками свежего мяса». Набить животы «свеженькой конинкой» солдаты готовы были даже под взрывами бомб, а скорость, с которой они разделывали лошадиную тушу, равнялась нескольким минутам (или длительности телефонного разговора со штабом)… Из лошадиного мяса готовили на передовой махан*, иногда его жарили…

Ели лошадей и немцы, правда, уже ближе к концу войны. В частности, солдаты окруженной под Сталинградом 6-й армии вермахта ненадолго смогли улучшить свое продовольственное снабжение, забив четыре тысячи лошадей, принадлежавших румынской кавалерийской дивизии…

* Вареное мясо убитых лошадей.

А кто знает, скольким советским военнопленным лошадь, не ведая, продлила или спасла жизнь? Очевидцы рассказывали, как бросались пить «не успевшую впитаться в грунт лошадиную мочу» шедшие в колонне и изнывавшие от жажды пленные красноармейцы и как крошечный, добытый в смертельном бою кусок лошадиного мяса в лагере был единственной надеждой на спасение от голодной смерти.

Но лошадей в войну убивали, не только чтобы утолить голод.

…По дороге –
треск военных повозок.
Гонят коней
без криков,
молча:
приказ – отступать.
На склонах гор
уже стучат
немецкие автоматы.
Вдруг – затор.
Лошади сбились, в пене, храпят,
постромки запутались, рвутся…
Застрелить коней,
колеса, обломки – в канаву!*

Лошадей убивали, чтобы те не достались врагу. Подобные случаи известны как со стороны советских, так и со стороны немецких войск. В частности, командующий 28-й добровольческой дивизией СС «Валлония» Леон Дегрелль вспоминает: «Перед нами находились две русские кавалерийские части (окруженные под Полтавой. – **Авт.**). Казаки любят своих коней, малорослых, резвых, с быстрым взглядом, полудиких, ноздри которых всегда ловят запахи сухой степи. Казаки не захотели, чтобы их кони стали добычей победителя. Тысячами они загнали их в долину, где каждый застрелил своего боевого спутника: более двенадцати тысяч лошадиных трупов лежали один на другом в страшных кучах». И Александр Горбатов в воспоминаниях военных лет пишет:

* Из: «Зов». М. Панов, 1973 г.

«…когда корпус генерала Уборевича вышел к заливу Фришес-Хафф…», на его берегу «…у коновязей лежали тысячи лошадей, убитых гитлеровцами при отступлении».

И хоронили лошадей последними… Правда, бывало, особенно в начале войны, что и после смерти не расставались лошади с людьми – делили с павшими в бою солдатами братские могилы. В воспоминаниях участников сражений на Восточном фронте описаны случаи обнаружения таких захоронений.

После Второй мировой войны лошадь из армии практически исчезла… Да, на них еще выезжали на парады, да, они все еще тянули иногда лафеты с гробами умерших военачальников, но массово – увы… Вместо лошади в армии стала «служить» машина. В связи с этим Н. Щербатюк 1941 года рождения вспоминал: «А в пятьдесят втором году в военторге, так называли у нас магазин на Преображенской, появилась вдруг колбаса… И все удивлялись, а оказалось, что это армия переходит с конной тяги на машинную, и всех лошадей – они стали больше не нужны – пустили на колбасу…».

Есть памятник собаке на войне, но не знаю, есть ли памятник лошади. И осмыслен ли в полной мере подвиг, который она совершила?

Лошади старались, как умели,
вынесли героев не за страх,
чтоб герои в песнях прогремели, –
только не споют о лошадях…**

В наше время в войне России против Украины лошади не воюют. Наоборот, их спасают, рискуя жизнью, вывозят в тыл… Значит ли это, что мир стал лучше, а люди гуманнее? Хочется надеяться, что да…

При написании очерка использованы воспоминания Н. Щербатюка (записала В. Коритнянская, г. Одесса, 2021 г.), Г. Литинского «Под Витебском. Дневник отца» (из книги «Как мы пережили войну. Народные истории», 2016), И. Сапунова «Разве можно рассказать о войне?»

** Из: М. Щербаков. «Человек судьбой своей играет», 1980 г.

(из книги «Истории, которые останутся с нами…», 2021), а также литературные источники: В. Адам, «Воспоминания адъютанта Паулюса» (Русич, 2011), Н.М. Амосов, «ППГ-2266, или Записки полевого хирурга» (Радянський письменник, 1975), Г. Бидерман, «В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941-1945» (2005), Б. Витман, «Шпион, которому изменила Родина» (Элко-С, 1993), А. Горбатов, «Годы и войны. Записки командарма. 1941-1945» (ЗАО Центрполиграф, 2008), Л. Дегрелль, «Любимец Гитлера. Русская кампания глазами генерала СС» (2013), Ф. Искандер и др. «И. Бабель: Воспоминания современников» (Советский писатель, 1972), Х. Киллиан, «В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. 1941-1943» (Центрполиграф, 2005), Серафима, игумения, «Молитва за Победу. Церковь в Великой Отечественной войне» (Друк, 2006), К. Симонов, «Разные дни войны. Дневник писателя. 1942-1945 годы» (Грифон, 2005), А. Шумилин, «Ванька-ротный. Дневник солдата» (Litres, 2016) и др.

Никита Рыбаченко

Грамота на бессмертие

Сложно выражать мысли о чем-то великом, когда сам ты к подобному и не приблизился. Можно изучить сколько угодно источников, пыхтеть над литературой, но слов необходимых не найти. Как архитектор-третьекурсник говорит о Гауди, так и я могу говорить о Губаре.

Мы не были знакомы, хотя возможности для этого существовали. Сейчас я хожу по тем местам, где он был. Сижу в кафе, которые он советовал в своих социальных сетях. Читаю публикации, которые он писал. Такая практика создает впечатление, что ты знаешь человека лично, хотя в быту это невозможно.

Его удивительно точные описания Одессы XIX века создают впечатление, что он видел это своими глазами. Человек, проживший одну жизнь, будто не мог оставить своему тексту столько эмоции. Кто должен был написать «Телемак», чтобы тот вызывал слезы? Ангел? Демон? Губарь.

Каждый из друзей Олега (предпочтительно называть их «губаристы»), с которыми мне приходилось общаться, описывали его очень разным: от выпивающего говоруна до тонкого мыслителя. Но все употребляли одно слово – «потрясающий». Потому что он действительно потрясал их. Если брать за основу мнение, что произведение – это одна десятая от автора, то Губарь был вершиной влияния на сердца людей.

Был. Потому как мы – поколение, не знакомое с Олегом Иосифовичем, – уже не поддаемся ему. Потому что не читаем, и посоветовать нам некому. Светило одессики, мэтр одесского мата

и специалист по вменяемому использованию в тексте слова на букву Ж может оказаться на обочине истории.

Однако надежду вселяет моя собственная допущенная в мыслях оговорка. Я стоял на Еврейском кладбище и думал: «Жалко, Олег Иосифович, что Вы меня не знали. Я-то Вас знаю». Эта оговорка вселяет надежду, что он не будет забыт. Не будет забыт детьми людей, которые его знали. И внуками этих детей. Теперь эта ответственность лежит на наших хрупких женских плечах – одесской интеллигенции и вздыхающей свиты, что пытается к этой интеллигенции подобраться.

Олег, словно цитируя своего любимого Пушкина, говорил всем нам и городу в целом: «Пора, красавица, проснись!». И призывал. Призывал к культуре, искусству, истории и распитию вина. Но Одесса так и не проснулась. Ему ничего не оставалось, кроме как оставить свои тексты рядом, на прикроватной тумбе. И когда красавица наконец очнется от безвольного культурного сна, она прочтет эти любовные записки со статусом «Грамота на бессмертие» и ахнет. Потому что окончательную бодрость в Одессу загонит небольшая подпись в правом нижнем углу листа: «О. Губарь».

Галина Владимирська

Коли автор – універсальна особистість

В Одесі презентовано виставку та книжку Михайла Поживанова

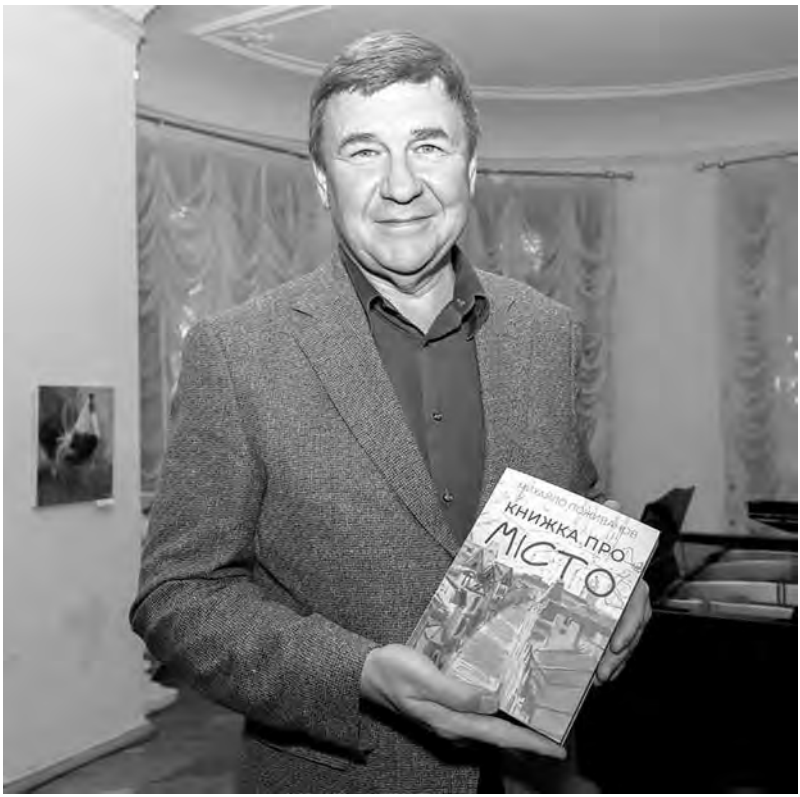
В Одеському літературному музеї відбулося відразу дві події: відкриття художньої виставки та презентація «Книжки про місто» Михайла Поживанова – громадського та політичного діяча, депутата Верховної Ради чотирьох скликань, доктора технічних наук, мецената, колекціонера. Як мовилося учасниками події, автор – яскрава багатогранна особистість, людина, яку за широтою її інтересів та сфер діяльності можна порівняти з персонами епохи Ренесансу.

Про масштаб особистості Михайла Олександровича може свідчити зокрема і той факт, що на презентацію приїхали шановані гості з інших міст, прийшли відомі одесити, і кожен мав що сказати про різні грані діяльності та людські якості героя події.

Дружня зустріч відкрилася показом відео про Маріуполь, трагедія якого відізвалася болем у серці кожного українця. Такий початок зумовлений біографією М.О. Поживанова: тут він свого часу починав своє трудове життя на комбінаті «Азовсталь», тут створював свій бізнес, був обраний маріупольським міським головою і зробив свій значний внесок у розвиток міста. Нині ж переймається долею постраждалих маріупольців…

Виступи почалися з привітання директорки Одеського літературного музею Тетяни Ліптуги, яка зазначила, що хоч музей нині й не має змоги працювати на повну силу, та такі презентації необхідні для підтримки оптимізму та віри у майбутнє нашої країни.

З художньою творчістю Михайла Олександровича та концепцією експозиції, влаштованої в Одесі, познайомила присутніх відомий знавець візуального мистецтва Алла Маричевська –



кураторка виставки, арт-директорка галереї «АВС-арт», заснованої 2009 року в Києві М.О. Поживановим. У галереї вже було реалізовано кілька проєктів, в основі яких – представлення універсальної особистості, коли наші сучасники успішно реалізують свої таланти у різних сферах, включно із живописом. Пізнаючи іншу грань своєї особистості, своїх можливостей, вони не зрікаються того, що вже здобули раніше. До таких належить і сам засновник галереї. Виставку в Одесі назвали «Життєві перехрестя», адже в картинах знайшли відбиток різні періоди життя автора. Експозиція ретроспективна: вона показує, з чого

автор починав, і те, як далі ускладнювалася його стилістика й мистецьке мислення.

– При відборі робіт ми зробили акцент саме на місті, – підкреслила Алла Маричевська, – бо паралельно йшла робота над книжкою про створення комфортного міста, де людина може не лише жити, а й розвиватися, не лише споживати, а й творити, рухатися вперед як особистість. І сам Михайло Олександрович проілюстрував цю книжку роботами, в яких є мрія, є емоції. Тому в нас тут показане місто в різних станах, у різний час доби, відтворено різні переживання містянина. Виставка оптимістична, сонячна, крім однієї роботи – про Маріуполь. Але й тут посеред чорного та білого кольорів є червона цятка – як промінь надії.

Продовжили тему саме мистецького обдарування Михайла Поживанова заслужені художники України: голова Національної спілки художників України Костянтин Чернявський, голова Одеського регіонального відділення НСХУ Анатолій Горбенко та куратор багатьох мистецьких проєктів Сергій Савченко. Сергій Савченко зокрема підкреслив роль Михайла Поживанова як колекціонера та галериста.

– Ми ще досі перебуваємо у процесі усвідомлення своєї національної ідентичності, створення цивілізаційних кордонів, – зауважив художник. – Україна тривалий час була розділена на життя у різних імперіях – Австро-Угорській та Російській. А усвідомлення приналежності до різних держав переходило у спадок до багатьох поколінь українців, тому кожен з нас є носієм того болю роз'єднання, історичного сирітства. Спраглість на об'єднання простору фактично оформилася починаючи з дев'яностих років минулого століття, і зараз ми вже бачимо плоди того руху на об'єднання в єдине ціле. У галереї Михайла Поживанова – мислення та бачення українського простору як єдиного цілого. Його колекція представляє найкращих митців України з усіх регіонів. Потужні яскраві прояви митців, які декларували свою ідентичність і водночас вступали в діалог з широким світом. Ці імена мають бути знані суспільством. Це доволі унікальне явище, що допомагає усвідомленню своєї ментальності, яка завжди була споріднена з ментальністю європейських народів.

До речі, на виставці в Одесі було також представлено альбом з колекцією галереї М.О. Поживанова, гортаючи який, переконуєшся: це не просто окремі талановиті роботи видатних митців, а цілісний образ візуального культурного простору України.

А далі на презентації вже йшлося про «Книжку про місто». Секретар Національної спілки письменників України Микола Гриценко помітив у ній біль автора, який хоче бачити наші міста комфортними, затишними, безпечними у всіх аспектах. До того ж такими, в яких урбанізація не вбила проявів культурної своєрідності та неповторності, національного колориту.

Президент Національної академії державного управління при Президентові Україні, відомий політичний і громадський діяч Василь Куйбіда розповів, що свого часу Михайло Поживанов став наймолодшим міським головою в Україні та розвивав Маріуполь, маючи свою уяву про його майбутнє.

– У книзі автор не лише осмислює закономірності побудови міста, а загалом аналізує принципи місцевого самоврядування, механізми самоорганізації в містах і селищах, – зауважив Василь Куйбіда. – А також влаштовує нам цікаву мандрівку у минуле й сьогодення багатьох міст.

Ще один киянин, письменник, перекладач з грецької Василь Степаненко говорив про людські якості М. Поживанова. Нещодавно вони разом побували у Греції, де Михайло Олександрович провів численні зустрічі з місцевими керівниками владних структур, громадськими діячами, бізнесменами, залучаючи їх до допомоги потерпілим від війни в Україні.

Нарешті слово взяв сам герой зібрання.

– Відео, присвячене Маріуполю, з якого почалася ця зустріч, – це біль не лише маріупольців, а й кожного українця, – сказав Михайло Олександрович. – Свого часу я побудував у Маріуполі храм та монумент митрополиту Ігнатію, грецькому священику високого сану, який з Криму привів православних греків для поселення на берег Азовського моря, де насамперед ними були започатковані села, а потім виросло місто. Митрополит сьогодні визнаний усією Православною Церквою як святитель. Коли ж я показав у Греції фото, на яких видно, що храм і монумент зруйновані, греки були шоковані: невже це зробили православні?! Розказати про

руйнування росіянами наших духовних святинь було дуже важливо, адже коли Православній Церкві України надавали томос, грецькі священики виступали проти, у них був певний проросійський погляд щодо церковних питань. І варто було викликати ці емоції обурення, адже нашій країні зараз дуже потрібна духовна підтримка.

Що стосується сьогоднішньої події, то маю сказати, що творчість вимагає зосередження саме на малюванні, на підбиранні кольорів і таке інше, і це допомагає відволіктися від величезної кількості проблем, дарує душевну рівновагу… Щодо книжок, то як доктор технічних наук я маю близько сотні різного роду наукових публікацій з металургії, екології, а з 1994 року почав писати публіцистичні роботи. Ця книжка – вже десята. Це мої роздуми про те, як треба будувати країну, розвивати ті чи інші галузі, що треба робити, щоб поліпшити екологічну ситуацію. Вона

про міста, про їхню історію, сьогодення та майбутнє. Першу презентацію зробили у Києві, тепер – в Одесі.

У «Книжці про місто» я розповідаю про свій досвід, адже свого часу працював не лише міським головою Маріуполя, а й заступником міського голови Києва, з 1999-го по 2005 рік у команді Олександра Омельченка. І далі був народним депутатом України, заступником міністра економіки, вів свій бізнес, мав нагоду жити й працювати у різних країнах і бачити, як там розвивалися міста… Тож пишу про те, які були ризики, що вдалося та що не вдалося зробити. Критичне переосмислення свого досвіду важливе, адже це може стати у пригоді майбутнім поколінням. Я вважаю, що це буде корисно для будь-якої команди – для села, селища, міста, об'єднаної територіальної громади. Сьогодні їм дали набагато більше прав і грошей, тому кожен керівник має розуміти, як це спрямувати на створення комфортних безпечних умов для всіх жителів.

На початку я навів історичну довідку про те, як взагалі виникали й утворювалися міста. Це буде цікаво багатьом. І дав аналіз більшості столиць світу: які у них є переваги та недоліки, що корисного можна у них запозичити.

Україні доведеться відбудовувати свої міста після війни. І мені приємно, що програма такої відбудови, розроблена урядом, де визначено основний напрямок і поставлені основні завдання, на дев'яносто відсотків співпадає з пропозиціями, викладеними у моїй книжці.

Треба підкреслити, що не випадково у своїй волонтерській діяльності Михайло Олександрович підставляє своє плече одеситам і тим, хто зараз їде до Одеси із зон обстрілів і бойових дій: віднедавна він очолює міську організацію Всеукраїнського об'єднання «Батьківщина». Тож нині буває в Одесі регулярно, а на презентації було чимало його однопартійців.

Не обійшлося й без подарунків. Голова Одеського регіонального осередку Національної спілки журналістів України Юрій Работін вручив М.О. Поживанову відзнаку «Народна довіра» та диплом учасника конкурсу «Українська мова – мова єднання».

А музичні вітання підготувала народна артистка України, директорка Оперної студії при Одеській національній музичній академії ім. А.В. Нежданової Віра Ревенко: вона запросила талановитих студентів академії, які виконали народні пісні та твори українських композиторів. І це було справжнє мистецьке свято!

Фото Олега Владимирського

Анатолий Горбатюк

Интервью с Михаилом Жванецким

Как американский издатель сам себя обманул

1997 год застал меня с Людмилой за освоением совершенно нового для нас пространства на новой «родине» – в Соединенных Штатах Америки, а точнее – в очень солнечном Лос-Анджелесе. Я не случайно слово «родина» поместил в кавычки: при всем моем огромном уважении к этой поистине великой стране, в свои шестьдесят лет (ровно столько мне исполнилось тогда) назвать осваиваемое пространство родиной после Одессы было выше моих сил.

На новом месте задача передо мной стояла удивительно простая: забыть, что я инженер (какой, нахрен, инженер без языка?), забыть, что я музыкант (здесь такого добра, только помоложе и качественней, сколько угодно), но побыстрее связаться с русскоязычными газетами, которых в Лос-Анджелесе, к моей радости, оказалось ого-го сколько, и предложить им свои услуги как журналиста. То есть делать то, что я делал в свободное от основной работы время в Одессе, попытаться превратить это на новом месте в главный источник дохода.

Поначалу все как будто шло в правильном направлении. Я познакомился с редакторами нескольких русскоязычных газет, деловые отношения с которыми были донельзя упрощенными: понравился предложенный мною материал – редактор его забирал и сразу после публикации выдавал гонорар наличными, материал не понравился – возвращали без всяких объяснений. На первых порах такие отношения меня вполне устраивали, но шло время, и мне захотелось быть принятым в штат газеты. Таким образом я рассчитывал влиять на ее политику.

Дело в том, что пишущая братия, когда нужно было освещать современную жизнь государств, появившихся на территории развалившегося Советского Союза, очень часто давала не только неправдивую информацию, но и опускалась до беспросветной глупости. Приведу один достаточно яркий пример, для чего процитирую лос-анджелесский еженедельник «Пятница Express» из рубрики «Наши интервью».

Итак, цитата. «Знаменитая миниатюра Карцева о раках появилась не случайно… «Стали бы мы со Жванецким шутки шутить, не зная предмета, – говорит Роман Андреевич.– Ведь мы из Одессы». А в Одессе это делается так: два-три человека берут обычный ящик или мешок раков, *идут на лиман* (курсив мой. – **А. Г.**), садятся и молча, не произнося ни слова, с пивом уничтожают содержимое мешка». Повторюсь: этот текст для идиотов напечатан в разделе «Наши интервью». И подобные перлы встречались в различных «русских» газетах в больших количествах. Я был твердо уверен, что газета, в штате которой окажусь я, подобные фейки печатать ни при каких обстоятельствах не станет…

В это время в Лос-Анджелес приезжает с концертами Михаил Михайлович Жванецкий, общение с которым у меня началось еще в 1958 году в стенах Городского клуба студентов, где я работал администратором, а Миша был автором и актером самодеятельного, очень популярного в Одессе театра миниатюр «Парнас-2». Мы последний раз виделись со Жванецким в августе 1997 года на моем шестидесятилетии, когда я и объявил о переезде на ПМЖ в США.

…Мы встретились в ресторане, который держал известный одессит, заслуженный артист Украины Валерий Барда-Скляренко. Для меня радость встречи омрачало одно обстоятельство: я должен был сделать Мише предложение дать мне интервью – такое условие для принятия меня в штат одной из газет поставил ее хозяин (он же главный редактор), а ведь было известно, что интервью Жванецкий не дает! Миша заметил мое явное напряжение и спросил, в чем дело. Мне уже ничего не оставалось, как рассказать ему, чем вызвано мое такое настроение. Жванецкий лишь на миг задумался и бросил: «Надо – значит сделаем! Приходи

ко мне в гостиницу часиков в одиннадцать утра». У меня с души свалился огромный камень…

Наша работа началась с того, что Миша внимательно прочитал перечень подготовленных мною вопросов, внес небольшие коррективы и спросил, сколько времени ему отведено на ответы. Получив от меня неограниченный лимит времени, наш живой классик (так я еще вечером обозвал Жванецкого, не уловив каких-либо признаков недовольства с его стороны) приступил к рассказу, а я, включив диктофон, превратился в благодарного слушателя Михал Михалыча. Да, было что послушать, поверьте на слово! Миша говорил в своей обычной манере – с микропаузами и забавной жестикуляцией – два с половиной часа, не пропустив ни одного пункта из вопросника, который он положил перед собой.

Заключительная часть Мишиного рассказа была неожиданно посвящена его взаимоотношениям с популярным режиссером и актером Никитой Михалковым:

– Вот-вот вступим в новое тысячелетие, а Никита Сергеевич будто застрял где-то в 1950-х возле Иосифа Виссарионовича. Стоило нам встретиться – неважно где и при каком стечении публики – как Михàлков (он считает, что именно так должна звучать его дворянская фамилия) лишенным приятности голосом начинал одну и ту же фальшивую в своем звучании песню: «Миша, ну какой ты еврей?! Ты же наш, ты же русский парень!». Долгое время я испытывал страшное унижение: с какой стати я должен слушать этот великодержавный бред, оправдываться, прятать глаза, делать вид, что не слышу… Я старше его по возрасту, но обращаюсь к нему на «вы» и исключительно по имени и отчеству, он же мне постоянно тыкает и называет меня Мишей. Недавно мне все это до такой степени надоело, что достаточно громко я ответил нашему русскому барину: «Никита Сергеевич, постарайтесь все же запомнить: я – еврей, и «вашим» никогда не буду, а навсегда останусь евреем!». Кажется, он что-то понял…

…Вечером, расставшись со Жванецким, я еще раз прослушал заключительную часть интервью и встревожился: всем известны скандальный характер и мстительность Н.С. Михалкова, не захо-

чет ли он с Мишей, узнав об этом интервью, начать сводить счеты? Дождавшись утра, я позвонил Жванецкому и высказал свои опасения. К моему удивлению, живой классик громко рассмеялся:

– Горбатючок (так он в шутку называл меня), прошу иметь в виду: во-первых, ты ведь не спаивал меня перед интервью, и я отлично помню, что говорил; во-вторых, Жванецкий – боец, и никакие Михàлковы ему давно уже не страшны!..

История с интервью на следующий день приняла неожиданный поворот. Хозяин (он же главный редактор) газеты, для которой было подготовлено это интервью, решил пойти на элементарный обман по отношению ко мне. А чего церемониться с внештатным корреспондентом своей газеты? Короче говоря, интервью появилось не в еженедельной газете, которая, кстати, имела солидный тираж и, естественно, большое количество постоянных читателей, а во влачащем жалкое существование ежемесячном «Медицинском справочнике», выходящем для весьма ограниченного контингента читателей и приносящем значительные убытки. Таким странным

образом неразумный хозяин нормальной газеты и убыточного справочника решил поднять тираж последнего. И, представьте, у него это получилось… но только на один выпуск справочника – тот, в котором оказалось интереснейшее интервью гордости русскоязычной мировой литературы. Вот уж поистине из пушки по воробьям…

Жванецкий уехал из Лос-Анджелеса за день до выхода скандального интервью, так что никакие объяснения я давать никому не должен был. Рассчитался со мной работодатель достойно (хоть в этом вопросе оказался на высоте), но самое главное – владельцев и редакторов других лос-анджелесских газет заинтересовал журналист, сумевший взять интервью у самого Жванецкого. Так я сразу же получил несколько заказов на очерки о жизни сегодняшней Украины и Одессы в частности. Пройдет немного времени, и я возглавлю газету Одесского землячества Лос-Анджелеса «Одесский маяк». Но это уже совсем другая история…

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

200 лет пребыванию Пушкина в Одессе

88 Українські поети і Пушкін

101 **Олег Губарь**
О том, как Одесса всем миром собирала деньги на памятник А.С. Пушкину

112 **Людмила Шарга**
Прощай, свободная стихия

118 **Галина Семыкина**
«Обращаюсь к январской катастрофе 1837 года…»

Українські поети і Пушкін

Павло Тичина

Перед пам’ятником Пушкіну в Одесі

Здоров будь, Пушкін мій, землі орган могучий!
І ти, морська глибінь, і ви, одеські тучі!
Я тут у вас в гостях, і всім я вам радий.
Не гнівайтесь за сміх: іще ж я молодий.

Залузаний бульвар. Бульчить калюжна плавань.
І Пушкін на стовпі – пливе у грязь, як в гавань.
Куди ж ти, підожди! – не хоче говорить.
Внизу сирени рев і море бурунить.

То ж вдячнії сини невдячної Росії
поставили його… плечима до стихії.
Стій боком до людей, до многошумних площ;
Господь стихи простить і епіграмний дощ…

Ах, море і поет! Та хто ж вас не боїться!
Свободи чорний гнів. І блиск, і гарт, і криця.
Поетом будь добро: помреш – то од свобод
все боком ставлять нас, щоб не впізнав народ.

1924

* * *

Тут був готель «Царград». Спинись, людино!
Він Пушкіна, вигнанця і співця,
Приймав колись. Низенька зала ця
Найвищу привітала верховину.

Зібравшись на весілля, у гостину,
Неволі син, що визволяв серця,
Тут спочивав, не знавши рішенця,
Що тьмою сонячну повів годину.

Шевченко й Пушкін! Гнала їх обох
Рука царя під бурю і негоду, –
Та не взяли ні пліснява, ні мох

Їх серць палких – і, непокорні зроду,
Вони несли не разом, та удвох,
На крилах слова сонце і свободу.

1937

* * *

Олов'яний погляд Миколая
І Дантес у профіль і en face.
Друг корить – як завжди, ворог лає
І минає, і спливає час.

На балу кокетлива Мадонна
В'ється безрозумно, як мотиль,
А земля така навколо сонна,
А такий у серці біль!

Що там щастя – хоч спокою б клапоть,
Хатка і піщаний косогір,
Де жандармська не одягне лапа
В пізній камер-юнкерський мундир.

Рідні книги в синьому сап'яні,
Тихий згад шумних ліцейських літ,
Воркітливий, сивий голос няні, –
Та невже це тільки тінь і слід?

Тінь і слід – і дружба, і кохання,
І вигнання, й пориви і сни?
Та невже було це дожидання
Зовсім неможливої весни?

Ні! Рука не випускала вперто
Вірного, невтомного пера,
І, як час йому прийшов умерти,
Сам він знав, що весь – не умира.

Ліна Костенко

Віяло мадам Полетики

Ідалія Полетика,
прославилася бабонька,
цькувала собі генія, знічев'я, просто так.
Тепер в музеях Пушкіна
зі стін очима кліпає,
за віяло ховається, коли екскурсовод
ні-ні та її скаже: – Ось вона,
та сама світська дамочка,
котра цькувала генія. Нікчемна, а й вона
отрути жменьку вкинула, де наклепи варилися,
і є в його загибелі також її вина.

Куди ж тепер їй дітися?
Безсмертя річ безвихідна.
Всі погляди спиняються на ній, на ній, на ній!

А що, мадам Полетико?
Позиція невигідна.
Тепер сиди у рамочці, прилюдно червоній.

Він щедрий, незлопам'ятний,
він вивів тебе з ницості.
Без нього, без убитого, ну ким би ти була?
А так усі розплутують по вузлику, по ниточці,
вже років сто розплутують усе, що ти плела.

В Дантеса були крильця – сріблясті еполетики.
Він пурхав, ти звивалася – як жевжик і змія.
Воно, звичайно, бувши
дружиною Полетики,
годилось би залишити достойніше ім'я.

Ідалія, вродливиця, і очі з поволокою,
дитя розпусти графської, рождене без вінця.
Як ви цькували генія!
Безжалісно, толокою.
Чого ж тепер ти віялом прикрила півлиця?

Ідалія, сучасниця,
ну, як тобі сичалося?
Звідкіль взялося віяло, бо наче ж не було.
Чи ти ото прикрилася, щоб совість не пручалася,
щоб люди не побачили роздвоєне жало?

А треба ж було думати,
царі, Дантеси, Дубельти,
Ідалія Полетика, і всі на одну масть!
То небезпечно – генія цькувати.
Він у безсмерті страшно вам воздасть.

Євген Гребінка

Полтава

Багатий дуже Кочубей:
Його ланам кінця немає,
Його отара скрізь гуляє
В зеленім лузі без людей;
А луг аж стогне під волами,
Під кіньми гарними й вівцями.
Багацько у його добра,
Атласу, хутра і срібла,
На видноті і під замками.
Та пишний Кочубей не тим,
Не довгогривими конями,
Не батьківськими хуторами,
Не злотом, бачите, яким
Його щогод дарує Крим –
Дочкою гарною своєю
Ти забагатів, Кочубею!..

1836

Іван Франко

Поетові

Поет, не дорожи любовію народною!
Похвал і захватів минуть хвилеві бурі;
Почуєш дурня суд і сміх юрби холодної,
А ти лишись твердий, спокійний і понурий!

Ти цар, то жий же сам! Дорогою свобідною
Йди там, куди тебе веде свобідний ум!

Довершуй виплоди любимих твоїх дум,
А нагород не жди за твори, хвали гідні.

Вони в тобі самім. Ти сам собі найвищий суд,
Гостріше від усіх зумієш оцінить свій труд.
Чи задоволений ти тим, що не трудився всує?

Як так, нехай юрба хоч злиться, хоч ганьбить,
Плює на вівтар той, де твій огонь горить,
Або мов дітвора твій п'єдестал штурмує!

Сівач

Сівач свободи, із пустині
Я вийшов рано до звізди,
І руки чистії, невинні
На поневоленії борозди
Кидали животворне сім'я раз у раз.
Та дармо лиш я стратив час
І добрі наміри й труди.
Пасіться, сумирні народи!
Вас не пробудить честі клич.
Нащо отарам дар свободи?
Їх різать або стригти треба лиш.
Наслідця їх від роду в роди
Ярмо з дзвіночками та бич.

Михайло Старицький

В'язень

Сижу я в темниці, дивлюся з-за грат:
Край муру теж бранець, орел мій співбрат, –
Журливо махає недужим крилом,
Криваве щось дзьоба, якраз під вікном…

І рве, і шматує та зорить в вікно,
Немов-би замислив зі мною одно,
І клекотом вабить взір темряви мій,
І хоче промовить: «З темниці мерщій!

Ми вільнії птахи: гей, час і пора!
Туди, де з-за хмари біліє гора,
Туди, де синіють за млою моря,
Туди, де гуляє лиш буйний… та я!»

Михайло Драй-Хмара

Цигани

Цигани юрбами в степах
По Бесарабії кочують.
Тепер вони на берегах
У шатрах подраних ночують.
Весела там, як вольний спів,
Ночівля їх під небесами.
Поміж колесами возів,
Напівзапнутих килимами,
Горить огонь; сім'я кругом
Вечерю варить; в чистім полі
Пасуться коні; за шатром
Приручений ведмідь на волі.
Як оживили степ оцей
Турботи лагідні сімей,
Що рушать завтра в похід ранній,
Пісні жінок і крик дітей,
І дзвін ковадла на смерканні!
Та ось, на табор кочовий
Спускається ночне мовчання,
І чути в тиші степовій
Лиш гавк собак та коней ржання.

Кругом погашено огні,
І всюди спокій; місяць сяє
З небесної височині
І тихий табор осяває.
В однім наметі дід не спить;
Він перед вугіллям сидить,
Де жевріє ще жар червоний,
І пильно на полях зорить
І на туманні оболоні.
Його ще молода дочка
Пішла десь погулять у полі.
Вона вже звикнула до волі,
Вона надійде: дід чека…
Вже ніч, вже скоро й місяць кине
Хмарок далеких тінь легку, –
А дівчини нема, і стигне
Убога страва в казанку.

Микола Зеров

Поет

Поете, не зважай на лестощі народу!
Хвалінь і захвату мине хвилинний шум;
Почуєш блазня суд і черні дикий глум,
Але байдуже стрінь той вихор і незгоду!

Ти – цар. Шануй свою самотність і свободу,
Прямуй, куди тебе свобідний манить ум!
Виношуючи плід дозрілих творчих дум,
Не сподіваючись на людську нагороду.

Вона – в душі твоїй. Ти сам свій йвищий суд,
Сам найсуворіше ти свій цінуєш труд.
Ти ним не гребуєш, о майстре гордовитий?

Не гребуєш! Нехай же люд його ганьбить
І на вівтар плює, де твій огонь горить,
І прагне в нестямі триніжок твій розбить!

* * *

Що в імені тобі моїм?
Воно замре, як сплеск бентежний
Об камінь дальній надбережний,
Як шелест у гаю нічнім.

Воно між пам'ятних листків
Залишить слід незрозумілий,
Як візерунок на могилі
Із мертвих чужомовних слів.

Що в ньому? Глибоко й давно
Забуте у швидких поривах,
Душі твоїй не дасть воно
Ні дум, ні спогадів щасливих.

Та в день журби, в самотині,
Його крізь тугу прокажи ти,
Промов: є серце, де мені
У спогаді припало жити.

До ***

Ні, не питай, чому тужлива дума
Серед забав оповива мене,
Чому мій зір блукає, повен суму,
Чому життя не надить чарівне.

Та й не питай, чому навік душею
Я розлюбив веселість і любов.
І жодної не назову своєю:
Хто раз кохав, не покохає знов.

Хто щастя знав, той щастя не зазнає.
Коротка мить – і радості нема.
Від юних днів, від пестощів і раю
Нам тягота лишається сама.

Максим Рильський

* * *

Я пережив свої бажання,
Я розлюбив юнацькі сни;
Лишилися мені страждання
Порожні вицвіти весни.

Під бурями лихої долі
Зів'яв квітучий мій вінець;
Живу в самотнім вічнім болі
І жду: чи прийде мій кінець?

Так восени, як хижим свистом
Зима з-за гаю засвистить,
Один – на дереві безлистім
Листок запізнений тремтить.

Спомин

Коли для смертного замовкне день труда
І на німі майдани міста
Напівпрозора ляже ніч бліда,
І сну крило повіє чисте,

Тоді в самотності, легких не знавши снів,
Тривожної я повен муки:
В безсонні устає сумління темний гнів,
Шиплять докори, як гадюки;
Душа горить; в умі схвильовані думки
Одна по одній виникають,
І давні спомини, безмовні та тяжкі,
Сувої довгі розгортають.
І я, читаючи облуду й гріх,
Життя минуле проклинаю,
І тяжко скаржуся, проте в сльозах гірких
Рядків печальних не змиваю.

Сонет

Суворий Дант не зневажав сонета;
Петрарка в нім кохання виливав;
Красу його любив творець Макбета;
Про сум гіркий Камоенс нам співав.

І в наші дні втішає він поета:
Вордсворт його за речника обрав,
Змінивши світу марного тенета
На хвилювання вільних вод і трав.

У горами лямованій Тавриді
В його рядки, суворіші від міді,
Співець Литви чуття свої вкладав.

У нас іще його не знали діви,
Коли для нього Дельвіг забував
Гекзаметра священного мотиви.

Елегія

Бездумних днів веселощі свавільні
Тяжкі мені, як спогади похмільні.
Та як вино – печаль моя стара,
Що старшає, то сили набира.
Мій шлях сумний. Віщує труд і горе
Прийдешності розбурханої море.

Але не хочу, друзі, умирать;
Я хочу жить, щоб мислить і страждать,
І відаю – у дні турботи й лиха
Життя мені скрашатиме утіха:
Не раз іще, у радості й сльозах,
Гармонію ловитиму в піснях,
І – мариться – смутне моє смеркання
Любов осяє золотом прощання.

Володимир Сосюра

Ти і ви

Порожнє *ви* сердечним *ти*
Вона, забувшись, замінила,
І мрії, повні красоти,
В душі закоханій збудила.
Я коло милої стою
Весь у задумі, у розгубі;
Я їй кажу: «Які ви любі!»
А мислю: «Як тебе люблю!»

* * *

Навіщо так чудово сяє
Її хвилинная краса?
Вона помітно зав'ядає,
Квітуча юність погаса…
Погасне! Днів своїх весною
Недовго тішить серце їй
І всіх щасливити собою
В родині радісній своїй,
Дотепним словом, жартів грою
Розмови наші оживлять
І душу страдника – ясною
Душею ніжно зогрівать…
Під тягарем журби моєї
Я поспішаю знов і знов
Хоч надивитися на неї,
Її наслухатись розмов;
Немов зоря прекрасна, рання,
Вона в душі моїй горить,
І мить єдина розставання –
Це розпачу жахлива мить.

Склали Олександра Делі та Олена Яворська

Олег Губарь

О том, как Одесса всем миром собирала деньги на памятник А.С. Пушкину

Не знаю ничего пошлее местечковых легенд, низводящих всякий значимый ретроспективный сюжет до уровня невежественной байки. Скажем, следуя логике самозваных экскурсоводов местного разлива, Александр Сергеевич год с лишком только тем и занимался, что озеленял Одессу: втихаря на рассвете, «навстречу утренней Авроре», высаживал то канадский тополь под окнами Воронцовой или Ризнич, то платан на бульваре, то дубок в Казенном саду. Впоследствии же бронзовая версия большого любителя зеленых насаждений повернулась спиной к Думе в знак протеста: как же, городское самоуправление якобы не пожелало финансировать сооружение памятника.

Для начала замечу лишь то, что бронзовый Пушкин повернут как раз лицом к Думе, помещавшейся до конца позапрошлого столетия в правом полуциркульном здании, за спиною вовсе другого монумента, Дюка. Стало быть, это герцог Ришелье, возможно, недоволен прижимистыми думцами. Поэт же на самом деле как бы отвернулся от Старой биржи, в которую Дума перебралась только в 1899-м, после постройки Новой – где ныне филармония (к этому времени памятник-фонтан стоял на своем месте уже десять лет). Но и тут получается неувязка, ведь именно обитая в меркантильной Южной Пальмире, Пушкин получил первые, неслыханные по тем временам литературные гонорары. Именно прагматичная Одесса надоумила, что его продукция такой же товар, как и всякий другой, что «можно рукопись продать», навела на «Разговор книгопродавца с поэтом». Пушкин жил в доме барона Рено, где проходили

биржевые собрания, дружил преимущественно с негоциантами, биржевиками, столовался у них, играл с ними в карты, развлекался на их приморских хуторах. Так что никакого зуба на биржу не имел.

Во избежание разночтений, казалось бы, остается принять равнение налево (на Английский клуб), на худой конец направо (на море и обратно). Однако и оные варианты могут интерпретироваться как экивоки. Действительно, повышенное внимание к туманному Альбиону, а тем паче к «свободной стихии» грозит отозваться обвинениями в безродном космополитизме со всеми вытекающими отсюда последствиями, не исключая депортации монумента. «Куда ж нам плыть?» Бедный Пушкин, как он был прав!

Для пресечения хорошо проверенных слухов остается лишь одно: рассказать, как все было реально – кто инициировал сооружение памятника, как собирались необходимые средства, кто эти средства предоставлял, как этот проект осуществлялся, каково было фактическое участие Городской думы.

Дело было так. В 1880 году в день рождения Пушкина состоялось торжественное открытие монументального памятника поэту в Москве работы А.М. Опекушина. В торжестве принимала участие делегация Одессы – города, не только неразрывно связанного с биографией и творчеством поэта, но и университетского. Поэтому и здесь синхронно проходили памятные пушкинские дни. Накануне на заседании в Императорском Новороссийском университете была озвучена инициатива Славянского благотворительного общества имени Кирилла и Мефодия, Одесского городского общественного управления и университета увековечить память Пушкина в Одессе.

В тот же день установили мемориальную мраморную доску на доме Сикара по Итальянской улице, связанном с пребыванием поэта. 25 июня последовало постановление Думы относительно отвода места на Николаевском бульваре, против здания Биржи, для сооружения фонтана с бюстом по частной подписке (изначально памятник предполагалось установить на Театральной площади, меж Городским театром и Английским клубом), причем тут же Славянскому обществу из городских

сумм было выделено 300 рублей на премию за лучший проект. Тогда же Итальянскую улицу переименовали в Пушкинскую. Конец 1880-го ознаменовался формированием особого Комитета по сооружению памятника, в состав которого вошли представители университета (профессора Н.П. Кондаков, А.А. Кочубинский), городской управы (Н.В. Велькоборский), Общества изящных искусств (Д.Е. Мазиров, Ф.О. Моранди, В.А. Красовский, впоследствии Л.Л. Влодек), Славянского общества (И.И. Бобарыкин, председатель комиссии, и Р.И. Мрачек). Как видим, люди не только известные, но и высокопрофессиональные. Комиссия открыла свои действия 29 мая 1881 года.

Поскольку сбор средств назначался по частной подписке, стартовали в июне газетными воззваниями к одесситам и лицам, связывающим свои коммерческие и прочие интересы с городом. Вот образчики этих текстов.

«Граждане! Поспешите своими пожертвованиями осуществить дело увековечения памяти Пушкина в Одессе. Принесите вашу дань в честь искусства, засвидетельствуйте перед грядущими поколениями свою благодарность за чудные строки, которыми поэт запечатлел былое степей Бессарабии, скал Тавриды и нашего города – этой столицы Юга; заплатите ваш долг за восхитительные картины нашего многошумящего моря!»

«Говорят, по множеству памятников можно судить об умственном развитии страны. В справедливости этого трудно сомневаться; можем только прибавить, что счастлив народ, имеющий великих сынов, но счастливее тот, который сумеет оценить достоинства их».

«Наш край – южная окраина русской земли – к великому поэту имеет свои, особые отношения. Наша окраина – Кавказ, Таврида, Бессарабия и Одесса – теснейше связаны с творчеством русского гения: многие и не последние его произведения навеяны ею. Естественно было потому желание – эти наши местные отношения к поэту увековечить в монументальном памятнике. Когда остановились мы на этой мысли, мы были далеки от стремления конкурировать с памятником поэту в Москве, и не взыщут с нас, если скромные размеры нашего памятника не будут в гармонии с размерами чествуемого гения, не скажут, что мы оскорбляем

ими. Мы остановились на фонтане с бюстом Пушкина в Одессе – на бульваре, против Биржевого здания, где начинается улица имени поэта… Комиссия не ищет многого – она помнит русскую поговорку «копейка к копейке – рубль»; пусть только каждый, кто хоть в школе познакомился с Пушкиным, принесет свою лепту, в копейку, и искомая сумма налицо».

Намечалось отпечатать подписные листы, поручить сбор денег представителям комиссии и, по ее выбору, другим лицам, организовать мероприятия – концерты, спектакли, публичные лекции, праздники, выручка от которых пойдет в казну устройства памятника-фонтана. По условиям конкурса на лучший проект смета определялась в 5000 рублей, две премии соответственно в 300 и 100 рублей, а срок подачи – до 31 декабря 1881 года. К означенному термину подоспело четыре работы, но все они были по разным причинам отклонены комиссией и экспертным советом, в который входили весьма и весьма достойные и почтенные специалисты: архитекторы А.И. Бернардацци, А.Д. Тодоров, А.Э. Шейнс, инженер А.А. Швенднер.

Конкурс пролонгировали до 1 мая 1882 года, и к этой дате поступило пять новых предложений. В итоге первая премия досталась проекту под девизом: «Это – тот ничтожный мира, что, когда бряцала лира, жег сердца нам как пророк», вторая – с девизом «Поэту – зодчий». После раскодирования девизов оказалось, что первым назван архитектор Х.К. Васильев, а вторым З.И. Жуковский. Несмотря на успех, эксперты указали Васильеву, как именно следует переработать эскизный проект для его воплощения в жизнь. Впоследствии зодчий составил детальные чертежи с учетом замечаний экспертов, и в итоге получил еще 200 рублей, предусмотренных условиями конкурса. Между тем расчетный бюджет памятника постепенно увеличивался: по смете Васильева он составлял уже 5820 рублей, затем, когда выяснилось состояние грунта в основании, расходы увеличились еще на 700 рублей.

Здесь хочу сделать небольшое отступление. В свое время мне попалась занимательная информация о том, что еще до сооружения памятника-фонтана на месте его установки в ходе земляных работ обнаружились старинные подземные выработки, прохо-

дившие с морской стороны. Некогда, вероятно, в первые эпохи существования Одессы, они использовались в качестве жилых помещений: там нашли деревянные топчаны, ветошь, предметы материальной культуры. Следовательно, грунт надо было укреплять.

Переговоры со скульптором Жозефиной Полонской, супругой лично известного многим одесситам поэта Якова Полонского, начались по инициативе Х.К. Васильева. По его же рекомендации связались с профессором ваяния Н.А. Лаврецким. Первая должна была исполнить бюст в должную величину, а второй наблюдать за этой работой, а затем изготовить все другие художественно-металлические части и отлить вместе с бюстом из бронзы. Переговоры эти (1883-1885 гг.), впрочем, шли чересчур пассивно, ибо сбор средств по подписке тоже продвигался очень слабо: меркантильная Одесса некоторое время оставалась меркантильной, несмотря на все воззвания и увещевания.

Проект затянулся на годы, и в марте 1886 года комиссия обратилась с челобитной к городскому общественному управлению, не возьмется ли оно соорудить памятник за счет средств города к 50-летию кончины поэта, то есть к 29 января (10 февраля по новому стилю) 1887 года. В заседании 22 апреля 1886 года городская управа отклонила просьбу комиссии, отчего, вероятно, весь сыр-бор, изустные предания относительно неучастия Думы в сооружении памятника Пушкину. На самом же деле управа нашла неудобным входить в Думу с означенным ходатайством, поскольку оно совершенно изменяло первоначальную идею. Другими словами, поначалу высочайше утверждалась общественная инициатива, а теперь выходило так, что памятник устраивается за счет городского бюджета. В таком случае пришлось бы, вероятно, повторять всю бюрократическую процедуру подачи и утверждения, что явно компрометировало Одессу во всех отношениях.

Сознавая правоту управы, комиссия 26 января 1887 года обратилась в правление Славянского благотворительного общества с предложением взять все дело на себя, изготовить новые подписные листы и приурочить закладку памятника к годовщине смерти поэта. Судя по всему, сосредоточение ответственности

в одних руках пошло на пользу проекту: 2 февраля произошла торжественная закладка памятника при участии высших административных властей, представителей муниципалитета и многочисленной публики. «Праздник закладки, – читаем в «Отчете Комиссии по сооружению памятника-фонтана А.С. Пушкину в г. Одессе», – дал блестящие результаты, К этому дню было собрано 600 р., и кроме того он возбудил большой интерес среди граждан. К председателю общества начали поступать заявления о пожертвованиях».

Частные лица и предприятия предложили пожертвования строительными и прочими материалами. Так, еврейское общество «Труд» уведомляло, к примеру, что готово безвозмездно исполнить для памятника все работы из чугуна. Известные зодчие Ф.О. Моранди и Ю.М. Дмитренко обязались бесплатно руководить работами по сооружению. Сотрудник Товарищества разработки залежей Городищенского лабрадора Н.И. Баринов исходатайствовал согласие этой структуры на поставку лабрадора без оплаты. Вслед за ним пришло заявление арендатора Гниванских гранитных ломок о пожертвовании гранита. Все эти и многие последующие мероприятия и инициативы осуществлялись при самоотверженном участии руководителей и активистов Славянского благотворительного общества М.В. Шимановского, Л.П. Долинского и К.О. Рандича, без которых позитивный результат едва ли был бы достигнут.

Тотчас возобновились переговоры с Х.К. Васильевым, Ж.А. Полонской и Н.А. Лаврецким. Полонская согласилась изготовить бюст Пушкина за 1200 рублей. Наученный предыдущим горьким опытом академик Лаврецкий отказался принять участие в продолжении проекта, а потому исполнение остальных деталей поручили скульптору Реутову (500 руб.) под надзором академика Чижова. Отливку производили на петербургском заводе Морана (700 руб.). После экспонирования бюста и деталей памятника в Академии художеств Ж.А. Полонская удостоилась академической награды. Видя, что все идет на лад, Общество Юго-Западных железных дорог также решило внести свою лепту в копилку прекрасного начинания и отказалось от оплаты за доставку бюста и бронзовых украшений в Одессу.

Тем временем первый гражданский порыв одесситов-жертвователей иссяк. Сбор средств по подписным листам затормозился, надо было искать другие способы пополнения благотворительной кружки. 12 декабря 1887 года состоялся весьма продуктивный музыкально-литературный вечер с «живыми картинами» в исполнении светских дам, давший 1446 рублей с полтиной сборов. Довольно заметить, что в числе его распорядительниц были Н.М. Зеленая, Л.И. Курис, М.Ф. Кич (урожденная Наркевич, супруга председателя Одесского коммерческого суда, а впоследствии жена Г.Г. Маразли). 31 января организовали благотворительный бал в Одесском военном собрании, принесший 1092 рубля 30 копеек. Помимо уже упоминавшихся распорядительниц в мероприятии участвовали, скажем, супруга генерал-губернатора М.С. Рооп, княгиня Горчакова, М.А. Бродская. В конце мая устроили музыкально-драматический пушкинский праздник в Городском театре с участием популярных артистов, гулянья на Малом Фонтане, в «Гранд-отеле» и в саду Благородного собрания. Несмотря на непогоду, выручка дала почти 1900 рублей.

Хочется непременно перечислить хотя бы некоторых из тех, кто бросил свою лепту в копилку сооружения памятника Пушкину. Замечательно то, что мы находим в этом обширном реестре представителей разных социальных, профессиональных, культурных, этнических групп – всю многокрасочную палитру городского гражданства, весь цвет старой Одессы. Начнем с высокопоставленных чиновников а аристократов: генерал-губернатор Х.Х. Рооп и градоначальник П.А. Зеленой, графы М.Д. и М.М. Толстые, М.В. и А.В. Шимановские, Н.Ф. Фан-дер-Флит – по 100 рублей, И.П. Скаржинский, М.Н. Бухарин, Н.Ф. Сухомлинов – по 25 рублей, князь Г.И. Манук-Бей – 10 руб., князь Юрий Гагарин и баронесса Бистром – по 5 руб., граф Мархоцкий – 3 руб.

Представители крупного и среднего бизнеса: братья Анатра, «Арист Мас и К°» – по 100 руб., «Рафалович и К°», «Тработти и К°», Ф.П. Родоканаки, А.Ш. Гринберг, «Дрейфус и братья», Мавро-Биязи, Моисей Ашкинази – по 50 руб., Р.А. Бродская, А.А. Бродский, Я.А. Новиков, «С.И. Бродский и К°», Лев Бродский, Леон Рабинович, Иван Диалегмено, А.П. Руссов, Иван Вучина, Соломон Баржанский – по 25 руб., К.Я. Ринк-Вагнер, П.С. Ралли, Ф. Шполянский,

С. Зусман, Р. Зонштейн, О. Хаис, Л. Левенсон, «Бланк и Ефрусси», А. Бродский, В. Санценбахер – по 10 руб. Фабриканты, заводчики, банкиры, хлебные экспортеры…

В числе жертвователей известный адвокат Я.И. Вейнберг, владелец магазина мод в Пале-Рояле Л. Лантье, будущие владелец «Пассажа» М. Менделевич и содержатель этой гостиницы Я. Кулинец, автор книги о коммерческой истории Одессы Симон Бернштейн, владелец гостиницы Авдей Ящук, производитель вин Склаво, издатели газет Навроцкий и Гроссул-Толстой, владелец магазина часов и драгоценностей Мель, сын знаменитого медика Андреевский, старейший одесский фотомастер Гааз, хозяин магазина военно-офицерских и церковных вещей Хакаловский, реализатор лучших зарубежных горячительных напитков Гинанд, архитектор Рейнгерц, переплетчик и издатель почтовых открыток Гезелле, выдающийся аптекарь Гаевский, отец выдающегося художника думец Буковецкий, профессор-минералог Прендель, книготорговцы Белый и Руссо, типограф Кирхнер, владелец гидропатического заведения Исакович, содержатели частных гимназий Бален-де-Балю, Бракенгеймер, Шольп, мануфактурщик Пташников, гастроном Дубинин, кондитер и хлебник Либман, табачный фабрикант Асвадуров, торговец игрушками Калпакчи, производитель шляп Дельпеш, бакалейщик Ветков, ювелиры Мангуби и Кохрихт, оптик Энгель, производители обоев братья Тарнополь, фортепьянщик Рауш, мраморщик Менционе…

Сотни одесситов – русских, украинцев, евреев, греков, немцев, поляков, французов, армян, караимов, молдаван, болгар, итальянцев, от градоначальника и городского головы до провизора и акушерки, – жаль останавливаться в их перечислении. 45 рублей было собрано попечителем Одесского учебного округа, 300 руб. поступило решением собрания акционеров Одесского общества взаимного кредита, 100 руб. предоставила Комиссия народных чтений, да 3 рубля 96 копеек «с кружки при аудитории народных чтений», 25 руб. пожертвовало правление Общества взаимного вспомоществования тружеников печатного дела города Одессы, 13 рублей 35 копеек передали «господа офицеры 13-го стрелкового батальона»…

В всей этой истории зафиксирован и курьезный эпизод, описанный одним из главных сборщиков пожертвований, председателем Славянского общества М.В. Шимановским. «Как обыкновенно, – рассказывает он, – вначале взялись горячо за дело, потом большинство остыло, и после долгого перерыва, который наполнен был лишь одними добрыми пожеланиями, идея сооружения памятника начала получать реальное осуществление лишь в 1887 г.». Вместе с будущим председателем общества, С.И. Знаенским, они побывали у некоторых заметных фигур города, включая графа М.Д. Толстого и графа А.Г. Строганова. Оба знали Пушкина лично, но если первый с видимым удовольствием пожертвовал 100 рублей, то второй сильно сконфузил просителей своей неадекватной реакцией. Вот несколько произнесенных им фраз: «Я кинжальщикам памятников не ставлю!.. Я до этого еще не дошел!.. Что же это такое – Пушкину памятник!.. А?.. Но что же полиция смотрит?.. Что она смотрит?.. Подписка!.. И кому?.. Нет, я не могу допустить подобного образа действий… Нужно сообщить полиции…».

Современники объясняют подобное отношение к памяти Поэта личной неприязнью как самого Строганова, так и его единокровной сестры И.Г. Полетики. Рассказывают даже, будто они оба, уже глубокие старики, специально приближались к памятнику, чтобы плюнуть в его сторону. Заметим при этом, что Строганов – заслуженный боевой генерал, один из образованнейших и гуманнейших высокопоставленных чиновников своего времени (с его подачи, например, у нас открыт университет, в фондах научной библиотеки которого нынче находится феноменальное книжное собрание Строганова), «первый вечный гражданин Одессы». Впрочем, многие мемуаристы отмечают невероятное сумасбродство графа, в том числе «его оригинальный взгляд на пожертвования». Известно, что он тайком материально поддерживал своих знакомых. Высказываясь же о благотворительности как таковой, констатировал, что «не считает себя вправе распоряжаться имуществом, которое принадлежит его наследникам».

…Кроме упомянутых выше пожертвований услугами и материалами отметим еще вклад Н. Шевцова (плиты для фундамента,

цемент, песок, всего на 1189 руб.), З. Чернобыльского (лес на 73 руб. 45 коп.), Я. Новикова (канаты на 120 руб.), еврейского общества «Труд» (отливка ваз на 300 руб.), Абрама, Моисея и Мордку Розенов, Лейзера Циммермана, Захария Логинова (штучный камень на 160 руб.). Знаменитый газетчик В.В. Навроцкий бесплатно отпечатал афиши и билеты на пушкинский бал и праздник; безвозмездно выполнялись разнообразные скульптурные, каллиграфические, водопроводные, асфальтовые и другие работы.

Столь серьезный наплыв ресурсов (Славянское общество, кстати, ежегодно освещало ход сооружения в своих отчетах), понятно, обнадеживал, однако предположенная когда-то сметная стоимость в 5000, а затем 6520 рублей увеличилась почти втрое. Непредвиденные расходы появлялись одни за другими. Скажем, хотя железная дорога доставила гранитную глыбу бесплатно, но перевозка ее с вокзала на бульвар требовала весьма значительных затрат. Мало того, обработка прочного гранитного материала стоила около 10.000 рублей! Поэтому в 1888 году Комиссия по сооружению, несмотря на все свои неимоверные усилия и достижения, вновь оказалась в безвыходном положении. Вот тогда-то и было принято решение повторно обратиться в Городскую думу, с тем чтобы та добавила недостающие для окончания памятника средства. В своем обращении от 18 августа комиссия мотивировала тем, что недостающие деньги могут быть постепенно собраны ею тем же законным путем – подпискою, концертами, гуляньями и т. д., однако это потребует еще не менее двух лет. А между тем для установки памятника все уже собрано, и ничто не может помешать его установке, чуть раньше или чуть позже.

Рассмотрение этого обращения затянулось до ноября, однако оно было удовлетворено, ведь в данном случае ситуация выглядела совершенно иначе: народная инициатива, поддержанная на самом верху, нашла свое живое воплощение в делах, а потому Дума имела моральное право принять долевое участие в благородном проекте. 5 декабря 1888 года Славянское благотворительное общество Кирилла и Мефодия получило отпущенные из городского бюджета 9000 рублей, то есть половину всех средств, необходимых на устройство памятника Пушкину! Будьте же посрамлены, сплетники, утверждающие, будто бронзовый Поэт отвернулся

от одесского городского общественного управления. Здесь уместно напомнить тот факт, что и сам конкурс на создание памятника финансировала та же инстанция.

А дальше все пошло по накатанной колее. Правда, суровая зима помешала открытию уже оконченного монумента в годовщину смерти Пушкина (закладка произошла 2 февраля 1887-го, а к 1 октября 1888-го памятник был уже практически готов). Зато 16 апреля 1889-го буквально вся Одесса повернулась лицом к своему великому певцу. Об этом событии можно написать немало страниц, но тут мне видится совершенно другой сюжет.

Согласно проекту Х.К. Васильева, на постаменте предполагалось со всех четырех сторон высечь цитаты из пушкинских произведений, относящиеся к Одессе и Югу. Однако кураторы строительства нашли, «что самое лучшее и более всего соответствующее обстоятельствам, как сооружался памятник и на чьи средства», сделать лаконичную надпись на его лицевой стороне: «А.С. Пушкину граждане Одессы», а с противоположной – «Сооружен в 1888 году»…

Людмила Шарга

Прощай, свободная стихия

Кто ссылал сюда поэтов, ничего не смыслил в этом…
Юрий Михайлик

Вспоминаю пушкинское «Прощание с морем», иду к морю, но не привычным путем. От Ришельевской вниз по Греческой – через Пушкинскую, по самому длинному мосту Одессы, Строгановскому, до Канатной через Александровский (им. Шевченко) парк на Лидерсовский бульвар – и вот я на Французском бульваре.

Еще минут десять – и я у мавританской арки, и уже хочется пройти под ней и спуститься в Отраду. Но четырехстопный ямб уводит дальше – к тому месту, где была дача Рено. Французский бульвар, 15.

Иду и пытаюсь представить, как выглядело это место во времена пушкинских прогулок.

«Вдоль многочисленных дач тянулись земляные валы, обсаженные акациями, тротуаров не было и в помине, а мощение заканчивалось в том месте, где теперь находится санаторий «Аркадия».

Существует несколько «пушкинских адресов» в Одессе: Hôtel du Nord (дом Сикара) на Пушкинской, прежде Итальянской улице, Ришельевская угол Дерибасовская – дом, принадлежавший барону Рено, а впоследствии его дочери, княгине Кантакузен. С углового балкона верхнего этажа открывался вид на море, на театр… на казино, о котором упоминается в «Евгении Онегине».

Дом не сохранился, но улицы эти еще помнят поэта.

Впереди идет мальчик: черные гриндеры, черная кожаная косуха, длинные волосы стянуты в хвост кожаным шнурком… Наверняка есть тату. Стильно, строго, красиво. За плечами в чехле гитара.

На миг представляю его в сюртуке, в черной шляпе, с тростью.

Зачем трость… мальчишке? В 1823 Пушкину всего двадцать четыре.

Трость – элемент костюма? Франтил молодой поэт? И еще трость в помощь на прогулках по тогдашним в основном немощеным улицам Одессы, как в помощь и гриндеры мальчику, идущему впереди, – улицы города и в наше время полны неожиданностей, да и удобно шагать, не задумываясь, слушая музыку, еще не ставшую песней, слова, еще не ставшие стихами.

Но уж дробит каменья молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город,
Как будто кованой броней.
Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный;
Чего б вы думали? – воды.
Потребны тяжкие труды…
Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошлины привезено.
Но солнце южное, но море…
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

Очевидцы рассказывали… Наверное, можно им верить, очень правдоподобны их рассказы: иногда в послеобеденное время, но чаще – в лунные ночи, Пушкин отправлялся на прогулку к морю. Возможно, на дачу Рено. Скорее всего, брал извозчика. Неблизкий путь. Да и Строгановского моста тогда еще не было.

Сейчас от дома Сикара – здесь теперь музей Пушкина – к даче Рено на Мало-Фонтанской дороге, ныне Французский бульвар, можно легко дойти за час с небольшим. На ходу вспоминая

пушкинские строчки либо… вышагивая собственные, как вышагивает сейчас музыку мальчик с гитарой, идущий впереди. Или и музыку, и текст новой песни.

Прощай, свободная стихия,
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой…

Когда и как пришли к поэту первые или последние строчки «Прощания с морем», разрозненными или цельными строфами, неведомо. Известно лишь, что стихотворение было завершено только в следующей ссылке – в Михайловском в 1824.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Родство двух стихий – мятежной души и моря, родство характеров – своенравных, гордых, свободолюбивых. Надо ли удивляться, что море не просто полюбилось поэту, но и стало ему другом?

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Возможно, потому и писалось ему в Одессе так легко и так много – близость моря, родной стихии, которая может выслушать, напеть, нашептать строчки, смыть печаль, тревогу, разбередить

душу. Да и где лучше всего слагаются стихи, как не у моря? *Кто ссылал сюда поэтов, ничего не смыслил в этом…*

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит…
Итак, я жил тогда в Одессе…

Тихое щемящее тепло, утренние туманы, солнечные дни, прохладные вечера и ночи…

Почему-то именно такой представляется далекая осень 1820, когда по дороге из Крыма в Кишинев поэт впервые увидел Одессу.

Второе свидание принес март 1821, и длилось оно несколько дней.

Март наш – ветреный, часто метельный, и часто холоднее января и февраля.

Было и третье свидание – в мае 1823 года, около двух недель.

Три прикосновения к городу перед встречей, которую назовут впоследствии романтическим периодом в творчестве поэта.

3 июля 1823 года Пушкин приезжает в Одессу и остается здесь до 31 июля 1824 года. Причины южной ссылки общеизвестны: несколько едких эпиграмм на власть, которые Александр I назвал «возмутительными стихами». Поэту грозила ссылка в Соловецкий монастырь. На помощь пришли Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский и П.Я. Чаадаев, которые хлопотали за Пушкина, и Сибирь заменили южными губерниями. Внешне все походило на обычный перевод по службе.

Но. Кто ссылал сюда поэтов, ничего не смыслил в этом…

Тринадцать месяцев – «одесский год», за который из-под пера поэта вышли тридцать лирических стихотворений, поэма «Цыганы», завершена работа над «Бахчисарайским фонтаном», написано две с половиной главы «Евгения Онегина». Описав Одессу в главе «Путешествие Онегина», Пушкин, по выражению поэта В. Туманского, подарил городу «грамоту на бессмертие».

Отрывок из «Путешествия Онегина» был опубликован в газете «Одесский вестник» (1827 г., № 30) – первое стихотворение в газете.

Из письма Василия Туманского Пушкину из Одессы от 20 апреля 1827 года: «По прошедшей почте послал я тебе «Одесский вестник», который издаем мы здесь общими силами. Прими его как знак нашего уважения к тебе, главе русской поэзии. В будущем номере мы осмеливаемся напечатать, любезный Пушкин, твое описание Одессы: оно принадлежит нам по праву, ибо в нем заключается грамота на бессмертие для нашего города…».

Я жил тогда в Одессе пыльной…
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразностью живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой…

Из событий, которые производят сильнейшее впечатление на поэта, следует отметить и смерть Наполеона, и смерть Байрона (1824). Пушкин находит много общего в своей судьбе с их судьбами и говорит об этом с морем, конечно же, и в стихах:

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы…
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мальчик с гитарой сворачивает в переулок, ведущий к морю. Мне хорошо виден его тонкий, четко очерченный профиль и краешек тату на руке – готический шрифт. Слово Dum.

«Spíro, spero… – шепчу. – Dum spíro spero…» Очень хочется, чтобы полный текст тату был именно таким.

Улица впереди пуста. Пятый трамвай подан, будто извозчик, и я возвращаюсь домой вполне привычным маршрутом, вспоминая строчки из стихотворения поэта Юрия Михайлика:

Кто ссылал сюда поэтов, ничего не смыслил в этом –
ни в тенетах, ни в запретах, ни в сонетах, ни в поэтах,
ни в лучах добра и света над прибрежною волной…

Галина Семыкина

«Обращаюсь к январской катастрофе 1837 года...»

Отклик одесситов на смерть А.С. Пушкина

27 января 1837 года* состоялась дуэль между Александром Сергеевичем Пушкиным и французским подданным Ж. Дантесом. Пушкин был смертельно ранен. Эхо выстрела на Черной речке болью отозвалось в сердцах мыслящих людей.

В начале февраля известие о смерти Пушкина пришло в Одессу. Об этом событии сохранились воспоминания одесского журналиста Н.Г. Тройницкого.

Н.Г. Тройницкий вспоминает:

«Обращаюсь к январской катастрофе 1837 года. В первых числах февраля этого года я возвращался поздним вечером к себе. Я проходил мимо лицея. Навстречу шел один мой знакомый. Он остановился на углу Дерибасовской и Екатерининской улиц и, видимо, поджидал меня, наблюдая, чтобы я не прошел мимо.

Глядя на меня пристально, в упор, он как-то потерянно проговорил:

– А вы ничего не знаете? ... Получено письмо. Пушкин дрался на дуэли, ранен смертельно; пишут, не будет жить.

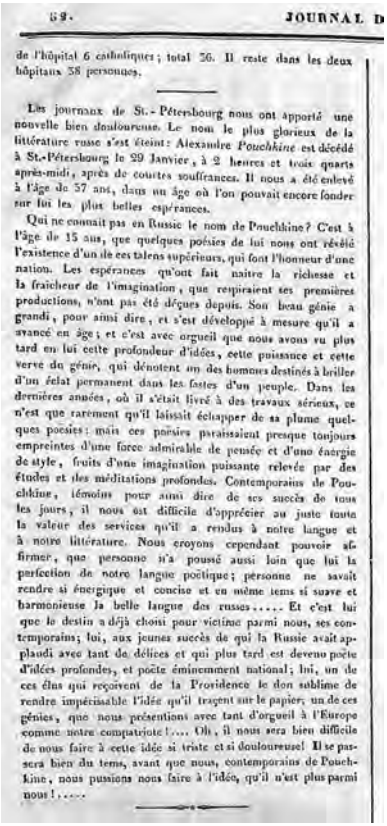
Я не сказал ничего и пошел дальше. Хотел, казалось, уйти и от слышанной вести, и от самого факта, о котором она вещала. <...> Жду почты с лихорадочным нетерпением. Пришла, наконец! Я в газеты, боже! Что ж это такое? И одна, и другая, и все как одна, категорически, с жестокою ясностью свидетельствуют все об одном, все о том же – о смерти. <...>

* Все даты в статье даны по старому стилю.

Бегу в типографию, помещавшуюся смежно с полицией, на Преображенской улице, прошу дать мне бумаги, и в таком возбужденном настроении набрасываю статейку для «Вестника».

В этот же день многие одесситы, получив столичную почту, узнали о смерти Пушкина. Писатель Б.М. Маркевич вспоминал, как восприняли это известие воспитанники Ришельевского лицея:

«Войдя однажды в класс, преподаватель Будрин, читавший в Лицее частную риторику, сказал судорожно задрожавшим голосом: «Господа, великое горе постигло Россию – Пушкина не стало!» Весь класс, как один человек, вскочил с лавок. «А-ах!» – стоном кликнуло все. Поэт наш, осьмнадцатилетний Ашик, которому суждено было самому умереть год спустя от чахотки, истерически зарыдал и упал навзничь в обмороке. И затем все кругом громко зарыдало».



59. JOURNAL D

de l'hôpital 6 catholiques; total 56. Il reste dans les deux hôpitaux 58 personnes.

Les journaux de St.-Pétersbourg nous ont apporté une nouvelle bien douloureuse. Le nom le plus glorieux de la littérature russe s'est éteint: Alexandre *Pouchkine* est décédé à St.-Pétersbourg le 29 Janvier, à 2 heures et trois quarts après-midi, après de courtes souffrances. Il nous a été enlevé à l'âge de 37 ans, dans un âge où l'on pouvait encore fonder sur lui les plus belles espérances.

Qui ne connaît pas en Russie le nom de Pouchkine? C'est à l'âge de 15 ans, que quelques poésies de lui nous ont révélé l'existence d'un de ces talens supérieurs, qui font l'honneur d'une nation. Les espérances qu'ont fait naître la richesse et la fraicheur de l'imagination, que respiraient ses premières productions, n'ont pas été déçues depuis. Son beau génie a grandi, pour ainsi dire, et s'est développé à mesure qu'il a avancé en âge; et c'est avec orgueil que nous avons vu plus tard en lui cette profondeur d'idées, cette puissance et cette verve du génie, qui dénotent un des hommes destinés à brûler d'un éclat permanent dans les fastes d'un peuple. Dans les dernières années, où il s'était livré à des travaux sérieux, ce n'est que rarement qu'il laissait échapper de sa plume quelques poésies: mais ces poésies paraissaient presque toujours empreintes d'une force admirable de pensée et d'une énergie de style, fruits d'une imagination puissante relevée par des études et des méditations profondes. Contemporains de Pouchkine, témoins pour ainsi dire de ses succès de tous les jours, il nous est difficile d'apprécier au juste toute la valeur des services qu'il a rendus à notre langue et à notre littérature. Nous croyons cependant pouvoir affirmer, que personne n'a poussé aussi loin que lui la perfection de notre langue poétique; personne ne savait rendre si énergique et concise et en même tems si suave et harmonieuse la belle langue des russes..... Et c'est lui que le destin a déjà choisi pour victime parmi nous, ses contemporains; lui, aux jeunes succès de qui la Russie avait applaudi avec tant de délices et qui plus tard est devenu poète d'idées profondes, et poète éminemment national; lui, un de ces élus qui reçoivent de la Providence le don sublime de rendre impérissable l'idée qu'il traçent sur le papier; un de ces génies, que nous présentions avec tant d'orgueil à l'Europe comme notre compatriote!.... Oh, il nous sera bien difficile de nous faire à cette idée si triste et si douloureuse! Il se passera bien du tems, avant que nous, contemporains de Pouchkine, nous pussions nous faire à l'idée, qu'il n'est plus parmi nous!.....

А.Г. Тройницкий. Некрологическая статья о Пушкине на французском языке

Через несколько дней в одесских газетах появились статьи о смерти поэта. Авторами были Александр и Николай Тройницкие. Братья Тройницкие стояли у истоков одесской журналистики. Получив прекрасное образование в Ришельевском лицее, они успешно работали в одесских изданиях: старший по возрасту, Александр Григорьевич Тройницкий, – главным редактором газет «Одесский вестник» и «Journal d'Odessa», а младший

из братьев, Николай Григорьевич Тройницкий, известный журналист и писатель, заведовал литературной частью газеты «Одесский вестник».

12 февраля 1837 года Александр Тройницкий поместил в газете «Journal d'Odessa» первую некрологическую статью о Пушкине, написанную на французском языке.

В этот же день М.П. Щербинин, личный секретарь Воронцова, послал Тройницкому записку:

«Почтеннейший Александр Григорьевич! Статья, сегодня помещенная в «Journal d'Odessa» по случаю смерти Пушкина, принята была всеми, а в особенности графинею Воронцовой, с восхищением. Так как, вероятно, она же, т. е. статья сия, будет помещена и в «Одесском вестнике», то я спешу повергнуть перед вами мысль, родившуюся у графини Елизаветы Ксаверьевны, т. е. что большая часть стихотворений Пушкина созданы были в Одессе, во время его здесь пребывания. Мысль сия достойна быть обработанною.

Впрочем, Бог знает, что скажут в Петербурге».

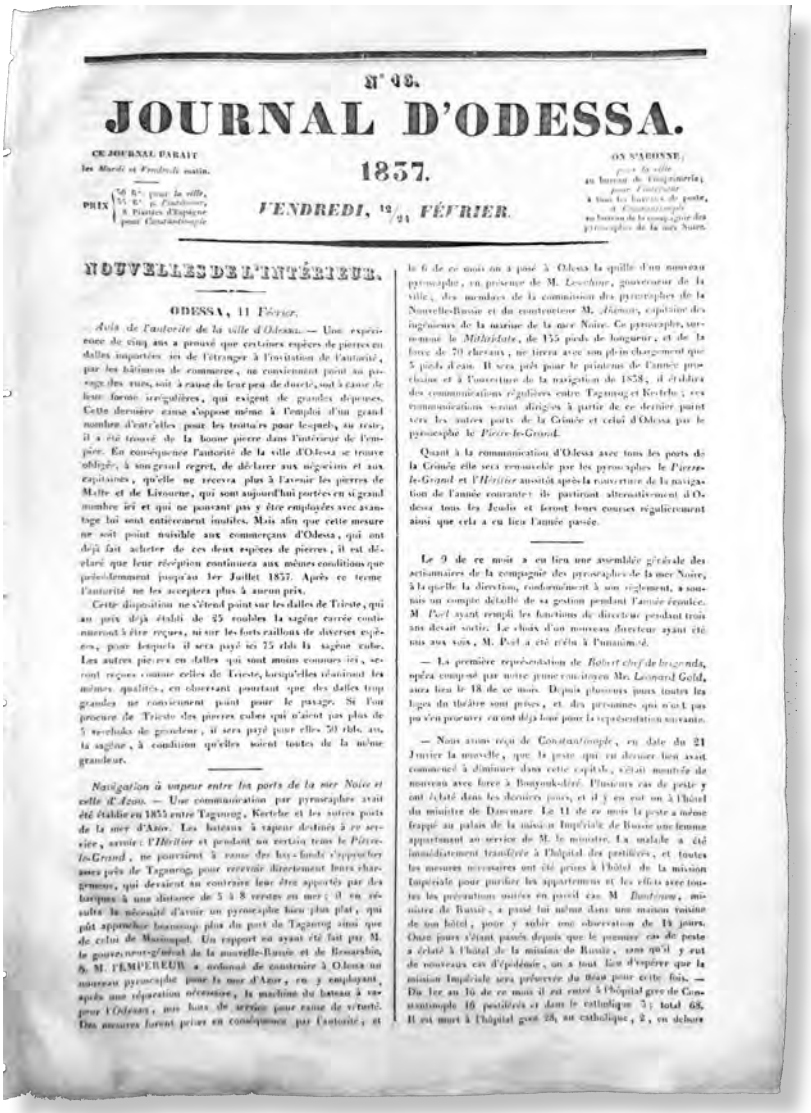
Следующую статью – русский текст некролога Пушкину – написал Николай Тройницкий. Она звучала горячо, искренне:

«…Мы помним его еще цветущим юношею, когда он жил некогда в Одессе.

<…> С раннего возраста прислушивались мы к этим очаровательным песнопениям, к этим незнаемым дотоле оборотам русской речи, к этой неслыханной у нас гармонии языка. С любовию следили мы каждый шаг поэтического поприща его жизни, дорожили его славою, потому что видели в ней нашу собственную славу – славу России. Мы привыкли считать эту славную жизнь неотъемлемым, бессмертным достоянием русской литературы; мы никогда не думали, мы не постигали возможности лишиться нашего незабвенного…

Пушкин! Пушкин! Зачем же так рано, так нежданно?! И нет преемника тебе, вещий певец нашего времени!»

«Представили статью графу (М.С. Воронцову. – **Г. С.**), – вспоминает Николай Тройницкий. – Он стал читать ее, читал очень внимательно и дозволил печатать, заметив при этом: «Да уж не много ли тут сказано? Ведь у нас были Державин, Ломоносов…»



N° 98.

JOURNAL D'ODESSA.

CE JOURNAL PARAIT les Mardi et Vendredi matin.

PRIX { 50 R°. pour la ville, 55 R°. p. l'intérieur, 8 Piastres d'Espagne pour l'étranger.

1837.

VENDREDI, 12/24 FÉVRIER.

ON S'ABONNE, pour la ville au bureau de l'imprimerie, pour l'intérieur à tous les bureaux de poste, à l'étranger au bureau de la correspondance des pyroscaphes de la mer Noire.

NOUVELLES DE L'INTÉRIEUR.

ODESSA, 11 Février.

Avis de l'autorité de la ville d'Odessa. — Une expérience de cinq ans a prouvé que certaines espèces de pierres en dalles importées ici de l'étranger à l'invitation de l'autorité, par les bâtimens de commerce, ne conviennent point au pavage des rues, soit à cause de leur peu de dureté, soit à cause de leur forme irrégulières, qui exigent de grandes dépenses. Cette dernière cause s'oppose même à l'emploi d'un grand nombre d'entr'elles pour les trottoirs pour lesquels, au reste, il a été trouvé de la bonne pierre dans l'intérieur de l'empire. En conséquence l'autorité de la ville d'Odessa se trouve obligée, à son grand regret, de déclarer aux négocians et aux capitaines, qu'elle ne recevra plus à l'avenir les pierres de Malte et de Livourne, qui sont aujourd'hui portées en si grand nombre ici et qui ne pouvant pas y être employées avec avantage lui sont entièrement inutiles. Mais afin que cette mesure ne soit point nuisible aux commerçans d'Odessa, qui ont déjà fait acheter de ces deux espèces de pierres, il est déclaré que leur réception continuera aux mêmes conditions que précédemment jusqu'au 1er Juillet 1837. Après ce terme l'autorité ne les accepera plus à aucun prix.

Cette disposition ne s'étend point sur les dalles de Trieste, qui au prix déjà établi de 25 roubles la sagène carrée continueront à être reçues, ni sur les forts cailloux de diverses espèces, pour lesquels il sera payé ici 75 rbls la sagène cube. Les autres pierres en dalles qui sont moins connues ici, seront reçues comme celles de Trieste, lorsqu'elles réuniront les mêmes qualités, en observant pourtant que des dalles trop grandes ne conviennent point pour le pavage. Si l'on procure de Trieste des pierres cubes qui n'aient pas plus de 5 werchoks de grandeur, il sera payé pour elles 50 rbls. au. la sagène, à condition qu'elles soient toutes de la même grandeur.

Navigation à vapeur entre les ports de la mer Noire et celle d'Azov. — Une communication par pyroscaphes avait été établie en 1835 entre Taganrog, Kertche et les autres ports de la mer d'Azov. Les bateaux à vapeur destinés à ce service, savoir: l'*Héritier* et pendant un certain tems le *Pierre-le-Grand*, ne pouvaient à cause des bas-fonds s'approcher assez près de Taganrog, pour recevoir directement leurs chargemens, qui devaient au contraire leur être apportés par des barques à une distance de 5 à 8 verstes en mer; il en résulta la nécessité d'avoir un pyroscaphe bien plus plat, qui pût approcher beaucoup plus du port de Taganrog ainsi que de celui de Marioupol. Un rapport en ayant été fait par M. le gouverneur-général de la nouvelle-Russie et de Bessarabie, S. M. l'EMPEREUR a ordonné de construire à Odessa un nouveau pyroscaphe pour la mer d'Azov, en y employant, après une réparation nécessaire, la machine du bateau à vapeur l'*Odessa*, mis hors de service pour cause de vétusté. Des mesures furent prises en conséquence par l'autorité, et le 6 de ce mois on a posé à Odessa la quille d'un nouveau pyroscaphe, en présence de M. *Levchine*, gouverneur de la ville, des membres de la commission des pyroscaphes de la Nouvelle-Russie et du contremaître M. *Alimov*, capitaine des ingénieurs de la marine de la mer Noire. Ce pyroscaphe, surnommé le *Mitridate*, de 125 pieds de longueur, et de la force de 20 chevaux, ne tirera avec son plein chargement que 5 pieds d'eau. Il sera prêt pour le printems de l'année prochaine et à l'ouverture de la navigation de 1838; il établira des communications régulières entre Taganrog et Kertche; ces communications seront dirigées à partir de ce dernier point vers les autres ports de la Crimée et celui d'Odessa par le pyroscaphe le *Pierre-le-Grand*.

Quant à la communication d'Odessa avec tous les ports de la Crimée elle sera remuerée par les pyroscaphes le *Pierre-le-Grand* et l'*Héritier* aussitôt après la ouverture de la navigation de l'année courante: ils partiront alternativement d'Odessa tous les Jeudis et feront leurs courses régulièrement ainsi que cela a eu lieu l'année passée.

Le 9 de ce mois a eu lieu une assemblée générale des actionnaires de la compagnie des pyroscaphes de la mer Noire, à laquelle la direction, conformément à son réglement, a soumis un compte détaillé de sa gestion pendant l'année écoulée. M *Perl* ayant rempli les fonctions de directeur pendant trois ans devait sortir. Le choix d'un nouveau directeur ayant été mis aux voix, M. Perl a été réélu à l'unanimité.

— La première représentation de *Robert chef de brigands*, opéra composé par notre jeune concitoyen Mr. Leonard Gold, aura lieu le 18 de ce mois. Depuis plusieurs jours toutes les loges du théâtre sont prises, et des personnes qui n'ont pas pu s'en procurer en ont déjà loué pour la représentation suivante.

— Nous avons reçu de *Constantinople*, en date du 21 Janvier la nouvelle, que la peste qui en dernier lieu avait commencé à diminuer dans cette capitale, s'était montrée de nouveau avec force à Bonyouk-déré. Plusieurs cas de peste y ont éclaté dans les derniers jours, et il y en eut un à l'hôtel du ministre de Danemarc. Le 11 de ce mois la peste a même frappé au palais de la mission Impériale de Russie une femme appartenant au service de M. le ministre. La malade a été immédiatement transférée à l'hôpital des pestiférés, et toutes les mesures nécessaires ont été prises à l'hôtel de la mission Impériale pour purifier les appartemens et les effets avec toutes les précautions usitées en pareil cas. M *Bandinow*, ministre de Russie, a passé lui même dans une maison voisine de son hôtel, pour y subir une observation de 14 jours. Onze jours s'étant passés depuis que le premier cas de peste a éclaté à l'hôtel de la mission de Russie, sans qu'il y eut de nouveaux cas d'épidémie, on a tout lieu d'espérer que la mission Impériale sera préservée du fléau pour cette fois. — Du 1er au 10 de ce mois il est entré à l'hôpital grec de Constantinople 16 pestiférés et dans le catholique 7; total 68. Il est mort à l'hôpital grec 28, au catholique, 2, en dehors

Газета «Journal d'Odessa» от 12 февраля 1837 г. Из фондов Одесского литературного музея

Впрочем, в этот же день (12 февраля) Воронцов напишет в Петербург директору канцелярии министерства внутренних дел М.И. Лексу: «Мы все удивлены и огорчены смертию Пушкина, сделавшего своими дарованиями так много чести нашей литературе. Еще более горестно думать, что несчастия этого не было бы, если бы не замешались в этом деле комеражи, которые вместо того, чтобы успокоить человека, раздражали его и довели до бешенства».

В этом же году М.С. Воронцов посетит вдову Пушкина и выразит свои соболезнования.

На следующий день, 13 февраля 1837 года, в газете «Одесский вестник» будет опубликована вторая некрологическая статья о Пушкине, написанная Н.Г. Тройницким. Вместо подписи указано: «Сообщено».

Два одесских некролога Пушкину были первыми, опубликованными в провинциальной печати, а по глубине содержания и искренности могут быть сопоставлены лишь со знаменитым некрологом, написанным В.Ф. Одоевским («Солнце нашей поэзии закатилось…»).

Одесса оплакивала любимого поэта.

Фрагмент экспозиции Одесского литературного музея

Глубину горя, каким были проникнуты одесситы и люди, связанные с Одессой, можно почувствовать по письмам, посланным в февральские дни столичным знакомым.

Портрет А.С. Пушкина. Художник И. Линев. 1836-37 гг.

Поэт В.Г. Тепляков 22 февраля 1837 г. писал В.А. Жуковскому: «Так, нет уже на земле нашего Пушкина. Душа кипит негодованием, и кровью обливается сердце при мысли, каким образом и кем похищена подобная жизнь у гордившегося ею отечества».

Д.М. Княжевич, попечитель Одесского учебного округа, писал С.Т. Аксакову 23 февраля 1837 г.: «Пушкина жаль, очень жаль. А еще более жаль, что почти все наши отличные таланты кончают подобным образом: вспомните о Грибоедове, Рылееве, Батюшкове, Милонове, Озерове и пр. и пр. и пр.».

В Одессе еще долго обсуждали дуэль и смерть Пушкина, и обстоятельства, приведшие к несчастью. Летом 1837 года Н.Н. Раевский при встрече с поэтом В.А. Жуковским в доме писательницы А.П. Зонтаг «много говорил о Пушкине». Из Одессы в столицы продолжали лететь письма друзьям с недоуменными вопросами, с искренним чувством горечи и негодования.

В Одессе в 1845 году поэт Я.П. Полонский, близко знакомый с Л.С. Пушкиным, братом великого поэта, слушал рассказы Льва Сергеевича о том, с каким негодованием Пушкин реагировал на назначение его камер-юнкером: «Брат мой, – говорил он (Л.С. Пушкин. – **Г. С.**), – впервые услыхал о своем камер-юнкерстве на бале у графа Алексея Федоровича Орлова. Это взбесило его до такой степени, что друзья его должны были отвести его в кабинет графа и там всячески успокаивать. Не нахожу удобным повторять здесь всего того, что говорил с пеной у рта разгневанный поэт по поводу его назначения».

Полонский также вспоминал: «В Одессе в моих руках была тетрадка, где были вписаны все анонимные письма, перед дуэлью полученные Пушкиным».

Живые и искренние отклики одесситов на драматические события 1837 года ярко выразили горячую любовь жителей нашего города к великому русскому поэту, который выдал Одессе «грамоту на бессмертие».

Литература

Де-Рибас А.М. «Ареопаг» о Пушкине // Пушкин: Статьи и материалы. Вып. I. – Одесса, 1925.

Отзывы одесских газет о смерти Пушкина / Сообщил Л.С. М-ч (Мацеевич) // Русская старина. – 1887, т. 54, апрель.

Отзывы о Пушкине с юга России / Собрал В.А. Яковлев. – Одесса, 1887.

Бориневич-Бабайцева З.А. Пушкин и одесские альманахи // Пушкин: Статьи и материалы. Вып. II. – Одесса, 1926.

Алексеев-Попов В. Пушкин и литературная жизнь Одессы // О.С. Пушкін в Одесі. – Одеське обласне видавництво, 1949.

Пушкин в неизданной переписке современников (1815-1837) // Литературное наследство. Т. 58. – М., 1952.

Шейман Л.А. Два одесских некролога о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии, 1973. – Л.: Наука, 1975.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

126 **Ірина Фінгерова**
Неочікуваний діагноз

133 **Сергей Корниевский**
Испанец

149 **Элла Леус**
Переведи меня…

187 **Евгений Деменок**
Экспрессионист

200 **Вячеслав Вольф**
Сейф

205 **Елена Андрейчикова**
К морю

Ірина Фінгерова

Неочікуваний діагноз

У дворі діда називали Синій.

Синій носив матроску навіть узимку.

Передпліччя його були забиті татуюваннями.

З худеньких литок його стирчали вени.

Під очима його синіло безсоння.

Весь дід синій був.

Майже прозорий.

Просвічував свою долю крізь тіло, ніби рентгенівський апарат.

Раніше жив з дочкою-пиякою й онуком.

Кажуть, сильно її бив, коли була малою.

За справу бив, щоб розуму набралася!

Кажуть, що онук виріс та бив діда.

Кажуть, що Синьому так соромно за це було, що він навіть кинув палити.

Але ненадовго.

Кажуть, що по суботах вештався він блошиним ринком – чи то батьківські ордени продавав, чи то свої вірші.

Донька його померла два роки тому.

Кажуть, що наклала на себе руки.

Онук його поїхав до росії.

Відтоді не розмовляли.

У дворі Синій намагався бути корисним.

Він знав усіх сусідів.

Він вмів труїти тарганів.

Він майстерно знаходив котів.

Якщо у когось зникала кішка, Синій знав, у якому підвалі шукати.

У кишені його широких штанів завжди можна було знайти пляшечку валеріани, а якщо пощастить – навіть кілька сушених бичків. Коти його страшенно любили. А колись топив… Топив, як проклятий. За гроші. Як підлітком був, то знали по всій околиці.

Працювати – не працював.

Отримував якусь мінімальну пенсію. Іноді крав мобілки у маршрутках.

Але робив це без задоволення.

Приносив здобич старому приятелю, той торгував пиріжками на Новому ринку. На зворотному шляху Синій завжди купував великий кочан капусти, мав таку традицію, та готував собі «порожній суп». Так на суп казала його дочка в дитинстві.

З капусти та солі.

Порожній, але смачний.

Дружина його померла від раку близько тридцяти років тому.

Він не дуже любив дружину, але почав пити.

Пив багато, одного разу білку вхопив. Відвезли його на Воробйова, до психіатричної лікарні.

Там працював професор.

Старий, сліпий, зненацька людяний.

Професор сказав Синьому: «Слухай, чоловіче, ти не можеш постійно балансувати, стоячи на межі. Ти або крок вперед, або крок назад».

Синій злякався.

Донька мала ще.

Більше не пив.

Регулярно.

Влітку Синій жвавішав.

Продавав на дворі соняшникове насіння. Виносив собі стілець, розкладав товар на підвіконні.

Купували тільки сусіди.

Синій завжди намагався розпочати розмову.

Відповідали неохоче.

З ним було нецікаво.

Але іноді вдавалося Синьому залізти під шкіру.

Він запитував сусіда: «Ну шо, як там ці рибки твої, півники в тебе були, чи як?» А той відповідав: «Та передохли, фільтри

полетіли… – а потім: – Жорік помер, брат мій, на двадцять років молодший за мене був».

І вже п'ють, і закусують, і поминають, і сусід зверху пиріг виносить, і товстий господар тютюнового магазину хвацько трясе своїм черевом і виймає з-під сорочки банку з солоними огірками…

Ніхто не знав, як насправді звуть Синього, тому, коли довелося викликати швидку, а згодом і відвезти його до лікарні, я почувався розгублено.

Це був холодний травневий вечір 2022 року.

Час п'ятдесят хвилин до комендантської години.

Синій вийшов на вулицю покурити й забув ключі вдома.

Двері під'їзду зачинилися.

Він стояв, притулившись до підвіконня. Його трясло.

Не знаю, як довго він пробув у такому стані.

– Гей, Синій, у тебе все гаразд? – запитав я.

Ми майже ніколи не розмовляли, хоча колись він приятелював із моїм дідусем.

– Зі мною щось не так! – Синій відповів, і я помітив, що навіть його підборіддя трясеться. – Мені холодно, мені страшно!

Я накинув на нього куртку і викликав швидку, а потім пішов до себе, щоб принести термос. Я хутко повернувся, налив йому чаю з коньяком.

Він сьорбнув, трохи помовчав, а потім немов прорвало діда:

– Серце як божевільне, не можу дихати, не можу дихати, у дупі – ніби штир стирчить! Здохну, мабуть, старий вже, сімдесят сьомий рік пішов…

«Інфаркт, – подумав я, – або інсульт, а може, й панічна атака, через сирени зараз у багатьох людей».

«Діду, швидка вже їде», – я подивився йому в очі й мало не відскочив: в його зіницях блимав концентрований страх.

Швидка не поспішала.

Я плюнув і викликав таксі.

За п'ять хвилин ми були біля входу приймальні Єврейської лікарні.

Перш ніж я встиг відкрити рота, мене вже облаяли.

«Чому без бахіл? Шо таке? Кажіть по суті, в нас тут не зала очікування».

У кімнатці біля виходу двоє санітарів розрізали одяг на п'яному безхатченку.

Тхнуло лайном.

Якийсь хлопчик плакав.

Великий і незграбний лікар кричав на маленьку жінку: «В операційну не можна, йоб вашу мать!».

З вікна блимали ліхтарі швидкої, тихенько гуділа сирена.

Гуділа, ніби маяк.

Так гудять бджоли, так гудить недоречна буденність.

Лікарня, де люди вмирали своєю смертю або лікували жовчний міхур, скидалася на примару з іншого життя.

Фельдшери щось кричали на дворі.

Привезли пацієнта. Нетвереза суперечка. П'ять ударів пляшкою по голові. Треба зашивати око. Кров капала на брудну плитку.

«Серцевий напад, чоловік, сімдесят п'ять років», – сказав я, коли медична сестра нарешті подивилася на мене.

Я хотів бути серйозним.

Я чомусь одразу зрозумів, що їй не подобається моя футболка з аніме, татуювання на пальцях, моє довге волосся і невпевнений голос.

Занадто млявий, жіночний, артистичний.

Вона б ні за що не продала мені пиво в магазині, тому без серцевого нападу вона б зі мною й не заговорила.

«Капєц, – вона сказала, – ще один, – але потім додала: – Не бійся, твій дідусь у надійних руках».

У Синього взяли кров, під'єднали електроди до грудей, прийшов студент, потім ще один, вони сперечалися на камстрі, хто буде вимірювати його тиск, тиск виявився нормальним, мені сказали вийти, Синій виглядав дуже переляканим, йому дали кисень і кудись повезли…

А я пішов.

Я не знаю, що було потім.

Чи правильно я вчинив, залишивши його там?

Може, треба було запропонувати гроші, але кому? І як? Я дав свій номер, але мені так ніхто й не подзвонив.

Наступного разу ми зустрілися через місяць.

Синій мав добрий вигляд.

Він був свіжопоголений, тримав у руках великий смугастий кавун.

– Ти той панікер! Наступного ранку мене випхали з лікарні, сказали, що я здоровий, як бик.

– Але що це було?

Синій зробив паузу.

– Мені робили аналізи, лікар довго тикав мені в живіт, змушував кружляти навшпиньки, перевіряв зір, а потім похитав головою і сказав, що нічого не розуміє. Я вже думав онко… Серце як скажене, сто двадцять ударів на хвилину було, і ніби голодний, але голод у горлі десь був. Лікар сказав, що, може, це виразка. Возюкав гелем по мені, звук-хуюк якийсь уче, потім сказав, зонд треба ковтати… Який зонд? Ні! А потім голову свою лікарську почухав і запитав мене, що я робив напередодні.

Ось тоді Синій і згадав…

Синій вийшов із дома ще на світанку, сусідка вчора пообіцяла посмажити йому котлети з тюльки, якщо приб'є полицю. Ну тре було на Привоз. А трамваєм не хотілося. Не хотів Синій поспішати, курити хотів, ходити, тому і прокинувся так рано.

…Синій вийшов з хати, а у дворі дівчина білизну розвішує.

Гола.

– Ти хто? – спитав Синій.

Дівчина відповіла:

– Катя, переселенка з Донецької області.

– А гола чого? З глузду з'їхала?

– Я в трусах, я не гола, – вона продовжувала розвішувати білизну.

– Ну а одяг де? – не зрозумів дід. – Вкрали, може?

– Та не вкрали, сама зняла! Слухай, – вона подивилася йому в очі, – втомилася я вже, вкурвлює боятися. Так живеш, ніби нічого від нас не залежить. Бахкає – треба тікати! Все! Але це ж не так просто, люди жили собі, нормально жили, тут якомусь чмоні імперія примарилась – і все, кінець світу. Маленькі люди мають тікати, – Катя театрально змахнула руками. – І я втекла. Але це нічого, собі так вирішила: в мене є зовнішня свобода, а є – внутрішня. Не можу я додому, але хоча б жити можу!

Дід мовчав, але не йшов.

– А як тебе звати?
– Вітя.
– Поїдемо до моря?
– Мені мент знайомий казав, що вони полюють на ідіотів. Міни ж.
– Я за купальником – і гайда!
Повернулася.
Вже не гола.
Поїхали до Ланжерона.
Катя розповіла, що сирота.
Виросла в інтернаті.
Працювала в продуктовому магазині.
У неї був чоловік, але пішов до іншої, тому жила сама.
Втікла до Одеси двадцять шостого, бо бахкало дуже. Знайомих в Одесі не було, але на вокзалі познайомилася з бабусею.
Бабуся хотіла допомоги, здавала кімнату переселенцям. Грошей не брала.
Треба було прибирати та робити коту вітамінні ін'єкції.
– Соромно казати, але я завжди мріяла жити біля моря. Соромно. У будинок подруги влучило. Нікого не залишилося. Троє дітей було… А я біля моря. Я не знаю. А що робити? Життя одне.
Купалися.
Цілим натовпом.
Так, не можна, але як тут стриматися?
Потім збирали черепашок.
Потім Катя витягла із торби бутерброди з ковбасою.
Потім розійшлися.
Увечері Синій вийшов покурити.
Забув ключі.
Задивився на те, як вітер колихав білизну… Катю згадав…
Двері зачинилися…

– Так що ж це було? – я не витримав. – Що сказав цей лікар?
– «Живий, – сказав, – живіший за багатьох». А потім вирішив добити: «Закохався ти, діду, ось твій діагноз, з цим нічого не поробиш. Чекай собі, усе проходить – і це пройде».
– І що, пройшло? – запитав я.

– Не пройшло. Але більше мені не потрібно до лікарні. Давай, до побачення, панікер.

Він перейшов дорогу і попрямував до шиномонтажного цеху. Там його вже чекав кореш. Вони розклалися на сходах.

Розрізали кавун, розлили самогон з пузатої пляшки. Синій розрізав кишеньковим ножем пакет копченого сиру і відкусив. Я дивився, як він жує, і в цьому було щось веселе, хлоп'яче.

Потім вони сміялися.

Потім вони курили.

Сонце палало.

Червень в Одесі.

На розі відкрилася нова піцерія.

Вогкий після дощу асфальт, свіже тісто, котячий дух, сморід гнилявих динь біля смітника. Це запах моєї вулиці, мого дитинства.

Заревіла сирена.

У додатку в телефоні повідомлялося: велика ймовірність ракетних ударів, будь ласка, пройдіть до укриття.

Я подивився на Синього. Він продовжував сидіти й жувати кавун.

Я вже збирався спуститися до підвалу, але щось мене зупинило.

Я зайшов углиб двору.

Двоє котів билися за консерву. Хтось висипав їм кільку у томаті. Раптом в мені прокинулася сміливість. Сміливість того, хто йде на страту.

Куди поспішати?

Навіщо? Тополиний пух в повітрі вібрує від спеки, мокра білизна колихається на пожовклих від часу мотузках, з відчиненого вікна лунає дитячий сміх.

У моєму дворі було стільки життя!

Ніхто його не забере.

Не зараз.

Не сьогодні.

«Зрештою, я помру у місті біля моря», – подумав я.

«Зрештою, я ніколи не помру».

Сергей Корниевский

Испанец

Не припомню, по какой именно причине я прозвал его Испанцем. Быть может, сыграла роль его внешность: невысокий рост, круглая, словно мяч, голова с высоким лбом и большой залысиной на затылке – с какой-то стати я решил, что именно так выглядят жители Пиренейского полуострова. Видимо, так в моем воображении представлялся папа Карло, который для меня был испанцем. А может быть, потому, что он там родился. Припоминается, он рассказывал какую-то историю о том, что его мать однажды поехала в Испанию по программе обмена опытом и вернулась домой с новыми знаниями и розовощеким человеком.

Вообще, процесс наделения псевдонимами своих секретных агентов у нас всегда был увлекательным и творческим делом. Каждый опер желал дать своему агенту имя как можно таинственней, при этом отразив в нем особенности личности. Например, один из доносчиков, о котором всем было известно, что он переболел онкологическим заболеванием, получил псевдоним Краб, а молодой юноша, завербованный в результате того, что во внутреннем кармане его зимней куртки был найден диск с порнографией, получил прозвище Лысый.

Не желающие прилагать творческие усилия опера называли своих агентов с натуры, то есть согласно их явным особенностям: Длинный, Дерзкий, Батрак, Бледный и так далее. Так как от нас требовалось заводить негласных доносчиков по графику, среди конфидентов часто оказывались родственники, друзья или малознакомые люди, не догадывающиеся, что они числятся в списках полицейских осведомителей. Эту информацию никто и никогда

не проверял. Подумайте сами: какой комиссар будет уточнять у гражданина, действительно ли тот собственноручно дал письменное согласие работать конторским доносчиком?

У меня к этим процессам был несколько иной подход. Своим настоящим и вымышленным агентам я давал имена известных убийц. На подпольном фронте мои задания выполняли Каплан, Принцип, Игаль, Освальд, Шварцбард. Мне казалось это находчивостью. Таким образом я желал произвести впечатление эрудита и умницы на начальника криминального блока подполковника Стецко, по должности вынужденного знакомиться с нашей дурью, которого все мы почитали за образец.

Хоть большинство расписок о добровольном сотрудничестве от имени моих агентов я писал самостоятельно, кое-как стараясь подделывать не похожие друг на друга почерки, Испанец дал письменное согласие добровольно. Короткое время я гордился этим приобретением.

Испанец был завербован в Крыжановке на Приморской улице во время самого обычного обхода территории, который я проводил практически ежедневно. Не помню, чем именно он вызвал мое подозрение, но в ходе личного досмотра я обнаружил в его кармане упаковку с травкой. Как выяснилось позже, это было его самое большое пристрастие в жизни, ради которого он был готов идти на все.

После задержания по пути в райотдел он спросил у меня разрешения зайти в местную забегаловку, для того чтобы выпить для смелости сто грамм водки. Я обычно не разрешал своим подопечным подобных вольностей, но его развеселый задорный темперамент вынудил пойти ему навстречу. Я согласился, при условии, что пойду вместе с ним. Он пожаловался, что ему будет неловко в компании оперативника перед своими знакомыми. Не знаю почему, но здесь я опять дал согласие. Знал ли я, что в этом клоповнике два входа? Да, знал. Но забыл. Получив желаемое, этот плут вскоре вышел через второй вход и испарился в неизвестном направлении.

Он нашелся на другой день в этом же баре. Мне позвонил бармен и сообщил, что мой новый друг сидит за столиком в компании какой-то дамы. Когда я это услышал, с издевкой подумал о том, что

он нарочно вернулся, дабы снова увидеться со мной. Как выяснилось позже, эта экзотическая мысль не была безосновательной.

Вопреки тому, что у меня все еще хранилась запаянная в полиэтиленовый пакет и скрепленная «Печатью № 1» ранее принадлежавшая ему конопля, которая давала повод возбудить уголовное дело, все время, проведенное со мной, Испанец был невероятно весел и жизнерадостен. Складывалась впечатление, что все происходящее он рассматривает не иначе как увлекательное приключение, в которое следует нырнуть с головой.

Когда мы попали в мой кабинет, он тут же без спроса сел в кресло и закинул ногу на ногу. Мне показалось это странным, но я промолчал – последнее время я все настойчивей старался избавляться от традиционно грубого поведения по отношению к задержанным и избегать солдафонских шуток. Это был период, когда долгое время спавшие во мне гуманизм и кротость расцветали под влиянием прочтения нужных книг. Мне было двадцать семь, я становился зрелым. Мне казалось, что я начал понимать смысл прочитанных однажды слов: «Стиль полемики важнее предмета полемики».

Испанец был не таким, как все. Он вел себя, словно шкодливый подросток, впервые попавший в Диснейленд или на завод по производству танков. Он очень много шутил на разнообразные темы, от «работник пилорамы хотел доработать до пенсии, но пальцы закончились раньше», до «сомнений быть не может – заграница нам поможет», и задавал вопросы наподобие «Ты ел когда нибудь повидло из краба?». Когда, проходя мимо кабинета начальника, я попросил его вести себя тише, так как там сейчас проходит совещание, он произнес: «В КГБ идет совещание. Чекисты спорят о том, можно ли пытать человека с фамилией Тюленин».

Я сидел в кабинете и составлял какие следует документы для будущего уголовного дела. Несколько дней назад на край стола я положил Библию. Не могу сказать, что я хотя бы раз читал ее на рабочем месте, она выполняла несколько иную роль. Во-первых, это была наглядная демонстрация любому вошедшему моих стремлений и происходящих во мне перемен. Во-вторых, ее присутствие налагало на меня определенные обязательства в поведении и словах: обнажив наш с ней союз, я не мог себе

позволить осквернуться. Испанец, стало быть, увидев книгу, спросил, хожу ли я в церковь. Я отвлекся и кивнул. Тогда совершенно неожиданно для меня с сокрушением в лице он посмотрел мне в глаза и голосом, полным серьезности, попросил сейчас же о нем помолиться. Я подумал, что это преамбула к будущему раскаянию в содеянном и попытка избежать наказания, к которой разнообразными способами прибегают находящиеся в его положении люди. Разумеется, никакое покаяние уже не могло избавить его от ответственности.

По правде говоря, я не любил говорить на подобные темы, предпочитая по возможности обходить их стороной. Старшие офицеры, увидев нововведение в моем кабинете, не придали этому никакого значения, и я тоже не акцентировал на нем внимание. Мат и насилие здесь – дело добровольное. К тому времени я еще никогда не молился публично, тем более в подобной компании. Это страшно, и обстановка не способствовала. Разговор с Богом – слишком интимный акт, чтоб разделять его со столь негодным человеком в столь вульгарном месте. Рассудите сами: могу ли я молиться о том, кого планирую упрятать за решетку?

Когда я открыл рот, для того чтоб отказаться, ко мне пришла другая мысль. Я вдруг подумал, что будет очень нечестно с моей стороны не помочь нуждающемуся в том, в чем еще совсем недавно нуждался я сам. Человек, ищущий прощения, непременно должен встретить участие. Почему-то мне вспомнилась Соня Мармеладова из Достоевского. «Это другое, бездарь, – сказал я себе. – Неточное цитирование – уже свое», – тут же парировал я Жванецким. Так с открытым ртом я просидел около тридцати секунд, в течение которых внутри меня происходила невидимая борьба.

– Хорошо, – произнес я и встал на ноги.

Испанец встал следом за мной и с интересом посмотрел мне в лицо. Я закрыл глаза и предельно искренне попросил Господа Бога о том, чтоб Тот даровал моему подопечному сил распрощаться с прошлыми пристрастиями, пожаловал новое сердце и желание отныне быть со Христом. Я говорил прямо, но очень робко, тихо, и практически с самого начала молитвы услышал, как что-то зашелестело на моем столе. Я не обратил на это особого внимания, отвлекшись на честный разговор с Богом.

Когда я закончил молитву и открыл глаза, с огромным удивлением обнаружил, что Испанец, усевшись одной ягодицей на мой стол, с интересом перелистывает составленные мной документы, держа их в руках. Этот мерзавец не нуждался в моей помощи, он просто надо мной насмехался. Вскипев, резким рывком я вырвал документы из его рук и приказал немедленно вернуться на свое место. Кое-как я удержал свой язык, чтоб не выругаться, сел за стол и через несколько минут успокоился. В конце концов я утешался тем, что неминуемое наказание за подобную дерзость для него уже обеспечено благодаря материалам, лежащим на моем столе.

– А что это за церковь, в которую ты ходишь? – неожиданно спросил Испанец.

Я посмотрел на него с подозрением, предусмотрительно стараясь найти в вопросе какой-нибудь подвох.

– А тебе зачем?

– Нет, просто интересно, – ответил он. – Православная?

Вкратце я объяснил, что церковь, в которую я хожу, христианская. Если речь идет о деноминации – протестантская. Кое-как я рассказал ему, где находится храм, и для проформы предложил как-нибудь посетить богослужение.

– Никогда не слышал об этой церкви, – задумчиво произнес Испанец. – И сколько ей лет?

– Две тысячи, – выдержав недолгую паузу, ответил я.

Испанцу понравился мой остроумный ответ. Он приветливо улыбнулся, хитро прищурив глаза. Несколько минут мы сидели молча. Я, как и положено, составлял документы, время от времени поглядывая на задержанного, пока тот непонятно откуда взявшейся зубочисткой ковырялся в ухе и рассматривал свои блестящие туфли.

Несмотря на то, что я уже окончательно составил мнение об этом человеке как о несостоявшемся, утраченном для общества наркомане, некоторые детали его образа позволяли пробиваться во мне семенам сомнения. Во-первых, он был одет так, как совершенно не свойственно его сословию. Все ранее встречавшиеся мне поклонники травки и прочей веселящей кабалы выглядели примерно одинаково: синие или черные штаны,

свитера или кофты темных оттенков, черные туфли, безликие куртки и тому подобное. Испанец же был одет в светло-серую легкую куртку неизвестного мне фасона, горчичные брюки и белые ботинки с изображением то ли лимонов, толи каких-то цветков желтого цвета. Я никогда ранее не видел таких ботинок. Во-вторых, он был слишком счастлив и раскрепощен. По моему опыту, подвергаемые уголовному преследованию люди не ведут себя подобным образом. Испанец сидел в моем убогом кресле так, словно вот-вот за ним придет консьерж и отвезет его на круизный лайнер.

– Слушай, я прочитал там свою фамилию, – неожиданно заговорил он, указывая вялой рукой в сторону моих бумаг. – Ты можешь не стараться: ничего не выйдет.

Я не обратил на его слова внимания. От этого умника можно было ожидать чего угодно. Не останавливаясь, я продолжил составлять документы. Посудите сами: все доказательства у меня на столе добыты совершенно честным трудом – что может мне помешать вершить правосудие? Каково же было мое удивление, когда через несколько минут после его слов в мой кабинет вошел сам начальник райотдела и строгим голосом приказал немедленно отпустить задержанного, а все собранные материалы, включая вещдоки, – сжечь. Напоследок он справился у Испанца, не обижал ли я его за время нашего ошибочного знакомства, на что тот отрицательно покачал головой и после короткого рукопожатия собственноручно выпроводил начальника из кабинета.

Увидев это, я был шокирован. Рефлекторно встал со стула, выпрямился практически по стойке смирно и едва не отдал воинское приветствие. Сцена произвела на меня гнетущее впечатление, я был не в силах пошевелиться. На потеху своему новому другу я медленно нащупал рукой нос и потер его. Вдруг рассмеялся.

Кто передо мной? Что дальше делать? Как себя вести? С одной стороны, я понимал, что приказ необходимо выполнить, и раз уже этот загадочный человек сумел выпроводить из моего кабинета начальника, да так демонстративно, что я испытал за подполковника испанский стыд, то можно лишь вообразить, с какой легкостью он избавится от такого беспомощного служащего, как я. В то же время я понимал, что у меня на глазах хотят

обесчестить закон. Творится произвол, с которым я призван изо всех сил бороться. Может, пожаловаться? Но куда? Кто будет меня слушать, когда против меня невиданная сила? В этот момент я мысленно поблагодарил Бога за то, что ни разу не выругался на своего задержанного, ничем его не оскорбил и вел себя с ним предельно корректно, достойно. Несколько секунд после преображения Испанец, стоя у двери, смотрел на меня все тем же ехидным, слегка насмешливым взглядом, затем сел в кресло и предложил мне занять свой стол. Я тяжело сглотнул и сел, не понимая, чего ожидать.

– Ладно, не принимай близко к сердцу, – неожиданно сказал Испанец и в знак утешения положил руку на мой стол. – Я брат министра сельского хозяйства. У меня иммунитет к подобным делам. Можешь проверить по фамилии.

Сказав это, он весело рассмеялся и медленно поднял голову.

Я не знал фамилию министра сельского хозяйства. Я поводил мышкой, чтоб разблокировать экран компьютера, и в поисковой строке ввел запрос. Передо мной возник ухмыляющийся пухлолицый человек средних лет, одетый в деловой костюм, на фоне сопутствующих атрибутов: просторный светлый кабинет, государственная символика, высокое кресло. Действительно, фамилии министра и моего задержанного совпадали до последней буквы. Я рассмотрел внимательнее фотографии. Вот министр с закатанными по локоть рукавами проводит инспекцию самого большого государственного предприятия, отчитавшегося за минувший квартал за минимальные дотации. Вот он, сидя в просторном конференц-зале, с серьезным лицом отвечает на вопросы журналистов. Вот за длинным столом выслушивает доклады озабоченных подчиненных.

– А то, что я тебе нарезал дело, так ты не парься. Я тебе сделаю новое, – внезапно заговорил Испанец, вытащив меня из погружения в министерскую жизнь. – Бери все, что тебе надо, и поехали в Крыжановку.

Сказав это, брат министра подошел к моему столу и положил себе в карман стоявший на краю пакет с вещественными доказательствами. Скупо втянув в себя воздух одной ноздрей, я сделал вид, что ничего не заметил.

Через пятнадцать минут мы были в Крыжановке. Всю дорогу Испанец веселил меня различными небылицами и смешными историями. Время от времени он смотрел на меня каким-то странным обреченным взглядом. Мне это не нравилось. По правде говоря, с того момента как мой новый друг заявил о своем высоком положении, меня не переставал мучить вопрос о том, что ищет столь обеспеченный и почтенный барин в компании такого провинциала, как я. Когда он бросил на меня еще один, как мне показалось, томный взгляд, я решил, что он гей. Я не раз слышал о том, что распорядители бюджетных средств наряду с представителями шоу-бизнеса и прочей знати по причине переизбытка развлечений и утех нередко скатываются к содомскому распутству. Это наряду с его мятежным нарядом лишь усиливало мое подозрение. Мне захотелось остановить машину и вытолкать попутчика наружу. Не то чтоб я был настроен враждебно по отношению к геям. Напротив, в юности у меня был знакомый фотограф, с которыми у меня долгие годы были теплые приятельские отношения. Он, к моему нескончаемому удивлению, всегда разрешал мне, оборванцу из бедной семьи одесской периферии, беспрепятственно пользоваться его дорогой техникой. Это вызывало мое к нему уважение и искреннюю мужскую симпатию. О настоящих причинах подобной лояльности я узнал намного позже. Несмотря ни на что, я сохранил с ним приятельские отношения, хотя и обозначил, что влечение к представителю одного пола никогда не найдет моего одобрения, и, на мой взгляд, это форма психического расстройства. К счастью, он никогда не решался заговаривать со мной на подобные темы ранее. Думаю, именно благодаря этому мы до сих пор с ним время от времени общаемся.

Позже выяснилось, что я ошибался насчет брата депутата. Находясь в Крыжановке, он встретился с какой-то подъехавшей на шикарном автомобиле светловолосой девицей, которую в моем присутствии бесцеремонно хватал за ягодицы и грудь и крепко целовал в губы.

Долгое время я не мог прийти в себя. Череда всех невероятно странных событий, произошедших за тот день, навела меня на мысль о том, что я участвую в неком розыгрыше или телевизионном шоу. Здесь я снова с благодарностью вспомнил о своей

кротости, с которой отнесся к задержанному. Раз уж меня покажут по телевизору, как хорошо, что в столь привлекательной форме. Я-то знаю, что я собой представляю на самом деле. Я стал присматриваться к стоящим поблизости автомобилям в поисках скрытых камер, искал их среди людей через дорогу, в магазинах, закоулках между прилавками и так далее. Безрезультатно. Стало быть, это не шоу.

Вдоволь нацеловавшись со своей подругой в дорогом авто, Испанец подошел ко мне, показал небольшой прозрачный пакет, заполненный серо-зеленым веществом, и сказал, что сейчас сделает мне уголовное дело, которого я лишился по причине его министерского происхождения. Не дождавшись моего ответа, он резко направился в бар «Десант», находивший в ста метрах от нас. В «Десанте» собиралась сочная публика.

Испанец вошел туда, как звезда, широко размахивая руками и громко о чем-то говоря.

Я подошел ближе к бару и увидел, как брат министра заказал три бутылки пива и присел за столик к двум молодым людям. Я не стал следить за всем, что происходило в «Десанте» далее. Чтоб не привлекать к себе особого внимания, я отошел от окон и сделал вид, что отвлеченно разговариваю по телефону.

Через несколько минут мой новый друг вышел. Он повертел большой головой по сторонам и, увидев меня в нескольких десятках метров от входа, срочно подбежал. Я убрал телефон в карман и сделал несколько шагов навстречу.

– Ты видел, к кому я присел за столик в баре? – слегка взволнованно спросил он меня.

– Да.

– У того, что с портфелем, в сумке пакет с травой. Иди, принимай, это тебе награда за терпение, – самодовольно произнес Испанец и похлопал меня по плечу.

К этому времени приехал мой напарник Паша, которого я с нетерпением ожидал с момента перевоплощения задержанного в нового друга. Постояв несколько минут около бара и поняв, что ожидать выхода наших подозреваемых можно очень долго, мы с напарником вошли внутрь, представились парочке отдыхающих и попросили их пройти с нами. Это были два молодых

человека из области на западе страны, приехавших в Одессу заработать на строительстве супермаркета «Metro». Хозяин злополучной сумки носил очки, выглядел интеллигентным молодым человеком. Зачем он согласился принять увеселительный злак от незнакомца, я не знаю. Завернув за бар, мы для проформы обыскали обоих молодых людей и, как и обещал Испанец, в портфеле одного из них нашли пакет с коноплей. На вопрос о том, где он взял запрещенное зелье, молодой человек ответил, что нарвал его неподалеку от стройки. Это было именно то, что я хотел услышать. Если бы он сказал правду, мне бы пришлось возбуждать дело о распространении наркотических средств в отношении неустановленного лица.

На прощание перед нашей командировкой в «Десант» Испанец сделал мне несколько комплиментов по поводу моей манеры вести дела, выразил надежду, что на своем поприще я достигну больших высот, и краем фразы намекнул на то, что подобные порядочные люди очень нужны руководству. О какой именно порядочности шла речь, после всего случившегося в этот день беззакония я не понимал, но в свете его высокого происхождения и моего тщеславия они звучали очень многообещающе. В конце он сказал, что хочет познакомиться со мной поближе, и так как завтра выходной, будет ждать меня и моего напарника на этом же месте в семь часов вечера. Он сказал, что обещает хорошее времяпрепровождение, все траты берет на себя и так далее. После этих слов он сел в машину к блондинке и уехал в сторону «Молодой гвардии».

На следующее утро я сделал зарядку и решил, что могу спорить с Богом. Весь день я провел в безмолвных беседах с Ним о том, стоит ли мне соглашаться на предложение брата министра. Вопреки тому, что громкий отчетливый голос внутри меня без устали указывал на необходимость позабыть о вчерашних приключениях и согласно моему новому кредо отправиться в церковь, вероломный двуличный певец на другом конце говорил об обратном. Борьба лукавства и целомудрия длилась весь день. Я страдал и мучился оттого, что не мог переубедить собственную совесть. Я рассказывал ей о тех подвигах и благодеяниях, которые смогу совершить для всех нуждающихся в случае успешно-

го сближения с братом министра сельского хозяйства. О том, что ради достижения благородных целей порядочным людям порой необходимо погружаться в мрачные подземелья, и так далее. В доказательство своих слов я привел пример Нельсона Манделы, чью автобиографию закончил читать несколько дней назад. «Это другое, бездарь», – опять прозвучало в моей голове. Тем не менее я не унимался. Я вспоминал о всех случая, когда из-за собственной легковесности я не мог помочь абсолютно честным и безукоризненно правым людям. Я твердил о том, что в результате моего союза с высокопоставленным другом в будущем подобного произвола не случится. Совесть не шевелилась. С любовью, но сердито и строго она смотрела мне в глаза. Надо ли говорить о том, что мои настоящие мотивы носили совершенно иной характер. Как и любому испорченному человеку, мне было свойственно укутывать свои низкодушные желания в благородную изысканную упаковку.

Испанец опоздал. Он приехал на том же шикарном автомобиле в компании той же привлекательной блондинки. В этот раз я рассмотрел ее повнимательней. Мне сразу бросились в глаза ее короткая юбка и тонкие изящные ноги, спрятанные в темные колготки. Небольшой размер груди компенсировали широкие бедра и рельефная талия. Когда я сел в машину, сразу поймал на себе ее пленительный интригующий взгляд. Казалось, она оценивает меня глазами заказчика. Я кое-как усмирил свой плотоядный взгляд и отвел его в сторону.

По пути к месту отдыха Испанец вытащил из кармана плотно забитую травкой папиросу и с демонстративным удовольствием закурил. Салон автомобиля наполнился приторным запахом конопли. Дыша этим воздухом и глядя в окно, я иронизировал над комичностью положения, в которое себя поставил: брат министра курит травку в присутствии двух блюстителей порядка, везет угощать их за свой счет и рассказывать о дефиците порядочных кадров. Испанец предложил сделать несколько тяг мне с Пашей, но мы деликатно отказались.

Мы приехали в респектабельный ресторан с элементами ночного клуба в оформлении в центре Одессы. Я никогда не бывал здесь ранее. Нас уже ждал большой накрытый стол,

за которым, к нашему с Пашей удивлению, уже сидели две молодые девушки, одетые не менее вызывающе, чем подруга Испанца. Увидев их, Паша взбодрился и сел рядом с одной из них. Я сел рядом с Пашей.

Несмотря на то, что около брата министра на другой стороне стола было свободное место, его беловолосая пассия села рядом со мной. Подвинув ближе ко мне свой стул, она попросила налить ей выпивки. Я удивился этому маневру, но смиренно выполнил ее просьбу. Испанец произнес какой-то невнятный тост, и мы выпили. Блондинка подсела ко мне еще ближе и начала расспрашивать о моей работе. Она говорила, что я, наверное, очень отважный, раз решился работать в столь опасном месте, что ей интересно слушать мои истории о поимке преступника, о своем последнем деле и так далее. О каком деле ей рассказать? Последнее мое дело сидит напротив нас. До этого я четыре дня ездил в райотдел и закрывал накопившиеся дыры в бесполезных секретных материалах. Не знаю, как сейчас, но тогда каждое уголовное производство по тяжкой статье должно было иметь собственное оперативно-розыскное дело, в рамках которого проходили тайные мероприятия: телефонные прослушки, проникновение в жилье, наружное наблюдение и тому подобное. Само собой, ничего этого не происходило, но отчетов по исполнению ежеквартально требовало начальство в управлении. Я промямлил какие-то слова о том, что у людей слишком романтизировано представление об уголовном розыске, на что девушка ответила, что любит романтические истории, и снова предложила налить нам выпить. Когда рюмки были заполнены, она взяла одну из них и предложила выпить на брудершафт. Я отказался. Подняв рюмку, резким рывком я залил ее содержание себе в рот и закрыл глаза. В этот момент блондинка приблизилась ко мне впритык, и обе руки положила мне на ноги. Не желая эскалации, я вскочил со стула и направился на танцевальную площадку. Что она себе позволяет? Что это за нравы такие? Еще вчера она в моем присутствии облизывалась с братом министра и позволяла щупать себя за все подробности, а сейчас на виду у всех соблазняет меня. Не могу сказать, что она была мне неинтересна, но я согласился приехать не для этого. В конце концов я могу поплыть.

Увидев, что я покинул стол, Испанец схватил двух веселившихся с ним и Пашей девушек за руки и потащил их на танцпол. Следом за ними вышли Паша и блондинка. Плавной походкой она подошла ко мне, схватила за руку и потащила к себе.

– Ну ты и душнила, – сказала она смеясь, когда мое ухо оказалось у ее рта. – Я что, не в твоем вкусе?

Эта колкость звучала как комплимент. Ее миловидное и слегка покрасневшее от выпивки лицо смотрело на меня по-приятельски, можно даже сказать, по-сестрински. Не добившись цели, стало быть, она решила сделать из меня своего друга. Я ответил ей что-то вроде того, что она красивая девушка, но я здесь не для этого. После такого диалога она еще пару раз приглашала меня сопроводить ее до машины или в туалет, но я каждый раз, улыбаясь, отказывался. Вскоре набеги прекратились.

Пустопорожний вечер шел своим чередом. Танцпол сменялся застольем и наоборот. От выпитого алкоголя у меня в голове начали туманиться мысли. Я ждал, когда же наконец брат министра начнет добиваться цели, декларируя которую, он пригласил меня на отдых. Когда мы заведем деловую беседу? Когда мы будем знакомиться поближе? Когда заговорим о дефиците порядочных кадров и нашем будущем? По правде говоря, на парах своего воспаленного воображения я уже не раз позволял себе пророчить блистательное продвижение по службе и небывалый карьерный рост. Рассудите сами: у меня друг – брат министра. Пусть и с трудом, но я сумел произвести на него безупречное впечатление в совершенно непредсказуемых, можно сказать, агрессивных для себя условиях. Это ли не успех? В ближайшем будущем я мнил себя заместителем начальника райотдела или командиром розыска, а заглядывая вперед, замечал, как виднеются большие погоны и важная должность в столице. Чего уж там, быть может, портфель самого министра внутренних дел когда-то почувствует нужду в смене хозяина на такое сокровище, как я… Во время очередного возвращения к столику, видимо, растрогавшись происходящим, пьяный брат министра с размахом заявил о том, что планирует пригласить нас с Пашей в Киев и лично познакомить со своим братом. Эти слова наполнили новым содержимым пустевший сосуд терпения.

Время шло, но ничего не менялось. С каждым подходом к столу Испанец становился все пьяней. Разговором на серьезные темы и не пахло. Брат министра выглядел жалко, но я ждал его, как преданный пес, и иронично сверлил собственное лицемерие. Настал момент, когда, сидя за столиком, я увидел, что Паша и брат министра на танцевальной площадке сцепились с какими-то двумя отдыхающими.

Испанец размахивал перед лицом одного из них руками и что-то очень громко вещал. Паша стоял рядом. Покосившимся взглядом он наблюдал за происходящим. Я встал и направился к отдыхающим. Подойдя к ним, я попытался разобрать, что говорит мой будущий покровитель, но ничего из его слов понять было невозможно. Его красное перекошенное лицо шевелилось каким-то неестественным образом, обращаясь то к одному, то к другому слушающему. Два парня, с которыми ругались Паша и Испанец, были одеты в легкую темную одежду, были невысокого роста, плотного, я бы даже сказал, коренастого телосложения. Держа перед собой немного напряженные руки, они спокойно следили за движениями своих собеседников, время от времени говоря что-то в ответ. Их слегка согнутые в коленях ноги стояли на ширине плеч – левая нога ближе к оппоненту, правая позади, как опора. Обратив взгляд на их лица, я испугался. У обоих из голов торчали по два уродливых обрубка, похожих на сильно переваренные пельмени. Это были их уши.

Конфликт не мог закончиться ничем хорошим. От этих парней не исходила агрессия, но чувствовалась уверенная готовность к схватке. Несмотря на явное нежелание спортсменов нанести вред двум моим легкомысленным друзьям, вероятность обострения была велика. При подобном развитии нам не смогло бы помочь ни высокое звание брата министра, ни даже мой спрятанный под курткой пистолет. Я едва ли успею прикоснуться к бегунку на змейке, прежде чем мне нанесут какую-нибудь травму. Вдобавок к этому я не готов здесь стрелять.

Испанец говорил много и активно жестикулировал. Было понятно, что в словесном жанре он легко укладывал соперников на лопатки. Атлетам нечего было противопоставить болтливому языку брата министра. Но по Паше я видел, что тот закипал. Ка-

кой умник придумал идиотский совет насчет того, что если драка неизбежна, бить нужно первым? Я вспомнил, что эту сентенцию часто любит повторять мой напарник. Паша дерзкий. Паша знает мало слов, но Паша может ударить первым. Тем более под впечатлением высокого положения своего союзника. У Паши были такие же широкие плечи и крепкие руки, как у ребят напротив. Но у Паши не было таких ушей.

Схватив обоих за руки, я попросил спортсменов не обращать внимания на моих выпивших друзей и продолжить наслаждаться вечером. Паша и Испанец сопротивлялись, но я был слишком решителен и груб. Усадив их на стулья у нашего столика, я громко выругался и рассказал обоим о замеченной мной детали. Брат министра не обратил на мои слова внимания и продолжал выкрикивать в адрес своих оппонентов едкие колкости, но его уже никто не слышал. Паша нахмурился и задумался. Стало быть, он понял, от какого бесславия я его только что спас.

Примерно через десять минут после случившегося, когда вся компания сидела за столом, я отлучился по нужде. Я уже прекратил грезить о продвижении по службе и смирился с тем, что принять предложение брата министра была плохая идея. Я желал как можно скорее покинуть ресторан и попасть к себе домой. Завтра начиналась новая рабочая неделя. С этими мыслями я вышел из туалета и увидел, что около нашего столика какая-то суета. Несколько тревожных людей в черных куртках стояли рядом с Испанцем и его блондинкой и что-то им говорили. Это не были атлеты из недавней ссоры. Я подошел ближе в тот момент, когда один из неизвестных взял брата министра под руку и поволок к выходу. Другой держал за руку блондинку и тащил ее следом. Когда я приблизился, ребята в черных куртках посмотрели на меня с презрением, но ничего не сказали. На улице их ждали две машины с киевскими номерами. Один из незваных гостей сел за руль красивой машины блондинки и спустя минуту кортежем они скрылись на соседней улице.

Я вернулся в ресторан. Паша сидел рядом с двумя девицами и о чем-то с ними беседовал. Поняв, что ситуация вышла из-под контроля, я думал предложить напарнику слиться, но растерянные и озабоченные лица девушек остановили меня. Я позвал

официанта и попросил принести нам счет. Чек был чуть выше моего месячного оклада. На двоих у нас с Пашей нашлась сумма лишь для оплаты двух салатов, которые заказали девушки еще до нашего приезда. Я позвонил в дежурку и попросил сержанта отправить за нами машину и привезти деньги.

По пути обратно Паша рассказал мне, что эти тревожные люди были служащими министра. Они специально приехали в Одессу, чтоб найти непутевого старшего брата своего начальника, отправившегося для кутежа на юг.

Девушки рассказали ему, что это не первый случай, и у министра уже ранее случались проблемы из-за выходок родича.

Попав в свой кабинет, я сел в кресло и просидел в темноте несколько минут. Мне страстно хотелось кого-то обвинить в произошедшем, но винить было некого. Пашу пригласил я. Испанцу не было до меня никакого дела. Я включил свет, и мой взгляд сразу упал на неподвижно лежащую на краю стола Библию. Я взял ее в руки, открыл на случайном месте и прочитал первый попавшийся текст. Это было Матфея, тринадцатая глава, с четвертого стиха: «и когда он сеял, иное упало при дороге, и птицы налетели и поклевали то; иное упало на каменистые места, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; Иное упало в терние, и терние выросло и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод. Кто имеет уши слышать, да слышит!».

Я услышал. Я встал на колени, помолился, разложил кресло и лег спать. С тех пор с братьями министров я больше не сообщался.

Элла Леус

Переведи меня…

Майданная конфабуляция*

Повесть из цикла «Високосные дневники»

Переведи меня через майдан,
Через родное торжище людское,
Туда, где пчелы в гречневом покое,
Переведи меня через майдан.

Переведи меня через майдан, –
Он битвами, слезами, смехом дышит,
Порой меня и сам себя не слышит.
Переведи меня через майдан.

Переведи… майдана океан
Качнулся, взял и вел его в тумане,
Когда упал он мертвым на майдане…
А поля не было, где кончился майдан.

В. Коротич, перевод Юнны Мориц

В 2012 високосном году, в самый солнечный день оттепели, 29 февраля, состоялось последнее празднование Джульеттиного дня рождения. Семейные посиделки в одичалом садике фон–танской

* Конфабуляция – лат. *confabulari*, болтать, рассказывать – ложные воспоминания, в которых факты, действительные либо видоизмененные, переносятся в иное, часто в ближайшее время и могут сочетаться с абсолютно вымышленными событиями.

дачи* завершились спасением соседского кота, орущего из-под внезапно обвалившейся крыши ветхого домика. Счастье, что под эту крышу редко ступала нога человека, разве что за кое-какой кухонной утварью, хранившейся в скрипучем серванте с незапамятных времен. Как только трясущегося кота достали, Джулию осенило – с днями рождения покончено!

Нет, умирать Джулия Михайловна совсем не собиралась. Была вполне здорова и моложава – законного полтинника ей никто не давал. А собиралась она, наоборот, продавать участок, о чем оставила объявление с номером телефона на изгрызенном рыжей ржавчиной почтовом ящике.

– Помаду французскую всю извела, все равно бумажку твою ветром унесет, – ворчала Джульеттина племянница, оглядываясь на отслуживший свое мангал, испускающий последний дымок под мощным стволом вековой груши.

– Сегодня же вечером какой-то ушлый риелтор позвонит, вот увидишь, у нас в Одессочке главное, чтоб слух пошел, – успокоил Сергей Михайлович, торопящийся за покидающими дачу родственницами, сестрой и взрослой дочкой. – И тебе копейка не помешает к свадьбе, а то, пожалуй, от будущего зятя толку ждать нечего.

Племянница показала отцу язык и обогнала процессию. Джулия молчала. Думала о рухнувшем дачном домике, который словно ждал целых четыре года хозяев в гости, чтобы в их присутствии торжественно приказать долго жить. Думала о дележе вырученных от продажи денег между родными. Думала, что давно нужно было продать эту рухлядь и увезти Борю на лечение за границу, пока не вышли сроки. И ни с кем не советоваться, никого не слушать, даже его. А тем более ненасытную сестру и чересчур щепетильного брата. Теперь-то все равно, когда и почем…

Продали на удивление быстро и дорого. С другой стороны, чему удивляться? Фонтан** ведь. Долги возвратили – и Сергей, и Джулия. И на скромную свадьбу племяннице отложили. Сестре Ирине, живущей в Италии, не сообщали. Потому что не знали адреса.

* Дача в районе Большого Фонтана

** Большой Фонтан – исторически элитный район Одессы.

На оставшиеся деньги Джулия заказала на могилу Бориса гранитное надгробие. Чтобы не хуже, чем у людей. Всю жизнь терпеть этого не могла, а тут – смирилась. Пусть будет, как принято у нормальных, не у високосных.

Итак, последний високосный день рождения давно похоронен в катакомбах Джульеттиной памяти. А они глубоки, душны и пугающе темны. Они абсолютно не пригодны для жизни, однако в них продолжают жить, беззаботно и безропотно, как в трущобах Молдаванки. Кто обитает там, лучше не спрашивать Джулию. Потому что не ровен час спустится она по скользким ступеням и заплутает в поисках високосной потери.

Лучше пусть позовет из своего полусна. Ночь-полночь не преграда для него. И вот он уже сидит на краю постели и гладит ее руку. Борис… Он любит брать ее за руку, легонько дуть на пальцы и в ладонь, особенно в ладонь. Ей щекотно, она хихикает, но руки не отнимает. Потом прижимается к нему, кладет голову ему на плечо и слушает его шепот. Который похож на прибой.

– Он опять появился? Этот твой Гоша. Значит, я был прав, когда не верил в его исчезновение. Не верил, что он от тебя отказался. От таких Джульетт не отказываются. Я точно знаю.

– Брось, родной, мне почти пятьдесят. А у него семья. У него пузо капитанское и седая борода. Мы устали, Боренька. Я устала. Да и он тоже.

– Ничего похожего. Он просто ждал удобного случая, чтобы к тебе подкатить. Любовь, сама понимаешь. Вспомни, как у Бердяева***: любовь внеродовая, Афродита небесная, не ведущая к рождению и дроблению индивидуальности, с ней связана тайна бессмертия… Так, кажется.

В ответ она целует сухие Борины губы, и они становятся влажными от ее слез. И солеными, и горьковатыми, как морская вода. Конечно, они не стали бы такими мягкими и податливыми, не целовали бы так жарко, если бы он сердился. Впрочем, сердитым он никогда не приходит, сколько ни зови.

*** Бердяев Николай – философ, автор трактата «Эрос и мораль» и др.

Вообще, его неизменный отклик на ее зов – не более чем иллюзия. Борис всегда приходит сам, по собственному желанию. Ведь он всегда был таким своевольным. Так с чего ему меняться теперь?

– Ты остался прежним, таким я увидела тебя впервые. Помнишь? Разве что виски слегка побелели, – говорила Джульетта каждый раз вместо приветствия.

Она неизменно ведет себя так, словно это их первая встреча после долгой разлуки. И последняя.

– Черта с два! – отвечал Борис, отводя длинную каштановую прядь с ее лба. – Теперь я сущность ночная, аки вампир. С некоторых пор у меня стойкая асистолия*, как однажды назвал это мой невезучий реаниматолог. Но мой туттам еще трепещет. В этой комнате, в абрисе окна, более всего – в твоих зрачках… Ты ведь не забыла, что такое туттам? Хотя, разумеется, помнишь. Память – это он и есть. Я забыть не позволю. Хочется возразить? Ищи аргументы. Тебя всегда можно было подразнить чем-то трансцендентным**.

– Я не вижу цвета твоих глаз, только свет, – тревожилась она.

– Поверь, они по-прежнему разные, такие, как ты привыкла, один карий, другой – зеленый. Или наоборот? – Борис смеялся беззвучно.

Она просыпалась живой и смертельно влюбленной. Заново и непрерывно.

* * *

Борис умер в високосном 2008-м от третьего инфаркта. Мок ноябрь, студенился туманом. Денег на похороны в доме не оказалось. Все, что заработали эти двое за четверть века, ушло на ремонт маленькой старой коммуналки, оставшейся за Борисом после смерти дряхлой соседки. А затем их с Джульеттой время начали жадно отнимать больницы. Их дни, недели, месяцы… Палаты, врачи, аптеки… Дорогие обследования, дорогие препараты.

---

* Асистолия – отсутствие систол, сердечных сокращений.

** Трансцендентное – термин, возникший в схоластической философии и характеризующий все то, что выходит за пределы чувств.

В последний свой год Борис вел всего несколько дел, да и то почти бесплатно. Респектабельные коллеги пожимали плечами – непонятная тяга Бориса к безнадежной защите неприметных и безответных жертв ментовского произвола шевелила в их изощренных адвокатских умах смутные тени угрызений совести. Тут их настигал невроз и они обращались за советом к знакомому психотерапевту. Джулия Михайловна консультировала этих степенных и циничных деятелей, давая невозможные скидки как сослуживцам мужа. Зато похоронить Бориса они помогли, молча вложив в ее безвольную руку пухлый конверт с деньгами. Один, с двумя айфонами в кармане от Армани, скользя итальянскими подошвами в кладбищенской грязи у могилы, долго говорил о чести Бориса, которая для настоящего офицера не пустой звук, а самое настоящее сокровище.

Джульетте хотелось домой, ее клонило в сон, в преддверии которого можно будет услышать его туттам…

* * *

Джульетта с самого утра чувствовала себя немного уставшей, невыспавшейся. Ночью снова приходил Борис. Туттам звучал громче обычного. Недосказанное измучивало. По всему было видно, что ей пора опять прибегнуть к антидепрессантам. И жизнь снова станет вполне приемлемой, сносной.

В дверь настырно постучали. Она никого не хотела видеть – до первого клиента полтора часа, оставили бы все ее в покое. Но легкая картонная дверь кабинета в офисном центре распахнулась. На пороге возвышался атлет в камуфляже, черной балаклаве, с автоматом наперевес. Очень мило! Телефон выпал из рук Джульетты и силиконово плюхнулся на стол.

– Терешковой, восемнадцать? – глухо спросила черная балаклава. – Руки за голову! Телефон на стол.

– Он и так на столе, – механически проговорила Джульетта. – Да, это наш адрес. А вы к кому конкретно? Здесь несколько сотен фирм…

– Руки за голову!

Дуло автомата описало небольшую дугу. В остальном атлет был неподвижен.

Джулия заложила руки за голову и откинулась на спинку кресла, словно собиралась помечтать. В животе наметилось противное дрожание. Точно, без антидепрессантов уже не обойдется.

Пришлось внешне невозмутимо наблюдать за шмоном в кабинете. Из шкафчика и письменного стола были выброшены все папки, а ноутбук был с удовольствием изъят тщедушным бесцветным следователем. Кого-то он ей напомнил, очень известного, очень нездешнего, неуловимо обманчивого…

– Какая еще черная бухгалтерия? Я психотерапевт. Консультирую – веду предпринимательскую деятельность на упрощенной системе налогообложения. Уплачиваю единый налог. Чего же еще? Вот в рамочке свидетельство госрегистрации. Мой муж следователь прокуратуры, адвокат. Был…

До появления клиента она успела собрать разбросанные бумаги и почти смириться с потерей старого ноутбука Бориса. Обыск шерстил коридоры здания на всех этажах одновременно. Как говорили очевидцы и участники событий, тайфун «маски-шоу» унес практически всю компьютерную технику, кучу документов, даже пяток приглянувшихся кожаных кресел и несколько горсадовских* лубочных полотен из актового зала. Также улетучились многие телефоны. Правда, на скромную трубку Джульетты ни балаклавы, ни следователь не позарились.

Она набрала знакомый номер похолодевшими пальцами.

– Ну что ты хочешь, Юленька! Это же попытка рейдерского захвата офисного центра. Правда, не совсем удачная. Драка продолжается. Отжимают все, что плохо лежит. Понятно же, кто правит бал. Не беспокойся. Руководство на месте? Да? Хорошо, значит, есть у них шансы отбиться. Хотя… А база данных клиентов… Плохо, конечно, что ноут забрали, но истории твоих психов, поверь, никого не волнуют. Ты же отказываешься работать с серьезными людьми. Всё на свихнутой челяди специализируешься. Как твой муж, чес слово. А так бы, глядишь, крыша у тебя была надежная. Когда клиент надежный – обычно так и бывает. Я же ничем

* Горсадовский – купленный в торговом ряду Городского сада Одессы.

не могу, Юленька, хотя Борис был мне друг, и уважал я его сильно. Вот был человек великого достоинства…

Она не дослушала, имитировав сбой связи ради приличий.

Джульетта проглотила заветную таблетку, не дожидаясь вечера.

В воздухе что-то зрело. Днем и ночью с каждым часом распухало и все больше смахивало на метафизическую угрозу гибели небольшого обитаемого острова. Увы, никто не может предсказать цунами…

С августа прошлого 2011 года после недолгого затишья в Украине пошел новый всплеск рейдерства. Эксперты объясняют это тем, что, обосновавшись на местах, новые власть имущие разобрались, что приносит прибыль, и начали наступление на успешный бизнес. Правда, популярный некогда путь банкротства уступил место новой схеме. Сейчас в ход идет возбуждение уголовного дела через налоговую, ГУБОП или прокуратуру, фиксация менеджера предприятия или задержание собственника с дальнейшим предложением поделиться бизнесом. Не помогает даже депутатский мандат, который хоть и гарантирует неприкосновенность бизнесмену, но не уберегает членов его семьи от «наездов». Печально и то, что на данном этапе ключевыми в любом противоправном поглощении становятся органы государственной власти. Если с 2004 по 2010 годы было несколько центров влияния – и в прокуратуре, и в МВД, и в администрациях, что позволяло предпринимателям защитить себя, то сейчас выстроилась вертикаль власти и работает принцип одного окна как для предпринимателей, так и для получения контроля над предприятием.

Напомним: в президентских выборах 2010 года победил В. Янукович.

Из интернет-изданий

* * *

Гоша изменился сильно. Джульетта его ни за что бы не узнала. Зато он узнал ее в кафе сразу, подошел, помялся, помямлил и неуклюже уселся напротив.

– Юлька! – только и мог воскликнуть он.

– Гоша?

Она тоже растерялась. Ей было неловко, что она его не узнала, не заметила издалека, не успела сообразить, что к чему и как себя вести.

– Сколько лет…

– Ты красивая… Как раньше. А я – вот, – выпалил он и умолк.

Джульетта улыбалась и не могла избавиться от ощущения натянутости улыбки. Нужно было срочно изобразить искреннюю радость и не менее искренний интерес к судьбе этого импозантного маримана в белых, по-видимому бразильских, штанах. Она взглянула на щеточку его щегольских усов. Такие носили некоторые капитаны-китобои в прошлом веке. Вдруг ей взбрело в голову, что начни Гоша ее целовать, усы станут колоться. Она засмеялась, а он просиял. Так мало нужно для радости.

– Слушай и не спрашивай. Я сама расскажу, что найду нужным, чтобы нам было проще. Да, я почти тридцать лет была замужем за Борисом, тем самым. Теперь вдова. Детей нет. Твоя очередь.

– Женат, сын и дочь. Взрослые. Внуков пока не дождались. Жену не видел года три – живет в Москве. Так вышло, – доложил Гоша.

Джулия поморщилась. Он насторожился, но продолжал:

– Сын приемный, всего на девять лет младше меня. Хороший парень, путевый, мы дружим. Он бобыль, я бобыль…

– А дочь?

– Что дочь?

– Дочь родная?

– А, да. Думаю да… Надеюсь да. Правда, она давно с мамой в Москве. А мы с Валькой тут вот, на Гагаринском плато расположились. Самый крутой райончик… Я по морям, по волнам, он – на берегу. Сухопутный он. Из наших окон море видно зимой и летом. Я-то им сыт по горло, а Вальке в кайф.

– Вальке?

– Сыну – Вальке.

Она кивнула и одним глотком допила свой кофе. Засобиралась, думая, как бы не пригласить Гошу в гости и, к тому же, избежать приглашения к нему. Опасения оказались напрасными.

– Ладно, Юлька, я побегу, у меня завтра самолет. Под флагом ухожу. Месяцев на десять, не меньше. Дай мне номер на всякий – Вальке оставлю. До скорого.

Джулия обрадованно сунула ему визитку. Он, не глядя, спрятал ее в нагрудный кармашек и вразвалочку пошел по брусчатке Дерибасовской. Настоящий моряк, из раньшего времени, как говорят в Одессе. Она проводила его удовлетворенным взглядом. Думать и вспоминать о нем было гораздо легче, чем с ним беседовать.

Валька не преминул вскоре появиться на Джульеттином горизонте. И сразу принялся ухаживать напропалую. Принялся уважать, ублажать и пускать пыль в глаза.

– Тебе сорок лет, а ты еще не понял, что далеко не все тетеньки склонны от тебя тащиться, – смеялась Джульетта, ставя букет в вазу. – Весь кабинет завалил цветами. Мне, конечно, приятно. Но если вдуматься, цветы – это всего лишь ампутированные органы размножения растений. Разве не так? К тому же я терпеть не могу менять в вазе воду, когда стебли начинают гнить. Заруби себе это на носу.

– Гоша поручил мне о тебе заботиться, – возражал Валька, развалившись в кресле и поигрывая ключами от автомобиля.

– Гоша странный. Тридцать лет я вполне обходилась без него. Правда, признаюсь, мой покойный муж вечно ревновал меня к гипотетическому Гоше. Но это – не в счет. Должен же он был как-то демонстрировать свою любовь.

– А ты любила мужа?

– Боготворила! – Джульетта зарылась лицом в благоухающие соцветия.

Валька был колоритным представителем одесского торгового люда. Оптовый рынок «Седьмой километр» проступал даже бисеринками пота над его пухлой верхней губой. Хорошее или плохое настроение напрямую зависело от почина и выручки за день, неделю, месяц, сезон. Он летал в Китай и считал пачки наличных долларов с ловкостью факира. Торговал оптом и в розницу, давал деньги в рост. Вкладывал в недвижимость, потом сдавал недвижимость в аренду, уклонялся от налогообложения и мечтал, чтобы ему за это ничего не было, пребывая в блаженной уверенности, что поступают по-иному лишь малодушные идиоты. Короче, крутил Валька золотое колесо бизнеса с задором и серьезностью молодого сытого хомяка.

Деятельный Валька заезжал за Джульеттой на работу почти каждый вечер. Она молча усаживалась на сиденье его модного внедорожника и молчала до самого дома. Все слушала говорливого Вальку.

– В детстве я был хилым и сильно худым, аж светился. Бабуля поила меня алоем с медом, чтоб не стыдно было от соседей. Распух я тогда быстро, но не от голода. Гхы-гы. Бабуля любовалась плодами своей любви, называла меня сладеньким алойчиком. Эти мне одесские бабушки… Меня так с тех пор и прозвали – Валька Алойчик. Прицепилось. Ну какой из меня алойчик? Алой зеленый и колючий, правда же?

– Алоэ очень полезный представитель тропической флоры… Очень полезный… И ты тоже, – задумавшись о чем-то своем, рассеянно утешала его Джулия.

– Хм… Я представитель тропической флоры? – недоумевал Валька.

– Нет… Ты просто полезный…

Для окружающих Джульетта была очередной, хотя и весьма нетривиальной пассией Вальки. Соперницы косились и любопытствовали, Джулия усмехалась и отмахивалась. От ценных подарков и романтически-коммерческих путешествий вдвоем отказывалась наотрез. Соглашалась только на дружеские встречи в кафе и морские прогулки на маленьком катере.

* * *

Кажется, совсем недавно, всего какой-то десяток лет назад, один клиент, страдающий гистрионическим расстройством личности*, долго объяснял Джульетте Михайловне, почему он голосовал за Януковича и голосовал бы впредь за этого дельного человека сто-пятьсот раз. Она слушала терпеливо и внимательно, как и полагается добропорядочному психотерапевту.

Вся семантика сказанного сводилась к завидному умению завгара работать, к абсолютной необходимости крепкой руки власти

* Гистрионическое, или истерическое РЛ, – расстройство личности, характеризующееся неутолимым желанием быть в центре внимания, склонностью к драматизации, театральностью поведения, экстравагантностью.

ради порядка в стране и к пресловутому кодексу чести блатных и приблатненных, прошедших через лишения и лихолетье. Слушая этот выспренний бред, Джульетта думала, что истоки проблем клиента скорее всего кроются в непроработанном Эдиповом комплексе** и горячем, хотя и подсознательном стремлении идентифицироваться, примкнуть к какой-нибудь почтенной фигуре мужеского пола. Еще у нее в голове крутилась злорадная мыслишка о падении этой фигуры в обморок в результате «яичного покушения» в 2004-м.

Тогда в ходе предвыборной гонки Янукович отправился в Ивано-Франковск, чтобы поговорить со студентами Прикарпатского университета им. Стефаника. Дружеского разговора не получилось – как только нарядно одетый политик шагнул из автобуса на франковскую землю, как тут же начал падать. Свидетели происшествия испугались за здоровье чиновника, но, как оказалось, напрасно. Виновником внезапного недомогания стало яйцо, брошенное студентом Дмитрием Р. Януковича увезли в больницу, а его соратники попытались спасти ситуацию – убедить всех, что в мужчину летели еще и другие, гораздо более тяжелые предметы. Впрочем, свидетелей было много, падение зафиксировали на видео, так что идея не сработала. Инцидент буквально обрушил рейтинг политика…

Из интернет-изданий

* * *

В памятном сентябре 2007 года Джульетта наконец дождалась открытия одесской оперы после долгой реконструкции. Театр открылся в новом блеске, в надежде на новую славу. Репертуар медленно, но верно набирал силу, обновлялась труппа, шла подковерная борьба за кресло директора и художественного руководителя. Актеры и музыканты по обычаю соперничали, честно

** Эдипов комплекс – понятие, введенное в психоанализ Зигмундом Фрейдом, обозначающее бессознательное или сознательное сексуальное влечение к родителю противоположного пола и амбивалентные (двойственные) чувства к родителю своего пола.

или не очень. А по вечерам все вместе рождали музыку. Театр делал первый в новой инкарнации глубокий вдох. Эгрегор* оживал. Каждый месяц, а то и чаще, Джульетта бывала на спектакле. Дышала полной грудью, становясь частью эгрегора. Пуччини, Верди, Моцарт, Леонкавалло… По образу и подобию прежних времен Джульетта брала два билета. Чаще в ложу бенуар. Тяжелый обитый бордовым бархатом стул рядом оставался свободным. Биение туттама Бориса заглушало звуки оркестра и пение хора. Зато в антракте в пустой барочной шкатулке ложи туттам возникал вторым дыханием марафонца.

* * *

С течением новейшего времени, порой турбулентным, порой ламинарным, соотносительные масштабы Джульеттиных представлений сильно изменились, сместились и перемешались. Если лет тридцать назад некая Маргарет Т. представлялась Джульетте глыбой воли и интеллекта, то теперь ферзи на шахматке планетарных широт и долгот сильно измельчали. К примеру, некая Ангела М. служила всего лишь китчевой декорацией для неведомого волшебника страны Оз, в существовании которого Джулия вовсе не была убеждена. В ряду картонажно-бумажных коней и слонов был всего один пупс из плоти – копченый, медлительный (несмотря на худобу) и чуточку инфернальный Барак Хусейн. Впрочем, не успела Джулия и глазом моргнуть, его сменил более веселый и гораздо более страшный Дональд почти Дак, добрый и мудрый до глубины космически бездонного кармана. Желтая пакля на темени и гуттаперчевая гимнастика в Твиттере очень сближали этого моцного и непредсказуемого персонажа с зубастым рыжим клоуном из голливудского хоррора. (Но это гораздо позднее, практически под занавес дискурса.) Джульетта отчасти сочувствовала всем им. Очевидно, невероятно сложно доказывать свою весомость, приходясь всего-то одной семимиллиард-

* Эгрегор, от др.-греч. *ἐγρήγορος*, «бодрствующий», в оккультных и новых (нетрадиционных) религиозных движениях – «ментальный конденсат», порождаемый мыслями и эмоциями группы (общности) людей и обретающий самостоятельное бытие; душа вещи (реликвии).

ной дробью населения планеты. Наверное, поэтому для Джулии восхищаться людьми с каждым годом становилось все труднее. Правда, были счастливые исключения. Например, воин и сенатор американец Джон Маккейн.

* * *

Ночная, беспощадно исполосованная светотенью комната… Борис, сидящий на краю кровати, слушающий, слышащий, редко спрашивающий, еще реже возражающий… Призрачно-душные объятия, горячие и гармоничные приливы океана Джульеттиных гормонов. Мизансцена не менялась годами. Остальное, дневное и контрастное, трансформировалось ошеломляюще легко и непринужденно, как новостная лента Фейсбука. Когда это началось? В какой момент сработал пусковой механизм ускорителя, когда рука кого-то беспристрастного добавила в реактивы взрывного катализатора немного, всего несколько миллиграммов в тротиловом эквиваленте?

В ночь на 8 августа 2008 года после обстрелов грузинских сел со стороны непризнанной республики, а также более ранних провокаций против официальных властей, в Тбилиси анонсировали восстановление конституционного порядка в самопровозглашенной республике. В результате наступления грузинской армии последняя заняла большую часть Цхинвали – главного населенного пункта Южной Осетии.

Однако Кремль прогнозируемо не захотел мириться с поражением пророссийских сепаратистов, и ВС России непосредственно вмешались в этот внутренний конфликт. Российские государственные СМИ обвинили Грузию в целенаправленном обстреле Цхинвали, и 7 августа войска РФ начали перебрасываться в зону конфликта, перейдя в контратаку на следующий день.

Во время прямого сухопутного вторжения российской армии в страну танковые бригады россиян вошли за пределы непризнанного образования Южной Осетии, вклинившись в Кодорское ущелье. Кроме того, Россия подвергла бомбардировке грузинские города, военные базы и объекты гражданской инфраструктуры, а также задействовала свои военно-морские силы.

Морская пехота Черноморского флота заняла главный порт Грузии Поти и уничтожила на рейде все грузинские катера и корабли, которые имели военное обозначение, включая суда пограничников.

Из интернет-изданий

Напали… Как во времена скифов или монголов. Что за хрень?

Генетическая женская боязнь приближающейся, грозящей бытию и быту войны (любимой забавы мужчин) давала о себе знать. Тогда в Джульетте по-южнолетнему буйствовали пацифизм и конформизм, угодившие в капкан ее архаичных страхов и стремлений. Гигантский подсолнечник невроза расцвел и окреп. Психотерапевт однажды утром поняла, что ей срочно необходим совет психотерапевта. Однако первым вопросом более опытному коллеге был вопрос – не нападут ли на Украину, на Киев, Одессу – на дом? Паранойяльный, конечно, вопрос. Откуда, скажите на милость, ему знать? Он ведь не политолог и даже не президент. Глупо, инфантильно, депрессивно. Джульетте было немного стыдно, как в дни, проведенные под патронатом наставника-супервизора, когда ее перед началом самостоятельной практики подвергали психоанализу, сталкивая лицом к лицу с нелицеприятным из бессознательного пренатального* прошлого.

* * *

Первый инфаркт у Бориса случился вскоре после Оранжевой революции. Тогда, казалось, он никак не реагировал на апельсиновые протуберанцы в телевизоре. Не пел гимн в унисон с лидерами Майдана, держа руку на сердце, как это делала украдкой Джульетта. Но все же революция его изменила – добавила глуби-

* Пренатальное, или внутриутробное, развитие – это классический пример процесса созревания, в ходе которого в строго определенной и генетически закрепленной последовательности происходит превращение оплодотворенной яйцеклетки в новорожденного младенца. Период пренатального развития длится в среднем тридцать восемь недель.

ны морщин на лбу и укоризны в глазах. Джулия, охваченная беспокойством о его слабом сердце, спрашивала:

– Ну что такого? Ну не исключено, что будет у нас президент урка. Весело даже. Не вижу причин расстраиваться. Тем более после твоих афганских ранений тебе нельзя…

Борис хмурился, смотрел исподлобья:

– Урки должны сидеть на шконке, а не в президентском кресле. Расстраиваться мне нельзя… Разве во мне дело? Стыд и позор просто. Несолидно!

Когда в третьем туре выборов победил Ющ, Борис немного расслабился. А как только расслабился, на авансцену неуправляемым паяцем выскочил инфаркт.

В реанимации Борис шутил, что стал единственной жертвой самой бескровной революции. На этот раз действительно все прошло относительно бескровно, хотя с большим репутационным уроном – Ющ вскоре подписал Универсал**, а Бориса поставили на строжайший диспансерный учет.

Второй инфаркт, обширный и взбудораживший дремлющий до поры танатос***, настиг миокард Бориса в первые же сутки вторжения РФ в Грузию. Он прохрипел только:

– Новый Афган! – и упал без чувств.

Каждый раз, выходя из палаты интенсивной терапии, Джульетта думала о неровном вялом ритме его измученного сердца и ощущала сильную кинжальную боль в своей груди.

Джульетта всю жизнь побаивалась своих спонтанных синхроний и невольных пророчеств. И ассоциаций. А все, связанное с Михеилом С., как минимум настораживало. Начиная с восторженного кумовства с Ющем.

Михеил, крупный, дерганый, мятущийся, какими бывают своевольные, но зависимые люди, был частью магического купола Грузии, пока она оставалась целой. А было это до пятидневной

** Универсал – Универсал национального единства (Універсал національної єдності), политический документ, которым Виктор Ющенко внес на утверждение Верховной Рады кандидатуру Виктора Януковича на пост премьер-министра Украины.

*** Танатос – в греческой мифологии олицетворение смерти.

войны. Магия улетучилась через брешь непризнанных территорий. Купол сдулся, как воздушный шар. Сдулся и президент, почернел и подурнел. Стал еще более нервным, конфликтным и нелогичным. Таким же дезадаптированным и ожесточенным, как сарацин, он приедет губернаторствовать в Одессу. С планами Наполеона, вернее, с рекламой планов Наполеона. Но это будет гораздо позже и не возымеет никакого значения. Рефлексии Джульетты по поводу Михеила сведутся к сожалениям о не оправдавшихся упованиях. Ей будет бесконечно жаль…

* * *

– А евреи продолжают отсюда уезжать, – сетует Валька. – Тоже задумался…

– Ехали во все времена, и не только евреи. Миграция… Рыба – где глубже. Да ты не совсем еврей, насколько мне известно, – смеется Джулия.

– Бабушка была. Бабуля Эсфирь, – ностальгирует Алойчик.

– Хочешь уехать? На землю обетованную? А как же твои гешефты? «Седьмой километр», а тем более недвижимость с места не сдвинешь.

– Такой хреновой торговли еще никогда не было. И никогда не было так сложно сдать квартиру или магазин приличным людям. Никогда еще гетто так не разрастались.

– Никогда не говори «никогда»!

Спустя несколько курортных сезонов платонической любви к Джульетте Валька завел новую любовницу из рыночно-деловых девиц с биопротезами ресниц, ногтей и предположительно груди. Теперь Джульетта ездила на заднем сидении его внедорожника. Никто не возражал.

* * *

Джульетта долгие годы лелеяла маленький личный культ романа Жоржи Амаду «Тереза Батиста, уставшая воевать». Долгие годы она не отваживалась перечитать его, только изредка брала замусоленную «Иностранку», листала и ставила обратно

на полку между томиком Рильке и альбомом Лувра, где старой театральной программкой была заложена репродукция картины Теодора Жерико «Плот Медузы», еще одного маленького личного культа Джульетты.

Когда Борис умер, а она еще не успела привыкнуть к его ночным посещениям, пришлось перечитать всю домашнюю библиотеку от корки до корки. Последней наступила очередь «Терезы».

– Амаду написал эту книгу про меня, – сказала Джульетта Борису.

Он согласно кивнул.

По-прежнему весьма недурственно звучат хиты «Океана Эльзы». Если, конечно, не вслушиваться в слова. Потому что порой их сложно разобрать из-за небольшого дефекта дикции (не фикции!) фронтмена группы Славы В. Джульетте нравятся их саундтреки, но на концерты она не ходит. Предпочитает возврат к Цою, к «Битлам», к «Смокам» в конце концов. К тому же активность Славы В., в том числе и политическая, несколько ее обескураживает. Когда он, открытый и радостный, говорит на каких-нибудь телешоу, его невроз невозможно не заметить. Но люди любят артистов, будь то невротики или даже психопаты.

* * *

– Привез тебе сумку. Шикарную. Копия бренда «Луи Виттон», на секундочку, – осторожно говорит Валька, целуя Джулии руку.

– Какой батон? – смеется она. Она искренне рада его видеть. – Золотой, как у Яныка в Межигорье?

– Ну вот что ты прицепилась к одним джинсам! «Седьмой километр» нам на что? Съездим – все, что нужно, прикупим. Опять откажешься? Ты какая-то неправильная девушка, – упрекает он.

– Эх, Алойчик! Жить надо налегке – батоны обременяют. Особенно золотые.

– Что же ты живешь на книжном складе? Налегке… Легко сказать.

– Не на складе, а в библиотеке. Две большие разницы.

Мода быстро меняется или не меняется вовсе. Джулия уверена, что совсем скоро снова войдут в моду нелепые широченные плечи и копеечные пластмассовые клипсы из восьмидесятых. А малиновые пиджаки настоящих мужчин из девяностых, по сути, из моды никогда не выходили. Просто их перекрасили для мимикрии и нашили новые лейблы. С точки зрения невыносимой легкости бытия джинсы надежнее.

* * *

Аборигены обитаемого острова (не ведающие истинной ценности своих недр, меняющие золотые самородки на пестрые иностранные бирюльки) жили, сроднившись с тремором ожидания очередного неприродного катаклизма. Они выбирали вождей и шаманов в зависимости от интереса к ним телеканалов. А провинциальных наместников – от количества детских площадок, асфальтированных придомовых тротуаров и продуктовых наборов из гречки и макарон на душу населения. Видимо, это снижало уровень их тревожности, убаюкивало и дарило иллюзию безопасности. Аборигены не были виноваты, хотя комплексом вины страдали все без исключения.

Тем временем остров дрейфовал, швартуясь то к одной, то к другой цивилизации. Большинство населения даже не ощущало этого, как не ощущало череды измен на капитанском мостике и грабежа сусеков и твиндеков*, превратившегося в доходный бизнес элитных боц-команд.

Потом аборигенам сказали, что свободного дрейфа больше не будет. Пора, мол, определиться с выбором. И выбор этот – пологие кайнозойские берега ЕС. Великолепно! Аборигены одобрили выбор по умолчанию. И все сразу привыкли к нему. И стали ждать ассоциации, как манны.

Джульетте легкость выбора показалась подозрительной. Слишком все идеально складывалось. И твердолобому помазаннику, скачущему по пенькам, можно простить все на свете ради такого выбора? Да? Но так не бывает в нашей галактике.

* Твиндек – грузовые помещения в корпусе судна, межпалубное пространство внутри корпуса грузового судна.

Впрочем, Джульеттины сомнения разрешились в один миг, когда она узнала о местечке с архирадостным названием.

Всю неделю внимание украинских и даже зарубежных СМИ было приковано к событиям в райцентре Врадиевка Николаевской области. Когда двое милиционеров и местный егерь жестоко изнасиловали и избили до полусмерти 29-летнюю Ирину К., народ устроил настоящую революцию местного масштаба. Потому что достали: достал произвол «хозяев» в погонах, их безнаказанность, кумовство и стремление куражиться над простыми людьми.

Три дня двери райотдела милиции во Врадиевке были плотно заперты для «чужих» – милиционеры держали осаду. Теперь пройти можно только до «вертушки» – дальше путь преграждают вооруженные спецназовцы. Нарядами «Беркута» наводнен весь поселок.

В воскресенье, 30 июня 2013 года, когда весь поселок знал, кто и что сделал с Ириной, обвиняемый капитан милиции Д. расхаживал по улицам, покупал на базаре ягоды и с гостями жарил шашлыки. Это и стало искрой, вызвавшей взрыв народного гнева. Начались митинги, попытки штурмовать райотдел милиции, шум наконец-то дошел до Киева, и появилась надежда, что дело теперь не замнут. Осмелев от победы, люди в открытую рассказывали о том, как их били и унижали в милиции, как отказывались расследовать кражи и разбои, как облагали данью предпринимателей, как из невиновных делали преступников, а настоящих злодеев покрывали. На стол представителя МВД, прибывшего во Врадиевку, легло не менее 50 жалоб.

Из интернет-изданий

Итак, первое цунами протеста накрыло далекий от морского побережья поселок Врадиевку. Будто горячий гейзер прорвал земную твердь.

Джульетту охватило возбуждение такой пугающей силы, что она была вынуждена принять лошадиную дозу успокоительного на ночь. «Неужели началось?» – спрашивала она себя, засыпая. Не мудрено, что началось, ведь пружину нельзя сжимать до бесконечности. Напряжение не может копиться вечно.

Рано или поздно лопнет, выстрелит, взорвется. Глуп тот, кто этого не понимает.

* * *

Единственное, чего просила для себя Джульетта, – сохранности своего уютного узилища: старой квартиры, где слежались слои опыта на книжных полках, а затхлые запахи любви впитались в рыхлеющую мраморную крошку подоконников и дранку столетних стен. Если не будет этой квартиры, куда станет приходить Борис по ночам? Не почувствует пути. Упаси бог, разорвется связь туттамов. Затихнет шепот мятежного прибоя, и даже ледниковое молчание штиля исчезнет.

Она давно и необратимо укоренилась, проросла в старинный черный паркет. Жилистые корни держали крепко. Но Джулия притерпелась к этой маленькой несвободе.

В остальном все было воздушно. Отжимать у нее было нечего. Домушников она опасалась, исключительно поскольку брезговала инородными нарушителями правил гигиены жилищ. По примеру какого-то советского писателя она оставила в прихожей записку: «Дорогие воры! В доме ценностей и даже полуценностей нет. Нажитые непосильным трудом ювелирные изделия в полной мере умещаются на мне, потому вам не достанутся. А денежные оборотные средства в этой тумбочке, в полезной раритетной брошюре «Трезвость – норма жизни». Прошу похитить и убраться без шума и пыли. Мытье полов я не люблю и гостей терпеть не могу. Так что – аривидерчи! Выпейте водки за свободу и мое здоровье. Ваша Джульетта Михайловна».

– Ну что за свобода без путешествий? – возмущался Алойчик.

– Я читаю, – тихо возражала Джулия.

– Ничто так не расширяет кругозор, как путешествия! Всем известно. Ты что, телевизор не смотришь?

– Я читаю.

– Хоть бы в Анталию на недельку. Я вырвусь, когда скажешь. На солнышко, а? Сколько я могу предлагать? На золотом песочке и почитаешь, если так нужно.

– Я читаю на Ланжероне*.

– Тьху, заладила! Никогда у меня не было такой упрямой бабы! – хохотал Валька. – Но уважаю. Ты умная, стервь.

– Я читаю, – повторяла Джульетта без тени улыбки.

Свобода Алойчика глубоко скрывалась в его бабле. А бабло – в квартирах, офисах, в банк-ячейках, в азиатском товаре. Вся эта имущественная масса тревожила и тревожилась, жаждала преумножения, скрупулезного бухгалтерского учета и прогнозного финанализа. Кандалы бизнес-рутины обременяли хуже дюжины орущих детей. Получается, свобода скрывалась уж очень глубоко. Свобода Алойчику только снилась. Да и то редко. А зависимость прогрессировала. Тут Джулия ничем не могла помочь.

* * *

Ни перманентный непроизвольный ночной спиритизм, ни грустную шутку Джулии в духе Блаватской о том, что Борис есть один из бестелесных и бессмертных махатм, учителей человечества, – совершенно некому было оценить. Не рассказывать же об этом Вальке, озадаченному катастрофическим и неуклонным падением рынка в стране.

– Ты не ревнуешь меня к этому любезному парню Алойчику, родной? – беспокоилась Джульетта.

– Нет. Он никогда не найдет пути к твоему сердцу, мое солнце и звезды! – Борис тихо улыбался.

– Да брось! Почему это?

– В его голове только сладкая вата наживы. У вас здесь абсолютное несовпадение.

– Ты думаешь, Гоша другой?

– Гоша любил так, что нашел в себе силы тебя оставить.

– Теперь не любит. Разучился.

– Теперь и я разучился. Ревновать.

…У Джульетты, увы, никогда не получалось выплакаться наподобие других девушек в кризисах. Раненная, она надолго

* Ланжерон – пляж в Одессе.

замирала, как обессилевший одинокий путник в пустыне. И пески словно поглощали ее слезы.

После похорон по дороге с кладбища она чувствовала себя как никогда наполненной Борисом. Вот и наступило-де время расцвета ее андрогинной сути, дремавшей с той самой пятой внутриутробной недели*, сути, вложенной безоглядно и очень давно в возлюбленного. Теперь все вернулось в родной кариотип**, в инкунабулу. Тут уж точно не до слез, не до жалости. Держись, вдова, и не забывай дышать хотя бы через раз. Сопротивление бессмысленно. Да и сил на отпор себе самой почти не осталось. Такие дела…

Дома, в их старой квартире, куда она возвратилась с поминок, пахло болезнью Бориса, а значит, и Джульеттиной болезнью. Она распахнула студеные ноябрьские окна настежь, не раздеваясь. Затем, все еще не снимая пальто, спрятала подальше все его личные вещи. Кроме книг. Книги – общие, андрогинные. Или – ничьи.

Джулия подумала, что нечего цепляться за тотемы памяти о человеке, если он остается навечно в твоем нутре и, похоже, обещает быть в чем-то даже живее тебя. Но откуда ей было знать тогда о волнующей мгле грядущих ночных флюктуаций?

* * *

Между бунтом злосчастной Врадиевки и спонтанным отказом гаранта от ассоциации с Евросоюзом пронеслись тысячи чужих жизней. И одна из Джульеттиных. Всего за несколько месяцев.

К тому же невротизация доморощенного медиума (хотя медиумы не бывают другими), похоже, напрямую зависела от густеющей темпоральности*** бытия. И к ноябрьским студенческим протестам в центре столицы невроз достиг запредельности.

Джулия всегда плохо помнила даты. Но эта врезалась, вплавилась, въелась…

---

* На пятой пренатальной неделе определяется пол плода.

** Кариотип – совокупность признаков (число, размеры, форма и т. д.) полного набора хромосом, присущая клеткам данного биологического вида.

*** Темпоральность – разница между фактическим временем и его субъективным ощущением.

В ночь с 29 на 30 ноября 2013 года состоялся первый силовой разгон Евромайдана «Беркутом».

По версии следствия, которое проводила Генеральная прокуратура Украины, ночью на 30 ноября милиция потребовала освободить Майдан для того, чтобы подготовить его к празднованию Нового года. Участники протестов, находившиеся на площади, проигнорировали это требование.

Спецоперация, в которой было задействовано, по свидетельствам очевидцев, около 2000 бойцов «Беркута», переброшенных в Киев из различных регионов Украины, началась в 4 часа ночи. За час до этого на площади была заглушена мобильная связь. На площади в это время находилось около тысячи участников Евромайдана. Большинство из них подчинились требованиям покинуть площадь и вышли по коридорам, которые были им предоставлены, но человек двести остались на месте. По версии очевидцев и журналистов, на площади в этот момент находились в основном молодые люди – студенты вузов, по версии властей – провокаторы. В ходе силовой акции избиению сотрудниками «Беркута» подвергались даже девушки. Бойцы «Беркута» преследовали людей по Крещатику и прилегающим улицам вплоть до Михайловского собора, монахи которого открыли ворота и укрыли до двухсот окровавленных митингующих.

Депутат от партии «Батькивщина» Геннадий М., участвовавший в расследовании событий, которое проводила оппозиция, заявил в середине декабря, что задача по разгону палаточного городка была поставлена перед подразделениями «Беркута» из АР Крым, Полтавской, Черниговской, Сумской, Луганской областей и города Киева. Он также утверждал, что в ночь на 30 ноября беркутовцам выдали не резиновые дубинки, а пластиковые, гораздо более опасные.

Жестокие действия милиции спровоцировали перерастание небольших акций протеста в настоящую Революцию достоинства.

1 декабря около миллиона людей заняли майдан Незалежности. После этого конструкции, которые коммунальщики привезли для сооружения елки, манифестанты превратили в баррикады по периметру Майдана.

Из интернет-изданий

Беркутовцы на телеэкране не были похожи на птиц, скорее на поблескивающих хитином насекомых. Они били, валили дубинками на землю, не отпускали, догоняли и добивали. Сумеречная кровь студентов то и дело брызгала на зеркала забрал экзекуторов. Джульетта с ужасом подметила, что это был не разгон (при разгоне гонят прочь, чтобы духу не было), это была показательная порка, ритуальная и целеустремленная. Но об истинной цели лучше, пожалуй, никому никогда не узнать.

Снова был ноябрь, високосный по своей склочной природе.

* * *

Клиентка с генерализованным тревожным расстройством пожаловалась на беспокойство в связи с беспорядками на майдане Независимости в Киеве. Но сразу сделала оговорку, что ее несколько успокаивает абсолютная невозможность подобных происшествий в Одессе. Настоящие, мол, одесситы не позволят и не допустят! Виданное ли дело – загаживать родной город, и без того загаженный?

Джульетта, разумеется, не возражала, дабы не усугублять тревожность. Только лишь встревоженно подумала об опрометчивости безапелляционных суждений.

– Время быстрых перемен не подчиняется общеизвестной логике, ими руководит нечто иное, – сказал перед рассветом Борис. – Все что угодно может стать первым пузырьком в закипающем борще надвигающихся событий.

– Даже мой страх?

– Особенно страх. И отвага. И безрассудство. Они распространяются воздушно-капельным путем. Как чумка или эбола. А там – поди урезонь.

* * *

Ликующий ужас овладевал Джулией при виде колышущегося моря Майдана. Новогодняя пора приняла жовтоблакитную окраску. Континуумность и одновременная корпускулярность данной стихии не поддавалась осмыслению. Но антидепрессанты и ней-

ролептики в аптеках продавались круглосуточно, и дома имелся запас. С ними вполне можно было существовать – они сглаживали реальность и сводили ее к прозрачной броне телевизора.

– Трепет перед твоим появлением угасает. Не могу сказать, что довольна этим.

– Я здесь, с тобой. Об этом не волнуйся, моя Джульетта.

– А я все равно буду волноваться, буду! Вдруг ты не придешь однажды? И я останусь одна-одинешенька… Что я тогда стану делать?

– Совершенно ирреальный поворот ты спрогнозировала! Похоже, Майдан с его всеобъемлющей пляской святого Витта* действует.

– Думаешь, правильно то, что там происходит?

– А в чем состоит правильность или неправильность? Кому дано знать? Это происходит, и точка. Майдан не нуждается ни в чьих оценках или мнениях. Он есть, и есть всегда. Просто у него долгие сны. Сейчас он проснулся и жаждет черного и красного. Разве ты не видишь?

В новостных телепрограммах на всех каналах показывали происходящее на сцене Майдана. Там беспрерывно сменяли друг друга одни и те же лица и голоса. Чаще всего кулисы выталкивали оппозиционных политиков, до смерти напуганных революцией и достоинством, прибранных Майданом к народным рукам, и, невзирая на испуг, намеревающихся прибрать к рукам (которые, как водится, ничего не крали) Майдан.

Иногда Майдан выхаркивал на сцену кого-то случайного, запинающегося, простуженного и обнадеживающего.

Непосвященному или невнимательному наблюдателю могло показаться, что сцена, водруженная на майдане Независимости, – не только трибуна, но и маяк. Однако Борис был иного мнения.

– Не смотри на сцену, – велел он Джулии. – Смотри на лица в толпе. Их глаза – единственный индикатор и маяк.

– А как же Майдан?..

– Майдан… Долгий процесс. Нескончаемый. И никак нельзя его путать с шоу! Впрочем, show must go on.

* Пляска святого Витта – хорея.

– По-твоему получается, что сцена, на которую все молятся, не нужна?

– Отнюдь. Сцена – микроскоп. В него видны все политические продажности и зрады, все следы туфелек инфузорий. Но пока микроскопом забиваются гвозди.

– Тогда нужно смотреть в оба.

– Мало. Нужно видеть обоими.

* * *

Сотрудник Управления государственной охраны Украины Ризниченко раскрыл подробности бегства бывшего президента Януковича из страны в феврале 2014 года.

По словам Ризниченко, вечером 21 февраля 2014 года, спустя несколько часов после подписания соглашения с лидерами оппозиции об урегулировании политического кризиса, Янукович из своей резиденции в Межигорье вылетел вместе с охраной на двух вертолетах в неизвестном направлении.

Утром 22 февраля Янукович уже находился в Харькове, где должен был принимать участие в «съезде Партии регионов». «Но это мероприятие отменили, и после обеда Янукович кортежем выехал в аэропорт Харькова», – заявил Ризниченко. (Тогда же в Харькове состоялся съезд депутатов юго-восточных регионов Украины и Крыма, на который Янукович не явился.)

Оттуда президент, по словам Ризниченко, двумя вертолетами вылетел в неизвестном направлении. По пути экипажу было передано требование нового председателя Верховной Рады Александра Т. вернуться в Харьков, однако пилоты сообщили, что для этого не хватит горючего. Вертолеты сели в Донецке.

Там Янукович и его охранники сели в самолеты типа Falcon, однако не успели вылететь: представители государственной пограничной службы заявили, что вылет запрещен, потому что не оформлены соответствующие документы. После этого президента пересадили в машину и перевезли в особняк в Донецке, где он провел встречу с олигархом Ринатом А. Вечером отстраненный от власти глава государства и его охрана на автомобилях двинулись в сторону Крыма.

Возле города Бердянск в Запорожской области кортеж подъехал к сельскохозяйственному полю. «Осветили поле фарами, и буквально сразу на него сели три вертолета Ми-8. На фюзеляже была изображена красная звезда, а неизвестные пилоты были в спецснаряжении, без шевронов или нашивок. Думаю, что это были вертолеты Российской Федерации», – сказал Ризниченко.

Янукович и сопровождающие его люди отправились на вертолетах в Крым, сделав техническую остановку в Краснодарском крае. 23 февраля в Ялте Януковича встретили российские военные, затем его привезли на базу Черноморского флота России в Казачьей бухте.

Бывший охранник утверждает, что Янукович предложил охранникам улететь с ним, на это ответили согласием более десяти человек. Сам Ризниченко и несколько его коллег отказались, а утром 24 февраля он отправился в Киев. Последний раз он видел бывшего главу государства на плацу около Севастополя вечером 23 февраля.

Янукович был президентом Украины с 2010 по 2014 год. После смены власти в результате Евромайдана – массовых протестных акций в Киеве и других городах – он покинул страну. В отношении бывшего главы государства возбуждено несколько уголовных дел, его имущество на территории страны арестовано.

Из интернет-изданий

Шок от позорного и внезапного бегства гаранта держался неделю. Джульетта боролась с паническими атаками, сменяющимися апатией. Самоанализ показал, что причиной аффекта послужило не само бегство первого лица разболтавшейся страны, а какие-то давние инфантильные травмы пациентки.

Ночами Борис по большей части молчал, слушал и гладил ее по голове. Как мама. Правда, мама бросила это занятие сразу после рождения младшей сестры. Нельзя сказать, что маминой руки так уж не хватало Джулии. А вот потери руки Бориса она боялась со страшной силой.

* * *

20 февраля вернулся «из-под флага» незнакомый и родной Гоша (о нем столько было рассказано Алойчиком – теперь Джулия знала всю его незатейливую жизнь).

Он явился в офис к Джулии – загорелый и застенчивый. Она обняла его поспешно, усадила в любимое Валькино кресло, а сама вернулась к монитору и опять влипла в него всеми фибрами.

– На Майдане убитые! Снайперы стреляют! Уже больше двадцати смертей! – только и сказала.

Гоша ждал смиренно около часа, потом тихонько вышел.

– Сама не своя последнее время? – говорил он с Алойчиком по телефону. – Та я в коридоре… Забрать невозможно… Какой ресторан, ты чего? Я заикнулся, а она только шипит… Ну приезжай, может, у тебя получится…

Но отвлечь Джульетту от майданного стрима не получилось и у Алойчика.

Еще 16 февраля ничего не предвещало трагедии. Наоборот, при активном посредничестве стран Запада власть и оппозиция начали делать маленькие шаги навстречу друг другу. Так, майдановцы передали властям здание Киевской горадминистрации, а силовики сняли кордоны на Грушевского. Тогда многим казалось, что стороны близки к компромиссу, который рано или поздно будет достигнут.

Но уже 18 февраля все резко поменялось. В этот день должна была собраться Верховная Рада. Майдановцы рассчитывали, что она вернет Конституцию 2004 года (сузив полномочия президента). Видимо, для того, чтобы депутаты быстрее приняли это решение, к Раде потянулись колонны «самообороны», которые вскоре почти полностью заполонили правительственный квартал. Параллельно был захвачен и подожжен офис Партии регионов на улице Липской. В ходе пожара погиб один из его сотрудников.

В это время стало понятно, что в Раде никаких решений принято не будет, так как большая часть депутатов, опасаясь штурма парламента, его покинула.

Обстановка накалялась. Протестующие забрасывали силы МВД камнями, пытались прорваться к Раде. Позиционные бои продолжались примерно до 14:00. В это время силовики получили приказ очистить

правительственный квартал от майдановцев. Несколькими колоннами, обильно используя светошумовые гранаты и нещадно применяя дубинки, «Беркут» вместе с Внутренними войсками и титушками ударили по самообороне. Майдановцы после короткого сопротивления побежали вниз по Институтской. Аналогичный удар был нанесен по протестующим на Грушевского. С аналогичным результатом.

Уже ближе к вечеру территория под контролем протестующих сузилась собственно до Майдана и части Крещатика. К тому времени появились первые погибшие с обеих сторон (в том числе и от огнестрельных ранений). Руководители МВД, СБУ и Генпрокуратуры выступили с совместным ультиматумом к Майдану с требованием сложить оружие и разойтись. Все ждали окончательной зачистки.

Но вместо этого начались позиционные бои. «Беркут» и Внутренние войска заняли часть Майдана, а спецназ «Альфа» – Дом профсоюзов (который вскоре загорелся при непонятных обстоятельствах). Дальше продвинуться не удалось – протестующие подожгли шины, а приказа применять огнестрельное оружие, как потом утверждали силовики, они не получили.

Также 18 февраля на Западной Украине протестующие захватили здания правоохранительных органов, в том числе и склады с оружием.

На следующий день, 19 февраля, позиционное противостояние продолжилось.

Правда, в СМИ прошло сообщение, что СБУ объявило о проведении в Киеве антитеррористической операции. Однако вскоре оно было дезавуировано – мол, только началась подготовка к ней. К тому времени со стороны Януковича (с которым, как сообщалось, успели плотно пообщаться представители Запада) прозвучали заявления о необходимости нового перемирия. 20 февраля в Киев должны были прилететь главы МИД Германии, Франции и Польши, которые вместе с властью и оппозицией сели бы за один стол и договорились о некоем компромиссе.

Поздно вечером 19 февраля Янукович встретился с лидерами протеста – Яценюком, Тягнибоком и Кличко. Оппозиционеры, выйдя из Администрации президента, заверили, что штурма не будет.

Вновь забрезжила надежда, что все удастся закончить миром.

Тем неожиданнее стало произошедшее утром 20 февраля – стрельба на Институтской. Рано утром по позициям силовиков со стороны

позиций сторонников Майдана был открыт огонь из огнестрельного оружия. Появились убитые и раненые. Не имея при себе огнестрела, «Беркут» и Внутренние войска начали отступать, практически бежать, спасая свои жизни. Вслед за ними устремились майдановцы, продвигаясь вверх по Институтской в сторону Администрации президента. Именно тогда и началась плотная стрельба по наступавшим, которых буквально поливали огнем. Людей расстреливали методично, и железные, а тем более фанерные щиты, разумеется, не могли защитить их от пуль.

Всего за несколько часов погибло более 50 человек.

Уже на следующий день после бойни под нарастающим давлением Запада, шокированного массовой гибелью людей, Янукович подписал соглашение с оппозицией о проведении внеочередных выборов и возвращении к конституции 2004 года, которая лишает президента львиной доли полномочий. При этом сам Янукович оставался на своем посту, а очередные выборы должны были пройти осенью 2014 года. Правительственные войска выводились из центра Киева.

Это был компромисс, который, однако, не понравился Майдану. 21 февраля, выступая со сцены, сотник Парасюк заявил, что Майдан не приемлет никаких соглашений с Януковичем, и президент должен быть свергнут. После этого Янукович спешно покинул Киев. А 22 февраля Рада его отстранила от власти. О соглашениях 21 февраля к тому времени уже никто и не вспоминал.

…За эти дни, по данным Минздрава, были убиты 82 человека. Среди них 71 протестующий и 11 правоохранителей. Пострадало еще по меньшей мере 622 человека.

Из интернет-изданий

Убийственный день 20 февраля 2014 года закончился тяжелой бродячей ночью. Джулия шаталась по городу, не обращая внимания на стоны и просьбы сопровождавших ее Гоши и Вальки. Правда, часа в три она сжалилась и позволила отвезти себя домой. Прогулка оказалась изнуряющей, но целебной, – Джулия рухнула на диван и моментально отключилась.

* * *

Одесские митинги и вече бледненько копировали киевские. И европротесты, и антиевропротесты той зимы сгустились в двух эпицентрах – у памятника Дюку на Приморском и на Куликовом поле у Дома профсоюзов. Кстати сказать, глядя новости о пожаре в киевском Доме профсоюзов, Джульетта подумала об одесском в том же чрезвычайном ключе. И сама испугалась своего пророчества. Но об этом – позднее.

А пока Одесса разделилась на сторонников Майдана и его противников. У Дюка в основном кучковалась непримиримая молодежь, украиноговорящие, творческая интеллигенция и представители самого малого бизнеса. На Куликовом контингент был качественно другим, резко отличавшимся агрессивной религиозностью, совковой ностальгией и ватными бабушкиными шапочками.

Психотерапевту Джулии Михайловне разобраться в собственных мыслях и эмоциях было так же трудно, как Юльке-школьнице заполнить контурные карты по истории и географии в средней школе. Разложить бы страхи и желания по ячейкам этой колоды. И обвести границы с соответственным нажимом, чтобы не вырвались из бессознательного и не мешали жить. А остались бы для следующих или параллельных вариантов существования.

Борис приходил реже, но всякий раз оставался до утра и говорил, не дожидаясь вопросов:

– Это война, душа моя. Любая революция – лишь ее разновидность или этап. Я видел войну, я знаю. Она питается трусостью, безволием, глупой верой, упрямством, невежеством, заблуждениями. А еще – доблестью и бесстрашием. Война всеядна, да будет тебе известно. Люди зажаты между шимозой* и шизой. А в затылок дышит война. Она ценит людей даже больше, чем сокровища. Нищие, втоптанные в грязь сокровища. Убитые на Майдане бунтари, поверившие в неправильных богов, не стерпевшие оскорбления, не отринувшие гордыню и достоинство, – для нее, для войны, всего лишь потерянные на дороге медяки. В любом случае народ – проигравший победитель. У нас здесь, как в общежитии без коменданта: все либо ненавидят, либо

* Шимоза – вид взрывчатки.

равнодушны друг к другу, а кто сбегàет прочь – предатель, которого не в чем упрекнуть. А эрогенная зона у всех – карман. И любим, только когда нет выбора. Выбор… Выбор нации… Что это такое? Все в конечном итоге упирается в выбор отдельного человека или чертовой уймы отдельных людей. Представь себе – мы близки к благородной победе. И вдруг – хлоп! – кто-то выбирает жизнь, покой, добробут. Потом другой, третий, десятый, сотый… И все идет прахом! Присмотрись – и увидишь: все теребят свой карман – для удовольствия, убедив себя, что ради дела. Да, их не в чем упрекнуть. Им нравится шелковая пижама и аромат утреннего кофе, только и всего.

* * *

Весна не могла не радовать. Но в театр Джульетта ходить перестала – как отрезало. Борис не возражал.

Протесты и протестующие преобразились и переместились. Хорея революции крепчала, локализуясь на востоке, вспыхивая и взрываясь поочередно в Харькове, в Донецке, Луганске. Майдан побеждал в столице, на периферии поднимал голову Антимайдан. У веселых ребят, водружающих там триколоры, был врожденный московский говорок.

К тому же март 2014-го заставил Джулию припомнить былое. Джульетта никогда не ездила в Крым. Ни сама, ни с Борисом. Бывала лишь в детстве с родителями. Запомнила картинки Ласточкина гнезда и Бахчисарая, гирлянды из синего лука на базаре, неестественную колючую русскость Севастополя, удушье Панорамы* и неутолимую жажду – жестоко хотелось пить и домой.

Давнишние и свежие рассуждения прессы о пребывании Черноморского флота РФ в Крыму не формировали у Джулии устойчивого мнения. Между тем она недоумевала, какие могут быть арендные отношения по поводу украинской земли и моря для военных целей. Борис же бывал чрезвычайно возмущен наглостью арендаторов. Когда Джульетта думала так же, ей казалось, что она просто транслирует его мысли.

* Севастопольская панорама – панорама «Оборона Севастополя» – музей-панорама, посвященный первой обороне Севастополя в Крымской войне 1853-1856 гг.

Все их разговоры касательно данного предмета выплыли из лабиринтов гиппокампа** с появлением людей цвета хаки на полуострове.

Джулия смотрела в ненавистный экран телека и не верила глазам. Снова насекомые, только другого вида. Еще более откормленные. Предположительно – каннибалы. С довольными широченными ртами и подслеповатым щекастым прищуром.

Репортажи оттуда поначалу оставались на втором плане. Вести со всех румбов прилетали с такой частотой, что самым нормальным было привыкать. Привыкали. Джулия в том числе.

Зато аннексия грянула громом, от которого не спрячешься. Такое привычкой было не одолеть.

Действия северного соседа напоминали ограбление во время похорон. Пока Украина оплакивала убитых протестующих, Кремль без сомнения начал воплощать в жизнь подлую кражу Крыма. Именно воплощать, подготовка длилась уже давно. Путин только выжидал подходящий момент.

18-21 февраля 2014 года стали последними днями Евромайдана, последними днями Януковича и К° у власти и последними днями украинского Крыма.

Из интернет-изданий

* * *

Не так давно Джулия все же приняла от Алойчика презент. От традиционного китайского платья ципао она не в силах была отказаться. Оно было шелковым, прекрасным и черным. С элегантной стойкой как раз для высокой шеи. И удачно скрадывало несколько располневшие Джульеттины бедра. К нему подходили любые украшения, даже их отсутствие. Но самым большим его преимуществом было то, что в самые трудные дни, когда накатывала волна депрессии и было

** Гиппокамп – часть лимбической системы головного мозга. Участвует в механизмах формирования эмоций, консолидации памяти.

совсем не до создания образа, платье оказывалось под руками. Любило оно хозяйку, и всё.

– Теперь она всю дорогу в этом платье, – ворчал Алойчик. – Нет, мне, конечно, приятно. Мой подарок и все такое. И вообще хорошее платье…

– Подарю ей тоже что-нибудь, – нерешительно решал Гоша.

– Что? А возьмет? Наивный.

Гоша пожимал плечами и сникал.

Он частенько навещал Джулию в обеденный перерыв. Они шли в кафетерий офисного центра и сидели, почти не разговаривая. Потому что говорить было не о чем. Не расспрашивать же о личном. Впрочем, все главное было давно известно. Джульетта испытывала чувство вины и неловкость за неустроенность Гоши. Словно не было тридцати прошедших врозь лет.

– Хороший Гоша, но какой-то несчастливый, – рассказывал ей Валька. – Мать работала с ним на «Нахимове»* официанткой. И тонули, и выплывали вместе. Потом, когда ты его турнула, он к нам и прибился. Ходил, ходил, дружил, да так и остался. Только надо знать мою матушку – одним словом, стервь, каких не видно. И не потому что старше его. Просто характер – любого за пояс заткнет.

– Заткнула… – сожалела Джульетта.

– Выжала его, как лимон, и бросила, когда пожирнее баклан подвернулся. К нему укатила.

– А Гоша знает?

– Да знает… Пожалела бы ты его.

Джульетта жалела, ходила с ним пить кофе. Если бы пригласил еще куда-нибудь, пошла бы непременно. Но он не приглашал. Сидел, смотрел и тихонько вздыхал. И вот однажды весной отважился:

– Я тут на Куликовом поле случайно был. Проходил мимо както… Может, прогуляемся туда, в палаточный городок. Люди дело говорят.

---

* «Адмирал Нахимов» – советский пассажирский пароход. В течение 29 лет совершал круизные рейсы по Крымско-Кавказской линии. 31 августа 1986 года в 23 часа 20 минут потерпел крушение в 15 км от Новороссийска и 4 км от берега. Погибли 423 из 1234 человек.

– Что, по-твоему, дело? Одесская народная республика, которую там требуют провозгласить? На какую голову это налезет? – Джульетта почувствовала, как кровь прихлынула к лицу. – Не ходи туда! Что-то подсказывает мне – плохо закончится.

– Хорошо, не пойду. Не волнуйся так. Я просто из любопытства… Мне все равно скоро в рейс.

Но в море Гоша больше не вышел.

* * *

Весна крепчала. Приближались маевки. Приближался большой футбол в Одессе.

Джулия терпеть не могла футбол. Игра казалась напрочь лишенной смысла. Кроме того, ее пугал фанатизм некоторых болельщиков. Но если бы дело было в одном футболе! Сторонники русского мира тоже проявляли недюжинный фанатизм.

Короче, солнечный день 2 мая стал днем фанатиков. Правда, среди них затесалось достаточно провокаторов, местечковых патриотов и просто прохожих. Но – все по порядку.

Ближе к полудню Джульетте позвонил Валька – велел отправляться домой и не высовываться.

– Я дома, как всегда в выходной день. Где Гоша? – спросила она.

– Где, где… На Куликовом наш активист, чтоб его раздавило! – выпалил в сердцах Алойчик. – Не смог я его удержать. Сказал, что не должен оставлять каких-то ребят. В центре беспорядки, противостояния, бардак и неразбериха. Оружия полно и коктейлей Молотова. Как бы стрелять не начали.

Джулия обомлела.

2 мая 2014 года в 15:00 сторонники Евромайдана совместно с болельщиками футбольных клубов «Черноморец» и «Металлист» планировали организовать марш «За единство Украины», для чего собрались в центре города на Соборной площади.

…В 16:10 появилась первая жертва: пулей в живот был смертельно ранен десятник «Правого сектора» Игорь И. (от полученного ранения он умер в больнице). Спустя несколько минут (16:21) пулей в легкое убит

самооборонец Андрей Б. (он скончался на углу ул. Дерибасовской и Преображенской до приезда «скорой»).

Появились жертвы от огнестрельных ранений и среди антимайдановцев.

Вечером в Доме профсоюзов на Куликовом поле (где постоянно располагался палаточный городок и штаб Антимайдана) вспыхнул пожар.

Всего на 14 мая 2014 года подтверждено 48 смертей в результате столкновений на Греческой улице (тут погибло шестеро) и на Куликовом поле.

Из интернет-изданий

Гоша выпрыгнул из окна, спасаясь от огня, и разбился. В реанимации он лишь однажды пришел в себя, да и то ненадолго. Джулия была рядом.

– У Алойчика ключ от моей ячейки. Там деньги. Подели поровну. Тебе и моей дочке. Обещаешь?

Она всплакнула, но обещала.

Они с Валькой сдавали кровь несколько раз. Для Гоши. Больше не успели. Его сердце остановилось на третьи сутки.

Валька Алойчик взахлеб рыдал, звонил матери, матерился в телефон. Джулия ласково похлопывала его по плечу, целовала в лоб, отпаивала корвалолом, вытирала слезы и нос салфеткой. Так было легче. К тому же вытирать ее слезы все равно было некому.

* * *

А в июне Алойчик скоропостижно женился. Джульетта была приглашена на бракосочетание, но не пошла. Сочла неприличным появиться на торжестве в черном платье ципао. Потом долго мучилась угрызениями совести.

– Прости, что не пришла, – наконец решилась она на звонок.

– Не бери в голову, Михална. Не стоит того, – обрадовался Валька.

– Совет да любовь…

– Какая любовь, я тебя умоляю. Это так, шоб не быть одному. Сына хочу, наследника. Не хочу, как Гоша… Да и ты вся одинокая…

– Я не одинокая, – отрезала она.

С тех пор ничто не могло отвлечь ее от Бориса. Он приходил, ложился рядом с Джульеттой, обнимал невесомо и крепко. И она обретала покой.

– Гоши больше нет.

– Его давно нет, ты разве не заметила? В любом случае мне жаль.

– Он просто запутался, заигрался. А я прозевала. Нет мне прощения!

– Не ругай себя. Ты и сама запуталась. Немудрено.

– Что теперь с нами будет?

– Война, я же тебе говорил. Война всегда случается, когда гребаная геополитика берется за обывателя.

– Кому война нужна?

– Многим. Тем, кто вцепился во власть. И находится всецело в ее власти. Имя им – легион. Легион обрекающих и обреченных. Синдром cupiditas – смертельная болезнь, когда черная дыра в человеке столь глубока, что ее не могут заполнить никакие деньги, никакие ценности, сколько ни бросай. А бросать приходится, поелику дыра алчет. Все, что существует за границами дыры, ценно лишь при возможности немедленного поглощения. Мгновение ужаса и наслаждения следует за ним. Затем черная дыра алчет вновь, и пуще прежнего. И так до бесконечности.

– Страшно…

– Не стоит бояться чужих черных дыр. Только своих, только своих!

* * *

Джулия никогда не была на Майдане. Но ее ноги узнавали его булыжники или раны, откуда булыжники вырвали. Раны болели и кровоточили при каждом шаге.

Они брели по Майдану с Борисом почитай каждую ночь, в самый темный предрассветный час, преодолевая ярд за ярдом. Им нужно было дойти.

Борис держал ее за плечи во время душных панических атак, настигающих в толпе широких спин и затылков протестующих. Она чувствовала сквозь зыбкий сон напряжение каждого их мускула, силу их охрипших горл, возбуждение их натянутых ганглий.

Она боялась снайперского выстрела в шею. Потому что пластмассовая каска и фанерные доспехи дарили слишком иллюзорную неуязвимость стопудовой головы и сдавленной груди. И она боялась за тоненько пульсирующую сонную артерию, куда ненароком может попасть пуля. Как попала девочке-фельдшеру из вчерашнего репортажа. Чем она лучше этой истекающей черно-красной кровью девочки? Джульетта тоже фельдшер…

Атака стихала, но мысли еще путались. Впрочем, чего можно ожидать от мыслей во сне? Борис вел ее за собой. Пред ним расступались ссутулившиеся спины. Он шагал уверенно, она семенила за ним. Задыхалась от темпа или от страха. Туттамы громыхали в утробах казачьих барабанов. Или сразу во всех головах.

Край Майдана был скрыт камуфляжем, балаклавами, пламенем Молотова, сажей покрышек. До края Майдана было далеко. Невыразимо далеко.

– Переведи меня… Переведи… – бормотала Джульетта сквозь сон.

Евгений Деменок

Экспрессионист

– Он был чудаком. Гениальным чудаком. Одним из тех чудаков, чья судьба интересует многих, но никто не желал бы ее повторить.

Родители назвали его библейским именем Давид. Хотя, даже не зная его имени, любому было сразу же понятно, что он принадлежит к библейскому народу, который, будучи изгнанным из дому, расселился чуть ли не по всей земле. Нашему городу повезло – в лучшие годы евреев тут была добрая треть.

Соломон Львович снял с носа очки, протер их и без того кристально чистые стекла и снова водрузил их на нос.

– Дедушка, ты уже тридцать лет живешь в Вене, но до сих пор называешь Одессу «нашим городом».

– А как иначе? Ты прочитал, кстати, слова Жаботинского об Одессе, которые я прислал тебе год назад, как раз в конце декабря?

Соломон Львович с улыбкой посмотрел на смутившегося Леона.

– Можешь не отвечать. Надеюсь, хотя бы к моему возрасту прочтешь. И не забудь – на языке оригинала!

Он завел эту традицию десять лет назад – собирать у себя в конце года всю семью, детей и внуков. Тогда ему было шестьдесят. За это время количество внуков прибавилось, более того – появился первый правнук. И вот сегодня – *фулл-хаус*. Они с женой, трое детей, пятеро внуков и правнук.

– Папа, скажи, как ты мог выбрать для жизни Вену? Ты, который с утра до вечера рассказывает об одесском море и солнце?

Приехавший из Неаполя старший сын Илья не слишком сильно рисковал – именно он привез родителям правнука.

– Вы же все знаете сами – в восьмидесятые Вена была одной из главных остановок на пути из Союза. Подавляющее большинство евреев тогда уехало дальше, а я застрял. Застрял в паутине искусства.

– Да уж, застрял основательно.

Мила, средняя дочь, кивнула головой в сторону тянущейся в обе стороны от отцовского кабинета анфилады комнат, все стены которых были от пола до потолка увешаны живописью. В дальних комнатах картинами были битком забиты стеллажи. Соломон Львович с женой Розой и жили тут, на втором этаже, прямо над своей галереей, в нескольких комнатах, которые Роза смогла с боями освободить от картин.

Соломон Тульчинский стал за эти тридцать лет одним из крупнейших венских торговцев искусством. Немецких, австрийских, чешских, венгерских художников он знал так хорошо, словно родился и вырос тут, в австрийской столице, причем вырос в семье потомственных торговцев живописью и антиквариатом. Слушая его немецкий, сложно было догадаться, что школьные годы он провел на Молдаванке, возле станции Одесса-Товарная. Выдавало его лишь то, что стены его кабинета были увешаны работами исключительно одесских художников.

– Папа, не слушай их, продолжай.

Леня, младший сын, прилетевший к отцу из Нью-Йорка, давно уже просил его рассказать о художнике, чьи экспрессивные и порой слишком эротичные работы с крупными подписями, сделанными рукой ребенка, занимали у отца целую стену. У него был свой мотив – своего сына он тоже назвал Давидом.

И вот наконец папа созрел.

– Вы же знаете, что мы с братом всю свою жизнь занимаемся поисками талантов, недооцененных мастеров и незамеченных работ, у которых есть потенциал. Открыть талантливого художника – огромное счастье, такое случается лишь раз или два в жизни. Для этого должно совпасть слишком много факторов. Давида Тихолуза открыл, увы, не я. Его открыл мой давний одесский друг Славик, галерист и коллекционер. Но я приложил руку к тому,

чтобы Тихолуз стал известным. Хотя продлилась эта известность совсем недолго.

Родителей его никто не видел. Судя по всему, они умерли довольно рано, когда он был еще юношей. Воспитывали Давида дядя с тетей. Дядю звали Зелик Блувберг, и он был художником. Именно от дяди к Давиду пришла та искра, то желание рисовать, которое стало в его жизни главным. Давид восхищался дядиным творчеством, хотя на самом деле Блувберг был весьма скромным графиком, не добившимся никаких значимых результатов, – у него даже не получилось стать членом Союза художников. И все же дядя спас племянника дважды: в первый раз, дав ему профессию, а во второй – позволив хоть как-то выжить в девяностых. Именно за дядиными работами приходили поначалу в ужасную квартиру Давида перекупщики. Сотни отсыревших листов лежали в ней повсюду. Собственные работы Давида тогда никого не интересовали.

– Ой, папа, расскажи об ужасной квартире! – воскликнула *Мила*.

– Дойдет и до нее очередь, потерпи немного. Хотя о том, как выглядели родители, можно было составить себе представление. По крайней мере я видел однажды в руках Давида портрет его отца – крупная голова в профиль, белая рубашка, галстук. Типичный одесский инженер. Давид говорил, что жили они недалеко от художественного музея. Возможно, отец немного стеснялся выходить с сыном на люди, но в конце концов его поведение не выходило за пределы нормы, а для родителей их ребенок всегда самый лучший.

С помощью таланта и дядиных связей Давид смог поступить в Одесское художественное училище, которое так и не окончил. О годах его учебы сейчас ходят легенды – вроде бы он учился там семь лет, из них четыре – на первом курсе, откуда его постоянно отчисляли и куда вновь принимали. То, что он не от мира сего, бросалось в глаза сразу, и хотя в среде художников это выглядело естественнее, чем в среде, например, инженеров или экономистов, но все же и там это было немного слишком. Рассказывают, что от кабинета к кабинету Давид ходил медленно, чуть ли не прижимаясь к стене, чтобы никому не мешать, и избегал любых разговоров. Полнейший социопат. Но на самих занятиях

часто менялся – прилив вдохновения меняет поведение. В конце концов его выгнали окончательно и бесповоротно – после того, как он написал постановочный портрет всего тремя красками, синей, зеленой и красной.

Внезапно прозвенел *звонок*. Все вздрогнули.

– Это Сема. Явился – не запылился, – улыбнулся Соломон.

– Я открою, папа. Сиди, – поспешил сказать Илья.

Пока он спускался из *хранилища* в галерею на лифте, вся семья сгрудилась у окна, из которого виднелся Штефансдом. Стоявшие у входа Семен с женой, словно почувствовав, подняли головы вверх и помахали им.

Через минуту они уже были в кабинете Соломона. Семен был младше брата на семь лет, и в кругу венских арт-дилеров, *Kunsthändler*, об их с женой Кирой стильных нарядах ходили легенды. Вот и сейчас Семен пришел в каком-то невообразимом цилиндре и с новой тростью в руках. Он словно пытался стать персонажем одного из многочисленных портретов венских буржуа начала девятнадцатого века, которыми была завалена его Галерея старых мастеров.

Увлечение брата одесскими художниками он не разделял.

– Ты так и не снял со стен своего Тихолуза? – быстро оглядев кабинет брата, насмешливо спросил Семен. – Или по-прежнему надеешься продать его кому-то как Сутина?

– Для этого придется очень постараться. Давид подписывал свои работы со всех сторон. Разве что ты мне поможешь, – с усмешкой парировал Соломон.

– Сема и Шлема, – вдруг отчетливо произнесла Милена. Четырехлетняя дочка Милы была голубоглазой блондинкой, жила с родителями в Вене и была всеобщей любимицей.

Мила покраснела, но все расхохотались. Любивших взаимные перепалки братьев так называли частенько, и они об этом прекрасно знали.

– Дядя Семен, папа как раз рассказывает о Тихолузе, – сказал Леня.

– Ну что ж, любопытно будет послушать. Со мной он делиться не любит.

Жена укоризненно взглянула на Семена.

– Молчу, молчу.

– Вот именно. Слушай молча, – сказал Соломон. – Так на чем я остановился?

– На том, что Тихолуза выгнали из училища, – сказала Мила.

– Да-да, точно. Где, как, на что он жил в восьмидесятые и девяностые – совершенная тайна. Говорят, он подолгу лежал в психбольнице. Говорят еще, что одно время дружил с Кирой Муратовой и ее мужем Евгением Голубенко и регулярно у них столовался, пока Голубенко не выгнал его из дома – якобы Давид начал неровно дышать к Кире Георгиевне. Я не удивлюсь, если он делал какие-то бестактные предложения – сексуальность в нем всегда била через край, но сочеталась она с дичайшей социопатией. Жил Давид одиноко, в совершенной нищете и в таких ужасных условиях, которые даже на Молдаванке редко найдешь.

– Папа, ты обещал рассказать о его квартире, – напомнила Мила.

– Ладно. Я приехал нему в 2008 году, почти сразу после того, как его «открыли». Жил он на Заньковецкой, совсем недалеко от нашего бывшего дома, в крепком дворовом флигеле на первом этаже. За дверью, оббитой ужасно засаленным рваным дерматином, мне открылось царство даже не чудака, а сумасшедшего. Между редкими оставшимися на полу досками проглядывала земля. На веревках в узком коридоре висели гроздья дурно пахнущей старой одежды. Крошечная кухня, соседствовавшая с туалетом, была грязной до невозможности, при этом на стенах висело множество порнографических фотографий, собранных, вероятно, в течение нескольких десятилетий. В двух комнатах царил полумрак – свет почти не пробивался сквозь давно не мытые окна. А главное – по всей квартире был разлит удушающий смрад, вызванный невероятной сыростью. Обоев на стенах давно не было, от них остались лишь зеленоватые разводы. Повсюду были навалены отсыревшие книги, рисунки, листы печатной графики, доставшиеся от дяди. И картонки, холстики – работы уже самого Давида. Так как единственный круглый стол был полностью завален книгами, рисовал Давид у окна на узком подоконнике – днем туда едва пробивался скупой свет. Единственной свисавшей с потолка голой лампочки ему было явно недостаточно.

– Впечатляет. Но ты же любишь такое, – покачивая носком начищенной туфли, насмешливо сказал Семен.

– Сема, не придуривайся. Вспомни, где ты вырос.

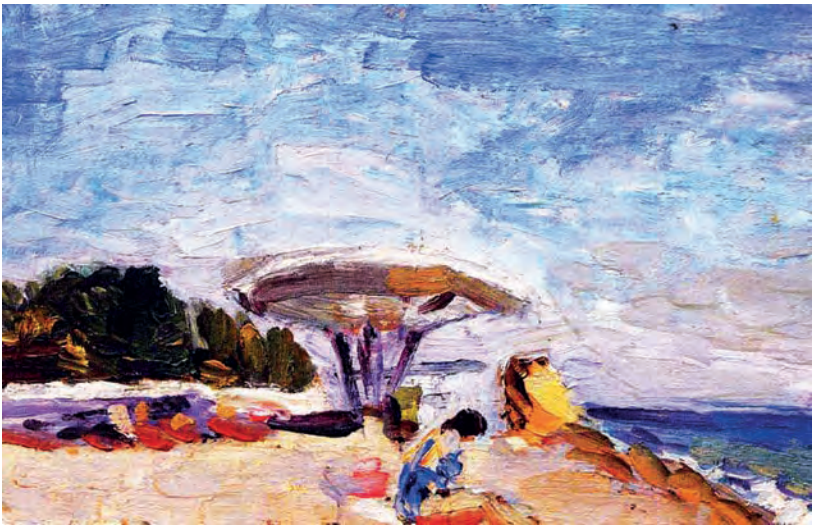
– Дядя Семен, пожалуйста, позвольте папе рассказать. Второго шанса услышать эту историю может не быть, – сказал Леня.

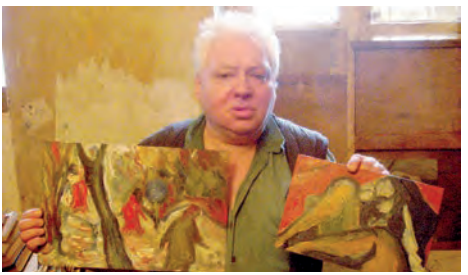
– Хорошо. Молчу.

– При этом любой, кто брал в руки его работы, сразу понимал, что имеет дело с талантом. Энергия просто била с этих отсыревших картонов. Естественно, ни в каких выставках Давид не участвовал. Естественно, он о них мечтал. Он рассказывал о том, что иногда выставлял свои работы дома на полу вдоль стены, и ясными ночами их освещала луна. Он называл это лунным вернисажем.

Открыли его совершенно случайно. Ангел явился ему в виде Алены, спивающейся торговки со Староконного рынка. В тот день она случайно оказалась в Городском саду, где художники иногда продавали свои работы. Начался дождь, и ничего, как обычно, не продавший Давид уныло поплелся восвояси. Одна из работ выпала из папки прямо в лужу, но он этого не заметил. Алена где-то слышала о том, что искусство – это ценность, и на живописи можно заработать. Она подняла картонку, догнала Давида и предложила ее купить. Тот был поражен до глубины души. С тех пор она стала ходить к нему домой, покупать за гроши живопись и рисунки и продавать их с небольшой (ей она, наверное, казалась огромной) наценкой.

У моего приятеля Славика был на Староконном свой человек, «бегунок» по имени Саша, который выискивал там спрятанные сокровища. Одесса, конечно, не Вена, но все же и там никто никогда не знал, какой шедевр могут вынести на продажу родственники умершего художника или новые владельцы расселяемых коммунальных квартир, в которых десятилетиями накапливались кем-то когда-то любимые вещи. Произошло неизбежное – Саша увидел Алену и работы Тихолуза, которые она раскладывала на старой клеенке, расстеленной прямо на асфальте. Работы эти произвели на видавшего виды Сашу такое впечатление, что он в невероятном возбуждении позвонил Славику и сказал, что тот должен увидеть все сам. Славик увидел, остолбенел и купил все, что было у Алены в тот раз.





Семен, а следом за ним и все присутствующие в комнате, за исключением лежавшего в коляске правнука, невольно посмотрели на стены. С многочисленных картонов и холстиков на них смотрели изображенные в невероятных эксцентричных позах обнаженные женщины, фигуристки и гимнастки, фантастически грудастые снежные бабы с ярко-красными сосками, ярко-красные же сочащиеся арбузы, штормовое море, двухэтажные дома Молдаванки, портреты стариков и множество автопортретов.

– Да уж, экспрессионист чистейшей воды. Это не Коровенко. Но и не Сутин, конечно, – произнес Семен.

– Ты даже знаешь фамилию Коровенко? – спросил с иронией Соломон.

– Да так, изредка интересуюсь на досуге.

– Да, это не бесконечная серия портретов дворян в костюмах восемнадцатого века, которые годами создавал прятавшийся от публики Василий Коровенко. И не радостная, наивная в лучшем смысле слова живопись Евгении Ганичевой, писавшей на обороте своих работ фразу «Спешите делать добро». В лучших своих образцах живопись Тихолуза полна экспрессии и животной страсти. И да, это не Сутин. Но Сутин, Сема, не был сумасшедшим. Во всей истории с Тихолузом есть одна вещь, которую я ценю больше всего.

– Какая же?

– Скажу позже.

– Ладно. Так что там было дальше?

– Работы Тихолуза заметил не только Славик. Их начали покупать коллекционеры и перекупщики. Слухи о нем дошли и до директора музея современного искусства. Тот приехал к нему домой и был потрясен до глубины души всем – и условиями жизни, и талантом художника. Он предложил Тихолузу бесплатно снабжать его красками и холстами и обещал выкупать все, что тот нарисует. Так в квартире Давида появился первый мольберт. Попал к нему домой и Славик, просто вынудивший своего «бегунка» дать ему адрес. Впечатление, то есть потрясение, было таким же. Получив первые деньги, Давид тут же обзавелся подругой. Когда я пришел к нему впервые, она голой по пояс лежала на грязном матраце, постеленном прямо на полу, и читала книгу, не обращая на меня ни малейшего внимания. Давид сказал тогда, что зовут

ее Ольга, по образованию она филолог и обожает Мандельштама. Сам он часто принимал гостей в плавках. Но ты же знаешь – тех, кто часто общается с художниками, трудно удивить.

Соломон сделал паузу и *вновь* с улыбкой посмотрел на брата:

– Хотя… Тех, кто общается с живыми художниками. Ты этого не любишь.

– Соломон, это уже слишком, – в голосе Киры зазвучала обида.

– Тетя Кира, не обращайте внимания, – сказал Мила. – Папа, так что было дальше?

– В пятьдесят четыре года на Давида обрушилась слава. К славе вообще мало кто готов, а уж тем более человек такой душевной организации. Две его персональных выставки одна за другой открылись в декабре 2008-го во Всемирном клубе одесситов и в Музее западного и восточного искусства. Первые в жизни выставки. Обе организовал Славик, купивший к тому моменту добрую сотню его работ. Перед открытием он волновался, не понимая, как Давид будет себя вести. На удивление, тот чувствовал себя совершенно уверенно, рассказывая на телекамеры об учебе в художественном училище и своих художественных предпочтениях. Видно было, что он ошеломлен свалившимся на него счастьем. Славик рассказывал, что, когда Давид догадался о том, что именно он устроил эти выставки, то долго благодарил, говорил, что никогда не представлял, что его картины могут висеть в музее, да еще и в таких рамах. Для одесской публики Тихолуз стал совершенным открытием. Поражало все, но в первую очередь контраст между силой живописи и образом художника – его детскостью и наивностью. Каждая работа была подписана по нескольку раз, снаружи и на обороте. Детским почерком, крупными буквами. Чаще всего так: «Давид Тихолуз. Одессит, художник, еврей». Но часто можно было увидеть и более подробные подписи. Например вот.

Соломон поднялся, снял со стены небольшой портрет, перевернул его и начал читать: «Портрет моей тети Хавуси. Это портрет моей родной любимой тети Хавы Кисилевны Оксман, сестры моей матери и большой любительницы кошек, очень способной и умной женщины, рассказывавшей мне маленькому сказки «Про мыша». Автор «Портрета старушки» – Давид Наумович Тихолуз. Одесса, 1975 год».

– Или вот.

Соломон взял в руки небольшой пейзаж. Одесские крыши, кроны деревьев. Серое, серебряное, зеленое.

– Он называется «От души – душе». Послушайте:

«Писал пейзаж Давид Наумович Тихолуз в 17 лет в Одессе, в переулке Сеченова (бывшем Рождественском, номер девять, квартира шестнадцать).

Подписал Давид Тихолуз в двадцать шесть с половиной лет, год рождения тысяча девятьсот пятьдесят четвертый, одиннадцатого декабря.

Этот пейзаж призван. Теперь, когда после девяти лет лежания за шкафом, как безумный пейзаж, теперь, когда в двадцать шесть с половиной лет отроду я вновь вешаю его на стену, он призван напомнить мне, что тогда, в семнадцать лет, я был хорошим человеком! И не таким, как теперь.

В этом пейзаже заключено все мое тогдашнее мировоззрение и мироощущение. Вся моя душа в то время, когда я был очень молод и глуп.

Пейзаж написан с маленького искреннего этюдика художником-живописцем и колористом. Искренно!»

– Да уж, впечатляет, – вырвалось у Ильи.

– Сочетание несочетаемого всегда поражало в нем тех, кто с ним общался, а особенно видел впервые. В 2009-м мы записывали с Давидом интервью. Для записи пригласили его в кафе. Он говорил умные парадоксальные вещи, при этом жадно, причмокивая, поедал сэндвич. Он рассказывал о том, что уже в училище его стали называть экспрессионистом, говорили даже, что у него лицо экспрессиониста, и он с этим соглашался. Говорил о том, что главное для него в живописи – колористика. Цитировал Ван Гога, Джерома Клапку Джерома, Лермонтова, читал наизусть Мандельштама. Говорил еще о том, что был одно время увлечен поисками синего цвета, как Матисс. Оказалось, что в детстве его возили в Москву, в Пушкинский музей и Третьяковку, и он ярко это помнит. А современных выставок, естественно, не видел, ездить никуда не может, никаких планов не строит. Да что я, собственно…

Соломон поднялся, достал с одной из полок тонкий том со странным названием «Смутная алчба», перелистал страницы.

– Вот, послушайте. Концовка нашего интервью поразила меня тогда больше всего:

«– Многие люди строят для себя планы на следующий год. На 2010 год какие-то планы у вас есть?

– Я читал Дарью Донцову, как тетка спрашивает свою племянницу, совершенную недотепу-ученицу, которая никак не могла учиться и страшно всех этим раздражала. Она ее куда-то собиралась отдать замуж. И спрашивает ее эта тетка: «Есть ли у тебя какие-то планы на будущее, девочка?». Ну она и ответила: «Колготки достирать, телек поглядеть!».

Вот и у меня – планы работать. Создавать красоту. Я хочу сказать, что мне нравится в искусстве красивое, и не просто красивое, а та красота в природе, которая способна сделать человека лучше хотя бы на короткое время. Мне кажется, искусство должно пробуждать доброе. Хотя художники в основном это делают, слава Богу. У них этого не отнимешь. Но у каждого есть что-то, что ему лучше отвечает. Как говорил Бальмонт: «Я в мир пришел, чтоб видеть солнце». Мне кажется, что он сильно это сказал, но мне солнце всегда очень нравилось. Египтяне, ацтеки, – все они уважали солнце. Даже обычай печь блины в России тоже был связан с древним обрядом поедания солнца. Ну в России всегда свой менталитет. Там солнце старались съесть. А я, как говорится, типичная жертва искусства. Так как говорят, что искусство требует жертв, так вот, перед вами типичная жертва искусства. Но все же я сторонник того, чтобы на жизнь иметь светлый взгляд, веселый и по возможности добрый. Для этого надо наслаждаться красотой природы и попытаться куда-то выйти за пределы города.

Я не какой-то там страшно верующий. Я просто скорее, может быть, атеист. Но дело в том, что я так люблю изучать всякие старинные тексты, что только теперь на старости лет я прочел некоторые такие из давно известных книг типа Евангелия, Библии, еврейских молитв. На досуге это тоже развлечение. Как-то неудобно абсолютно ничегошеньки не знать о том, во что верил твой народ или другие народы. Ведь это даже создавало культуру. Сколько художников Средневековья кормилось только благодаря изображению Девы Марии! Только ленивый и глупый не написал Мадонну. Это же было то же самое, что Ленин для скульпторов.

Ленина один скульптор гладил по лысине и чуть ли не со слезами благодарил: «Кормилец ты наш…». Может, так же Мадонна или Христос. Ведь это же скольких художников он кормил и поил! То же Распятие. Бедного еврея распяли в 33 года, и вот сколько столетий он кормил и поил художников! Я плачу: где мои 33 года по глупости? 33 года – это роковой возраст. Я же говорил, что я жертва. Но даже не искусства, а жизни. А искусство эту жизнь как-то освещает. Если что-то и может осветить нашу жизнь, то это, наверное, солнце и искусство».

Соломон замолчал и закрыл книгу.

Молчали и все вокруг.

Наконец Семен произнес:

– Мощно.

– Да, мощно. И почти все это время Давид жевал свой сэндвич, а в конце завернул не съеденные корки в салфетку. Когда я предложил просто заказать еще один, он ответил:

– Не нужно. У меня практически нет зубов, так что эти корочки я буду дома размачивать в теплой воде и потихоньку жевать.

– Боже… – вырвалось у Милы.

– А что было дальше? – спросил Семен.

– Эти две выставки оказались первыми и последними в его жизни. Неожиданная, пусть весьма скромная слава и вдруг появившиеся деньги сыграли с Давидом злую шутку. Работы больших форматов, которые он пытался делать на заказ, в большинстве своем были слабыми. Он сам признавался, что давно отвык писать на больших холстах. Работы были неровными, все чаще и чаще слабыми. Тем не менее он не забывал регулярно просить за них деньги в музее, иногда даже приезжая туда на такси – неслыханная прежде роскошь, и даже подшофе. После одного из таких визитов в дальнейшем сотрудничестве ему отказали. Внезапно возникшую известность, как вы знаете, следует тщательно поддерживать, но Давид, конечно, не был на это способен. Первые восторги прошли, и очень скоро о нем опять забыли. Работами его интересовались лишь немногие одесские коллекционеры. Более того, их начали подделывать – благо это было несложно, что еще больше ударило по его только-только наметившемуся относительному достатку. Весьма и весьма относительному.

– Даже так? Подделывать? – удивленно спросил Семен.

– По крайней мере об этом ходили упорные слухи. И он вернулся в то состояние, в котором пребывал всегда – в состояние одиночества. Одинокий, наивный, беспомощный, честный романтик.

Когда Давид говорил о том, что не строит особых планов на 2010-й год, он словно предчувствовал свою кончину. Солнечным декабрьским днем он шел по Екатерининской улице, внезапно пошатнулся, лег под дерево и умер.

Для тех, кто его не знал, в свои пятьдесят пять он выглядел дико – бедно одетый человек не от мира сего со стершимися зубами, одутловатым лицом и крашенными в белый цвет волосами. И если даже сбитого трамваем Гауди в родной Барселоне узнали не сразу, то никому почти не известного художника Тихолуза в Одессе могли не узнать никогда. Родственников у него не было, денег тоже. Но Давиду повезло – он был евреем. В кармане лежала единственная бумага из «Хеседа», она-то его и спасла. В дело включился реб Велвл Верховский, и в полном соответствии с еврейскими традициями на следующий день Давида похоронили на еврейском кладбище. Святое братство, «Хевра кадиша» взяло на себя расходы, как обычно это бывает при похоронах одиноких или бедных евреев.

О его смерти узнали не сразу. Когда узнали, несколько коллекционеров пытались получить в полиции разрешение на доступ в его квартиру, понимая, что все, что там находится, безвозвратно пропадет. Из этого ничего не вышло. Что стало с наследием Давида, никто не знает.

Через год после его смерти в Клубе одесситов прошла выставка его памяти – на ней были работы из частных коллекций.

После этого о нем забыли окончательно.

– То есть у него было всего два года счастливой жизни? Ну относительно счастливой? – спросила Мила.

– В том то и дело, что нет. Я думаю, что вся его жизнь была счастливой.

– Странное утверждение, – пробурчал Семен.

– Я объясню. Я ведь поначалу думал точно так же, как и вы. Но потом, живя рядом с этим работами, – он окинул взглядом стены, – полностью пересмотрел свои взгляды.

В его жизни было то, что всегда вытягивало его из пучины безумия, из одиночества, из отчаяния. Это была живопись. Он ведь беседовал со своими картинами. Все эти записи на обороте – фрагменты этих бесед.

И еще две вещи – удивление перед красотой мира и страсть.

Страсть, которую он выражал с помощью своей живописи, давала ему смысл жить, давала энергию выживания. Это было даже не сублимацией сексуальной энергии, а прямым ее применением.

– Папа, осторожно, нас слушают дети, – тихо сказала Мила.

– Пусть слушают. Они ведь и появились на свет благодаря этой энергии. А удивление и восхищение миром были частью его мировоззрения – мировоззрения большого ребенка, наивного философа, блаженного человека.

Все замолчали.

– Шломо, ты меня не убедишь. Я все равно буду продавать скучные пейзажи своих скучных австрийцев. На них по крайней мере есть платежеспособный спрос.

– Да, но ведь живопись тем и прекрасна, что имеет кроме денежного выражения что-то гораздо большее, Сема. И ты сам прекрасно это знаешь. Иначе не проводил бы дни и ночи в поисках не замеченных другими шедевров. Ты же сам говорил, что влюбляешься в каждую новую купленную тобой работу.

– Я влюбляюсь в нее до того, как куплю.

– Я до сих пор поражаюсь, как ты умудряешься жить за счет своего бизнеса, если покупаешь больше, чем продаешь.

– То же самое я думаю и о тебе, – улыбнулся Семен.

– Ну что же, пойдемте пить шампанское, пока это позволяют наши финансовые возможности! – воскликнула со смехом Роза.

Соломон обнял брата, и они пошли в зал.

Вячеслав Вольф

Сейф

Суета и паника – худшие враги судоводителя, хотя история, о которой поведаю ниже, произошла не в океане, а исключительно в мирной обстановке у причала. В милом и любимом порту Лас-Пальмас на Гран-Канарии. Год, так помнится, двухтысячный или две тысячи первый. Закончился очередной годовой рейс. Вспоминать через двадцать лет продолжительность тех рейсов просто дико. Многие одесские рыбаки прошли через те экстремальные сроки.

Итак, промысловый рейс окончен. Зашли благополучно в порт, расставили штурманов на суточные вахты, и я начал физически ощущать, как с моих старпомовских плеч спадают заботы одна за другой. Вот приехала рембригада для предстоящего ремонта. Благополучно расселили ее в свободные каюты и на диваны к основному экипажу. За два дня я успел подготовить заявки моему коллеге и другу, который прилетал мне на подмену. Повалялся на пляже Кантерас, что-то полезное купил в Английском универмаге. И при этом настроение было не то что хорошее, а скорее какое-то елейно-благостное. Все ссоры и стычки за долгий рейс начали растворяться в этом настроении. Мысли о доме и родных постепенно занимали место ежедневной рейсовой нервотрепки. Наступил последний вечер перед подменой и отлетом домой. Днем с технологом пили пиво в ресторанчике на причале. Ближе к вечеру градус приподняли. Но все в разумных пределах. То есть состояние такого «легкого приятного давления», как сформулировано у нашего одесского классика.

Теперь небольшая преамбула. У старпома в каюте есть сейф: на фиг он там нужен, мне было всегда непонятно. В море в нем обычно хранился воздух из последнего порта. В порту же, когда

на борту много постороннего незнакомого народа (рембригада, чьи-то приятели с других судов и т. д.), я всегда храню в нем личные документы и выданную в наличке (тогда еще это практиковалось) рейсовую зарплату. Заодно с просьбой поработать банковским клерком обращаются некоторые моряки. В тот вечер у меня в сейфе лежало что-то около тридцати пяти – сорока тысяч долларов. И вот из-за этого, из-за моей оплошности, а также некоторых конструктивных особенностей судна я имел на редкость веселую ночку.

Стою я на верхней площадке парадного трапа и веду приятную болтовню на разнообразные темы с окружающими моряками. Верчу на указательном пальце правой руки кольцо с ключами от каюты и каютного сейфа. И дожонглировался – ключи соскочили и упали на площадку трапа. Если б такое случилось на траулере немецкой постройки, этого рассказа бы не было. Там верхние площадки трапов сплошные. Наши же родные николаевские корабелы сделали на этом судне площадки трапов из решетчатого профиля. Ключи благополучно провалились сквозь решетку и тихонько булькнули внизу. Коррида началась. Судовое время – двадцать один ноль пять. Завтра утром приезжает новый экипаж, будет передача дел и отъезд в аэропорт. Времени достать из сейфа чужие и свои деньги – это до утра.

Что я первое сделал – конечно, хорошенько проматерился на себя родного и свои цирковые привычки. Также подумал, что надо завести какой-нибудь брелок из плавучего материала. В общем-то, ничего страшного не произошло: у старшего помощника хранятся ключи от всех судовых помещений, да еще и в двойном количестве.

Пошел в каюту. Конечно, в специальном шкафу для ключей, где меня ждали четыреста с лишним ключей от всех судовых помещений, порядок был относительным. Что-то висело не под своим номером. Ключ от своей каюты я нашел сразу – он был на месте. Но второй ключ от сейфа никогда мною не использовался, и поэтому где он мог быть, я не знал. Поиски осложнились еще и тем, что на всех ключах был выбиты номера, а ключ от сейфа, сука такая, номера на себе не имел. И самое главное, он был примерно такого же размера и формы, что и основные ключи.

Ну что ж, сначала я попробовал положиться на удачу и начал перебирать левую сторону шкафа. Судовое время – двадцать три восемнадцать. Как-то постепенно мне в голову заползла мысль, что второго ключа может и не быть вовсе. Предшественник мне его отдельно от других ключей не передавал. Из этого автоматически вытекает, что сейф надо вскрыть. Кстати, такой случай уже был, и на этом же судне.

В 1996 году стояли мы под долгим арестом в Намибии. Я был вторым штурманом, а третьим штурманом был Толик Слободян, тот еще Кулибин. И вот как-то в травле на мостике разговорились о том, что куда-то запропастились радиоактивные элементы для приборов дозиметрии. Приборы эти стояли у нас на мостике как наследие тотального советского милитаризма. Я высказал мысль, что они могут находиться в сейфе шифровальщика (из той же милитаристической оперы), стоявшем в каюте третьего штурмана. Ключи от этого сейфа, кстати, с четырьмя внутренними ячейками, пропали еще год назад. Все посмеялись, Толик же воспринял мои слова серьезно. Через пару дней он поднялся на мостик с максимально торжествующим видом и сообщил, что открыл сейф и все четыре ячейки сам. Причем какими-то приблудами из канцелярских скрепок. Радиоактивных элементов от прибора КДГ-1 он не нашел и сказал, что теперь может спать спокойно. А то после моих слов про радиацию ему постоянно снился город Хиросима.

В данный момент Толика мне в помощь в нашем экипаже не было. Но зато можно было приспособить моих корешей из рембригады. Они могли вскрыть что угодно, правда, не так деликатно, как Толик. Время судовое час двенадцать. Спускаюсь на нижнюю палубу в носовую четырехместную каюту. Деликатно стучу. Изнутри так же деликатно, чтобы не разбудить соседей, слышен звук чокающихся стаканов. Вхожу.

– Валера, доброй ночи. Выручай!

В ответ Валера молча наливает рюмку чего-то вкусного. Выпиваю чисто автоматически и вываливаю суть проблемы. Хотя ребятам завтра на работу, морское братство еще никто не отменял.

– Чиф, не переживай, сейчас мы его (в смысле сейф), как врага народа, исполним!

Обещают сейчас же взять инструмент и подняться ко мне на место происшествия. Пока мы с Валерой выпиваем еще, помощник уходит за инструментом.

Судовое время два тридцать. Сижу уже в своей каюте, жду спасателей. Слышу – движутся: оно вообще хорошо слышно, когда ночью по спящему судну идут в тяжелых ботинках, матерясь и, судя по всему, волоча что-то тяжелое, два слесаря-ремонтника.

Судовое время два тридцать три. Заходят. Я-то думал, что они возьмут какие-то ломики или гаечные ключи, но ребята оказались настоящими радикалами-экстремистами. У старшего в руках была огромная болгарка, углошлифовальная машина. В нее был вставлен диск размером с автомобильное колесо радиусом шестнадцать. Все это напоминало разобранную пилораму, на которой пилили столетние канадские кедры. Тут я понял, что сейчас будет, и попытался возразить. Но было поздно. Эти «лесорубы» начали пилить сейф в области петель. Судовое время – три часа ночи.

Сколько это было децибел, сказать трудно. Еще раз: три часа ночи, полная тишина на спящем судне – и тут гигантской болгаркой начинают пилить металлическое изделие, в общем-то, в пустой металлической коробке, коей и является, по большому счету, судно.

Первыми проснулись, конечно, соседи в каютах справа и слева. Очень экспрессивно, надо сказать, отреагировали, что неудивительно. Мои объяснения никого не удовлетворили, коллеги почему-то возомнили, что я решил распилить сейф ночью из вредности. Это, конечно, шутка. Через некоторое время мою безвыходную ситуацию соседи поняли. Затем позвонил капитан – и тоже понял. До утра все проснулись и все поняли. Судовое время – шесть пятнадцать. Петли отпилены. Я достаю конверты с деньгами и свои документы. Вся каюта засыпана металлической пылью. В том числе новые джинсы и рубашка, в которых я собирался эффектно появиться дома. Последний день Помпеи, короче.

Пока я приходил в себя, ребята куда-то потащили остатки сейфа. Не успел я подумать куда, как сразу услыхал и понял. С этого дня в сейфе будут жить рыбы. Хотя петли можно было приварить

на место. Ладно, помер Максим – да и хер с ним. Проблема решена. Сложность преодолена. Умение решать внезапно возникшие проблемы в поставленный отрезок времени – отличительная черта хорошего штурмана.

Второй ключ от сейфа я нашел случайно через пятнадцать минут в ящике письменного стола.

Елена Андрейчикова

К морю

Я хочу на море, мама.

Но только на свое, Черное, родное. Иное не предлагай, не спасет, не смоет жажду отчаявшегося желания.

В тот день хочу, где июльское солнце слепит так, что у пятилетней появляются морщинки.

Рядом ты смеешься, и рядом живой папа, а я в веснушках и плавках с желтыми рюшами.

У меня проблемы, мама, да, я хочу в тот день, где у меня масштабные проблемы. Брат прыгает с пирса: и рыбкой, и солдатиком, и бомбочкой, а я не умею. Вот-вот разрыдаюсь от безутешного горя. Мелкая манипуляторша. И пломбир не спасет, и лимонад не отвлечет, и надувной круг в виде утки не усыпит бдительность каприза.

Мама, мне нужно тоже прыгнуть. Да, я знаю, мне рано. Я знаю, что он старше. Я помню, что я не умею плавать. Но я хочу, мне так сильно нужно, что страха больше нет, и смерти нет, и ничего нет, кроме желтых рюшей, которые стремятся в воду.

Мама, я хочу, чтобы мои губы стали солеными. Не от слез, не дается такое облегчение сейчас. Я хочу напиться морем, как в тот день, когда вы все-таки учили меня у берега нырять и кричали, смеясь: «Рот закрывай!».

А под вечер вы придумали, как меня спасти от детского горя. Ты на пирсе, рядом со мной, а папа внизу, в воде. Мне нужно разбежаться, зажмуриться и прыгнуть в папины руки. Сама же хотела. Трусиха. Ну что же ты ждешь, давай. Опозориться и уйти уже не выйдет, не того кроя панамка.

Зажмуриваюсь и лечу. Вечность-две, не меньше. Страшно так, что по дороге можно уписаться. В последнюю секунду перелета открываю глаза, да, я летела с зажмуренными, каюсь. И вот он – сильные руки, голубые глаза, у него моя улыбка. Или у меня его, неважно. И вот я – смелая, взрослая, под защитой своих.

Я хочу на море, мама. Где проблемы – страшней не бывает, где вода слизывает детские слезы, где мама как всегда красивая, а папа навсегда живой, где прыгаешь не боясь, потому что точно знаешь, что тебя спасут. Где купаешься до икоты и голода, а после песок в ушах, и в носу, и в пупке, и даже в том самом нежном месте под рюшами.

Обещай мне, мама, море. Обещай, обещай, обещай! Голос взлетает, переходит на детский тонкий крик. То ли снова ребенок, то ли сломленная чайка.

Не надо, мама. Забудь. Не тревожься. Не пытайся спасти свою взрослую дочь. Это мгновение бессилия. Это минута забытья. Я справлюсь сама. Я зажмурюсь и прыгну. И самое главное, мама, – это я пообещаю тебе море.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

208 **Тая Найденко**
Бог наш

219 **Инна Квасивка**
Смерть всегда голодна

223 **Анна Стреминская**
Пасхальные перезвоны

230 **Валерий Базаров**
Крутится, вертится шар голубой

Тая Найденко

Бог наш

* * *

Вы запасали гречку и масло,
Мы запасали – свет.
Взвыли сирены, солнце погасло,
Разве темно нам? Нет.

Вы запасали хлам и билеты,
Шубы, носки, бухло.
Мы запасали южное лето,
Нам и сейчас – тепло.

Вы запасали бомбы и пули,
Братскую, сука, тьму.
Мы запасались смехом – а хули
Плакать в родном дому?

Вы запасали ложные стены –
Русский язык, Донбасс…
Мы запасали то, что мгновенно
Объединяет нас.

«Мы Украина!» – главное кредо,
Каждый сейчас в строю.
Не запасли мы только Победы.
Значит – возьмем в бою.

* * *

Был «свідомий», стал – осведомитель,
Самый рьяный кало-лаборант.
Рвался в бой, но вдруг обрел обитель
За границей и присел на грант.

Был богат, презрителен, спокоен,
Все спустил на беженцев, ты глянь…
Был айтишник – оказался воин.
Был военным, оказался – дрянь.

Был экскурсовод, остался – овод:
Жалит и жужжит на пустяки.
Другом был, а нынче – только повод,
Чтоб при встрече не подать руки.

Этот будто даже спал в костюме,
А теперь с утра – сто грамм на грудь.
Просто жил. Теперь не то чтоб умер –
Начал разлагаться по чуть-чуть.

Жил по кайфу, тупо развлекался…
Ранен был, когда спасал котят.
Сукой был… ну сукой и остался.
Этим перемены не грозят.

Переломы, вывихи, зигзаги.
Помнишь, как недавно, как давно
О таком читали на бумаге,
О таких смотрели мы кино?

Спорили, достаточно ли точно
Проработан каждый диалог,
И сходились иногда на том, что
Это перебор, герой не мог!..

Вот и мы в сюжете, друже, что же…
До финальных титров много дней.
Мы всё это можем, Боже, можем.
И еще прекрасней. И страшней.

Роль героя на войне уместна,
Как и роль злодея, подлеца.
Главное, чтоб доиграли честно.
Чтобы до победного конца.

* * *

Розкажи мені, брате:
А як то воно – вмирати?
Вип'єм чаю чи кави,
Й розказуй, мені цікаво.
Ніде стрітися нам, то ж розпитую просто неба.
Бо усі говорять від серця, ніхто – від тебе.

Брате мій із Одеси, Херсону, Івано-Франківська,
Сум дівочий, сльоза дитяча, туга батьківська,
Сорока-, тридцяти-, вісімнадцяти- – Боже! – річний…
Ти хотів би, щоб ми зберегли ворогу обличчя?
Мабуть, так. Бо у кожного цього скота і ката
Має бути обличчя, щоб точно його впізнати.

Брате мій, я готуюсь не жити, а просто бути,
Бо немає такої помсти, тієї спокути,
Щоб зробить «як було». Вже не буде. І в цьому сенсі
Ми обидва загиблі. Ти зовсім, а я – в процесі.
На твоєму шляху пелюстки, на моєму – пастки.
І тобі не піднятись, мені ж – заборона впасти.

Я сміливо кажу «мій брате», бо ти не проти.
Мовчазні мої браття. Землі бо набрали в роти.
Тільки плачуть дощем, тільки вітром горнуть до себе
І шепочуть: «Жива? Живи… Ну чого ще треба…»

Треба чогось такого, чого не бува, гадаю:
Неземної любові, сторіччя земного раю,
Треба якось відмити цей бруд і усю отруту.
Та не буде цього, хоч повинно, повинно бути!

То ж скажи мені, брате, а як то воно – вмирати.
Маю знати.

* * *

Не стоит плакать, тем паче – хлопать.
Ты просто признай: Бог наш.
И Его опять толкнули под локоть,
Когда Он писал пейзаж.

Отсюда всё, что ругают гневно
Возвысившие голоса.
Отсюда в небе Его полдневном
Нелепая полоса.

Режим «Редактор» мигнет печально
И пустит тираж под нож.
Господь рисует тебя идеальным,
Но ты ведь опять – толкнешь.

В Одесі

«Як ти?» –
Питаємо ми одне одного вранці.
Яхти
Красуні, прикуті до порту, мов бранці.
Зливи
Омили спустошені пляжі навколо.
Злими
Такими іще не були ми ніколи.

Вибух
Лунає не здалека наче, й не зблизька.
Вибув
Іще один з нас до небесного війська?
«Збили!» –
Радіють в новинах годину потому.
Схили
Одеські здригаються, наче від втоми.

«Як ви?» –
Питаю у жінки блідої, вдивляючись в неї.
Яхве
Лишається з нами, хоч їдуть потрохи євреї.
Жартом
Рятується місто, що назване «посмішка Бога».
Жах той,
Що ми прожили, не торкнеться святого.

Можна
Пробачити все, крім останніх пів року.
Кожна
Людина у місті сплатила ціну зависоку.
Всі ми
Неначе одне зачакловане коло.
Злими
Такими іще не були ми ніколи.

Блюз-Ок

Серпнева сепія лягає на лице
Твоє кохане.
І час спливає крізь годинник, наче це
Відкрита рана.

Ні залишитися навіки, ні піти
Ніяк не можна.

Якось повітряно мені, бо поруч ти,
І так тривожно.

А за вікном чи то світанок, чи війна…
Та Боже правий!
Нас від усього захистить лише одна
Моя уява.

Подвійний видих та миттєвий помах вій –
І ми герої
Чи то у Першій, чи у Другій світовій,
Чи навіть в Трої.

І мов окреслене сріблястим олівцем
У кріслі тіло.
І вже не сепія лягає на лице,
А чорно-біле.

Бо час мине і прийде знов, і вже, мабуть,
Я не загину.
І то не сльози по щоках моїх течуть –
Течуть хвилини.

* * *

Неначе обличчя дитяче,
А голос дорослий, жіночий,
І несамовита від плачу,
І ніжно втішає щоночі.

Підтримана майже всім світом
В кривавій війні наодинці,
Забута – і знову відкрита,
Вона промовля: – Українці!

Й немов Моїсей на Синаї
Чекають на слово Вітчизни.

І голос лунає, лунає…
Та чують усі вони різне.

Шалено вояка радіє:
– Наказано битись мов леви!
Бо ми – то остання надія.
Я чую, моя королево!

А мати хапає дитину.
– Я чую, Україно, чую!
Наказано бігти без спину,
Розсіятись в землю чужую.

А ті скаженіють на мові,
Й шепоче священник у рясі:
– Наказано вчитись любові…
Несе звідусіль: – Не на часі!

Прокльони, завзяті дебати,
Та сенсу, як глянеш з сумлінням,
Не більше у цьому, мій брате,
Ніж в сварці коріння з насінням.

Палац – чи могила єдина,
Хрещена – чи рідная мати,
А слово одне – Україна.
І доля одна – рятувати.

При памяти

Когда мы говорили «Не простим!» –
Мы снова говорили о себе
И о врагах. И ревновал покойный,
И грозно выворачивал белки

Подсохших глаз, и силился подняться,
Чтобы поспорить, чтобы – про него.
И если так хотелось не прощать,
Не стоило бы нам стоять у гроба,
Где он лежал – погибший, как герой,
Еще хорош собой, хотя и поздно,
С оторванной рукой, но в пиджаке.
И пуговицы… черные, как дыры.
И дыры – вместо пуговиц – в груди.

Расстегнутое тело, как костюм,
К душе уже неплотно прилегало.
Настал момент – и он сообразил,
Как это сделать, и восстал из гроба.
И вышел вон, оставив нам тряпье,
И тут уже вдова возревновала…
Но отвлеклись, закапывая гроб.

Потом мы долго пили. Пили мы,
И обнимались мятые костюмы,
А души были где-то далеко –
Наверное, прощались там с героем,
Но возвратились молча, не сказав
Ни слова о загробном, как обычно…
И показалось, что пришли не все.

Мы путались уже в штанинах ног,
И так хотелось полностью раздеться,
Что стало страшно от желанья сдохнуть.
И кто-то с перепугу заорал:
– Ребята, надо жить и надо помнить!

Ответили дежурно: «Не забудем».
И уточнили страстно: «Не простим!»

* * *

Что там есть за пределами страха?
Пустота – и внезапный покой,
Беспощадная жалость монаха
(Но живые не жаждут такой),

Неизменная высшая мера
(Измеряй – но никто не готов),
Серый сумрак снесенного сквера,
Легкий пар из умолкнувших ртов,

Черно-белые зимние ветки,
Черно-белая скудость холста,
Сквозь который, как божьи отметки,
Проступают иные цвета.

Снег небесный сметает без следа
Что-то прежнее, на рубеже.
Что там было-то? То ли победа,
То ли смерть. Но неважно уже.

По мотивам видеозаписей, попавших в сеть

Дела в России удивительны:
Не школа, не урок,
Но на пороге – три учителя,
Трехглавый педагог.
И каждый ломится с повесткою,
Выдавливая дверь.
В квартире мать сидит с невесткою
И плачет, что теперь
Кормилец на работе вроде бы,
Но раз уж надо так,
Готов прийти на прихоть Родины,

Чтоб сдохнуть за пятак.
И все же доля возмущения
Есть в голосе, печаль…
Такое даже ощущение,
Что маме сына жаль.
И мать, как будто по традиции,
Вдруг возвышает глас:
– Да что ж и ночью-то не спится вам?!
Двенадцатый же час!

– Мы в приказном порядке сами тут! –
Кричат учителя.
– Нам не устраивают саммиты
Согласованья для,
А просто вызывают вечером,
Командуют «Разнесть!» –
И мы невольно, делать нечего,
Бежим что мочи есть.

Слова магические, светлые:
«Мы ж сами ни при чем!»
А значит, можно быть приветливым
С невольным палачом.
«Погиб поэт, невольник чё-то там…» –
Твердит невольно класс.
Невольно выругавшись шепотом,
Погибнут и сейчас.
А те, что вдруг невольно выживут,
Неволюшку кляня,
Убьют мою собаку рыжую
И мужа, и меня.

– Мы все тут люди подневольные! – строчит интеллигент.
– Мы все тут люди подневольные! – скажи в любой момент.
– Мы все тут люди подневольные! – пищит любая тля.
– Мы все тут люди подневольные! – кричит сама земля.

Уже не стыдно и не больно им,
Но спросят на суде:
– Да, много было подневольного…
А люди были – где?

* * *

Сни у Словаччині, Німеччині, Туреччині
Усі однакові, хоч спати не лягай.
Очей не сплющуй зайвий раз, бо ми приречені
Усюди бачити війну та рідний край.

То не будинки розтягнулися за обрії,
Це товпи біженців несуть своїх мерців.
Жебрачка нібито волає: «Люди добрії!» –
Дрібні монети затискаючи в руці.

І натовп дражниться знайомими обличчями.
Наздоженеш – зніяковієш – не вони…
Не подолати відчуття: хвилини лічені
До перших вибухів, до бою, до війни.

Не мінарети – ноги довгії, лелечині,
Не хмари в небі – а тривожний білий птах.
Тож речі зібрані, і в путь, бо ми приречені
Змикати очі у палаючих містах.

Загартували нас події, ще не бачені,
В землі, де з неба не дощем – вогнями ллють.
І наші страчені та вбиті – то не втрачені,
Це наша пам’ять, наша сила, наша лють.

Моя країна стала чистим божим сяєвом.
Люб’язний турок, що бурмочить із імли:
«Тримайтесь там… Бо я поразки не бажаю вам».
Як пояснити, що ми вже перемогли?

Инна Квасивка

Смерть всегда голодна

Это

Счастье – это радость вдолгую. Это –
Переезд беснующегося соседа.
И свобода от не своих тараканов.
Это то, что Бог уже устаканил.

Горе – это если не о ком плакать.
Это ожидание заветного лайка
теми, кому ждать больше нечего. Это
пустота. Комната без просвета.

Вера – это червь в перегное. Это
Что-нибудь живое в тебе. Конфета,
Съев которую, не испортишь зубы.
Это сук под нами. – И мы его рубим.

Господь – тот, кто допускает все это,
Чтобы из остатков лепить поэтов.
Это реаниматор. Изнанка твоя же.
Это земля, пеленающая отважных.

Буду жить

Благословенно утро новогоднее
на побережье. Время и вода
стоят, как Бог стоит над преисподнями
войны в испепеленных городах –
как будто жизни нет и смерть невидима;
но все же всходит солнце, и оно
тьму расшивает шелковыми нитями.
Ни звука. Нам пока разрешено
быть на своей земле и в этом каяться,
но несмотря на сроки, вопреки
я буду жить. Кому какая разница,
зачем и сколько – Бог, не отрекись!
Чтоб обреченных не расчеловечили.
Чтоб терпеливым не сойти с ума.
Чтоб нам не стать удобными, заплечными.
Чтоб ни в раба, ни в черта я сама
не превращалась между скотобойнями,
когда играют в мир наоборот.
Чтоб это море тихое, спокойное
не растревожил новый страшный год.

Маля

Смерть ходила навшпиньки,
щоб не збудити дітей,
кров'ю мазав одвірки
рік новий, попри те,
що різдво – не великдень,
різали не ягнят;
смерть заходила швидко,
бачила: спить рідня,
запускала салюти,

от вам свята, мовляв,
аби потім розкуто
пестити немовлят
без батьків та без дому,
гірше що – без братів –
їх раніше свідомо
родич вбив, бо хотів
захистити найменших
кров'ю людських ягнят
(він і богові збреше:
«первістки просто сплять», –
то дарма, що у берцях
і серед дня в полях).
Смерть життям обернеться.
Смерть і сама – маля.

* * *

...и ты увидишь наяву,
увидишь ясно,
как бог, рожденный во хлеву,
спокоен в яслях,
как в дар ему волхвы несут
плед и фонарик,
и смерть над хлевом
млечный суп
младенцу варит.

* * *

царь урод приказал
избивать младенцев,
беги, мария!
позади – вокзал,
впереди – освенцим,

спасай, мария,
своего сынишку
в советских берцах
и камуфляже –
он с чужой пустышкой,
в чужие сердце
и землю ляжет.

* * *

смерть всегда голодна,
сколько ее не корми,
с каждым новым ребенком
рождается божий сын –
и его распинает
во время войны за мир
подающий надежды
бессменный правитель Ын,
и его распинает
какой-нибудь раисѝ
с высоты камикадзе
воскресших, с позиций дронов,
отче наш, боже наш,
на земле и на небеси
сына убереги
от пилатов, от их дон-донов.

Анна Стреминская

Пасхальные перезвоны

* * *

Дело муравья – нести соломинки, палочки, прочий
строительный сор,
чтобы строить свой дом – не пришли чтоб
разбойник иль вор,
не украли бы яйца, детей и имущество муравья.
Дом должен быть крепок – старается он не зря.
Тащи, муравей, букашек и крошки в свои закрома,
покуда ковид иль чума тебя не свели с ума.
Покуда огонь не съел твой шумящий лес,
тебя Бог не выдаст и дикий кабан не съест.

Покуда шальная вода не вышла из берегов,
сделай крепкую дверь, запирай ее на засов.
И пока не пришел чужой кирзовый сапог
и не снес твой дом – защищай, помоги тебе Бог!

Рассади детей на скамейке возле окна
и читай им сказки без грязного слова «война».
А убежище для муравья – это целый лес.
Сохрани тебя Бог, покуда ты не исчез!

Поэту Надежде Агафоновой

Черное небо войны, белые абрикосы,
белая церковь на черном – приют надежды.
Взрывы над головою, взрывы в душе –
вопросы:
как? отчего? зачем? будет ли так, как прежде?
Как прежде – уже не будет! – ответ приходит
мгновенно.
Есть то, что нельзя простить ! – то кровь вопиет
невинных.
По каплям непобедимость вводится внутривенно.
Из дыма и копоти над головами реют святые
нимбы.
И ты удостоена нимба над золотой головою,
когда ты погибла весною в городе Николая
святого. Поэзия нынче равна утробному вою.
Нет места весне и птицам, лишь помесь воя и лая.
Белая церковь на черном – это приют Надежды,
я верю, что есть тебе место в небесном Иерусалиме.
Без пятен крови и гари твоя одежда,
ее от боли и горя уже облака отбелили.
А там по приказу маньяка посланная ракета
в доме дыру пробила страшным черным вопросом.
В доме, где ты была… И нет на него ответа.
На черном небе войны – белые абрикосы.

* * *

Одесситкам, погибшим 23 апреля во время ракетного обстрела

Пасхальные перезвоны
под вой воздушной тревоги.
Уходят в небо мадонны,
и переплелись их дороги.
Одна в ожидании первенца,
другая уходит с младенцем.

Господь удостоит венца
обеих. Дитя под сердцем
уже в ожиданье забилось –
идут к небесным чертогам –
Валерия и Людмила
по легким воздушным дорогам.
Вокруг бушует цветенье,
как только бывает в апреле –
всех красок земных смешенье.
И хочется жить на пределе!
Но вой тревоги, как стоны,
как вой библейского zверя.
Пасхальные перезвоны,
спасите нас от неверья!
И сколько ни сеяли смерть бы,
но снова родится мальчик,
и победят ветви вербы,
и победит одуванчик!

* * *

То соборы взрывают, то памятники летят.
У каких швейцарий нам одолжить покоя?
Не умеем жить – лишь бросаться из рая в ад.
Только небо над нами легкое, голубое…

Здесь земля такая, что бюргером жить нельзя –
только метаться от Бога до воздушной тревоги.
Через арену битвы проходит наша стезя,
и месяц на это смотрит смешной, двурогий.

Где, у каких голландий нам одолжить любви?
Там храмы стоят пустые, у нас взлетают на воздух!
В этих краях что ни Спас – обязательно на крови.
И смотрят на это глазами холодными звезды.

Но в памятниках – города история и душа.
И чем ломать, не лучше ли преумножить?
Где Украинка Леся с оружьем карандаша?
В этом краю поэтов она не чужая тоже!

Где Вороному памятник, Лыпам – отцу и сыну?
Не лучше ли созидать, чем эти до хрипов споры?!
Какие закаты в Одессе красивые ныне…
Как розовый мрамор взорванного собора!

* * *

То ли птицы, то ли ракеты летят на юг –
смотрю я на небо сквозь листву винограда.
То ль журавли кричат, то ль воздушной тревоги
звук.
То ли готовить обед, то ль в укрытье скорее надо.

То ли листвы пожар, то ли каплет на листья кровь.
То ли осенний гром, то ли бомбежка рядом.
То ли жизнь суровой свекровью нахмурит бровь,
то ль война улыбнется беззубо средь грязи и ада.

Мы все – пластилин Господень, и если что –
Господь налепит других и лучше, чем прежде.
Из комка пластилина, может быть, выйдет то,
что принесет победу, радость, надежду.

* * *

Там мосты разлетаются вдребезги,
стекла чьих-то домов.
А у нас во дворе одуванчики, чистотел.
Крыши сносит чьих-то домов и голов,
и лежат штабеля неопознанных чьих-то тел.

А у нас во дворе лето вовсю поет
и соседка развешивает белье.
И котята прыгают круглый год.
Солнце щедрое золото льет и льет.
Ну а там города застыли, как призраки, вдоль весны
и встречают лето глазницами черных окон.
Города, погруженные в слишком страшные сны,
погруженные в дымный и черный кокон.
А у нас играют дети в светлом дворе
и дают имена котятам, и все как прежде.
Пусть задержатся дети в этой своей игре,
пусть они не узнают, как сгорает надежда.
А недавно сосед увидел в небе ракету,
она летела, подобная хищной и черной птице.
Потом был огонь и грохот посреди горячего лета,
и сыпалась штукатурка сверху на половицы.
Ракета попала рядом, не в наших детей и кошек,
не в нашего дядю Колю, не в тетю Милу.
И каждый был счастлив, и счастье ль бывает больше,
чем знать, что в тебя не попали, что пролетело мимо...

* * *

Кто отнимает свет, тот погибнет во тьме,
кто отнимает воду – умрет от жажды.
Кто отнимает тепло, тот застынет в зиме –
во вьюжной зиме он застынет навеки однажды.
Мрак, беспроглядная темень у нас кругом.
Тьму разгоняют лишь звонки телефонов.
Ночью чернильной наполнен остывший дом,
для огоньков свечей он является фоном.
Только глаза и ладони, и голоса,
звуки шагов, смех и шепот, шутки и пенье
дом наполняют теплом. А если слеза –
то пусть лишь только на свечке – как символ терпенья.

Все наносное ушло за минуту иль час,
древний огонь свечи так пронзительно ясен.
И только сейчас понимаешь, как каждый из нас
невыразимо прекрасен.

* * *

Когда-нибудь мрак черный станет мелом,
а время сумасшествие излечит.
А время к нам придет в халате белом
и приобнимет дружески за плечи.
И все герои возвратятся в семьи
иль упокоятся в селеньях рая.
А в души детские забросят семя
историки, ложь с правдою мешая.
И будет вдоволь золотого света,
и будет вдоволь золотого хлеба.
А песня ненависти будет спета.
Но будет чистота степного неба!
А души всех убитых и отпетых
на палачей взирать спокойно будут с неба.
И будет вдоволь золотого света,
и будет вдоволь золотого хлеба!

* * *

Я родилась – был мартовский денек
из тех, что душу бередят и вынимают.
Шел на Земле терпения урок.
То равноденствия был день, насколько знаю.
Все пробуждалось, шла зима на слом,
весенними цветами пахнул воздух.
И хорошела девушка с веслом,
и молодились пожилые звезды.
Был мир прекрасен: солнце, море, дом,
что пирогами и вареньем полон.

Был мир враждебен: «иродами» в нем
нас называли в яслях безволхвовых.
Но я тянулась к слову с первых лет:
в год говорила, азбуку в четыре
постигла я, и мне зажегся свет
совсем другой – в прекрасном зыбком мире.
И я была оттуда, я из книг
лишь возвращалась, и была я странной
для всех подруг. А счастья острый миг
мог быть в уединении желанном.
И более всего я постигала
науку быть изгоем. Ты – чужая! –
мне говорили поздно или рано.
И ни в одну не принимали стаю.
Но это было звездное изгойство –
я мыслить начала и видеть не грехи,
а красоту людей и мира свойства.
Так приходили первые стихи.

Валерий Базаров

Крутится, вертится шар голубой

Где брат твой…

От страха не в себе,
Один и неприкаян,
Вовсю гремит с небес –
Где брат твой? Где он, Каин?
И нечем отвечать,
И нет угла забиться.
Уже горит печать
На потном лбу убийцы.

* * *

Я в раздумье брожу по виа и пьяцца Помпей,
не спеша прохожу сквозь домов опустевшие клетки,
тут и там натыкаюсь на здесь обитавших людей,
а точнее – на их живописно отлитые слепки.
Их засыпало пеплом, заслонила веков круговерть –
Геркуланум, Помпеи, Стабйи…
Повелители мух им не слали из бункера смерть,
их никто не бомбил – они жертвами пали стихии.
Я иду напролом сквозь мгновения длившийся ад
и от мысли одной погружаюсь в мучительный ступор –
через десять веков на наречье чужом наугад
из десятков других назовут Мелитополь, Херсон, Мариуполь.

* * *

Старые правила новой игры,
Те же названия криком с газет.
Мюнхен мелькнул, провалился блицкриг…
И перестроилась свастика в «Зет».
По переулкам к реке кровосток,
В мертвых глазницах домов черно.
То, что не Запад шлет смерть, а Восток,
Наверно, истории все равно.
Брови нахмурил, суров суверен –
Стрелки на карте стремятся назад.
Полночь приблизилась… Где же ты, Венк?
Кто мне догладит мундир на парад?
И повторяется старый ликбез –
Трудно в руке пистолет удержать…
В бункере с Евой он был или без,
Вряд ли захочет история знать.

* * *

Если б война убивала только плохих,
Если б война забирала только чужих,
Обходя далеко всех своих и родных стороной,
Мог бы плюнуть в сердцах и сказать – да черт с нею, с войной!
Но, быть может, плохие не так уж плохи?
Может, кто-то из них пишет любимой стихи?
Да и чужой, может, он не для всех далек
И для другого чужого зажег в ночи огонек…
А вот хороший бывает иногда нехорош,
И продаст своего, не поморщась, за медный грош…
Мне б подождать, разобраться, чего-то понять…
Только меня приучили не думать, научили стрелять.
Дайте, пожалуйста, мне хоть на миг тишины!
Но кто-то уже прицелился с той стороны.
Постой, погоди, я же свой, я хоро…
Но палец нажал, и я не услышал, как щелкнул курок…

* * *

Крылатые ангелы ада, ракеты к земле летят,
Драконьих зубов рассада, параболу смерти чертя.
Ударят быстрее звука, чтоб криков не слышать жертв.
Такая пошла наука – забота о нас, mon cher…
А лучше, пожалуй, ночью… гуманно убить во сне.
Как бы ушел между прочим – вот был, а вот уже не…
Период полураспада длится короткий миг,
Вот только плакать не надо, вон сколько нас таких.
Были чума и войны, будут и после нас…
Может, мы недостойны счастья для всех и сейчас?
Может, проект был сложен, вот и зашел не туда?
Может быть, может быть, может… но если зажглась звезда…
Если зажглась хоть одна звезда…

* * *

Крутится, вертится шар голубой,
Серая пыль по равнине рябой.
Серая пыль, серебристый ковыль –
Дней уходящих печальная быль.
Крутится, вертится шар голубой,
Волны кивают седой головой.
Боль не уходит с прибоем в песок,
Пальчиком детским стучится в висок.
Крутятся черные в море шары,
Их разбросали для черной игры –
Жизнь так легко умножают на ноль,
Где-то бездомная бродит Ассоль.
Вот уж архангел подходит с трубой,
Чтобы умчать нас в простор голубой.
Крутится шарик, и нечего ныть,
Что оборвется когда-нибудь нить…

* * *

Рвутся бомбы, спорят бонзы
о конце начал,
на обочинах обозы,
замолчал причал.
На подворье гости строги –
матка, яйки, шнель!
А на них святой Георгий,
русская шинель.
Вылезай с подвала, Ганка,
обними, приветь –
нам еще шагать до Ганга,
лебенсраум ведь.
Набухают реки кровью
из варягов в грек…
за окном Средневековье –
двадцать первый век.

Беженка

ты бредешь легко ступая
чемодан в руке
разлилась судьба слепая
влагой по строке
от заката до рассвета
миллион подруг
нынче здесь а завтра где-то
и не замкнут круг
было небо море скалы
детские глаза
а теперь одна усталость
и уснуть нельзя
а когда домой вернешься
тенью по стене
и крылом плеча коснешься
знать пора и мне

День восьмой

Шесть дней творенья промелькнули,
Эксперимента номер шесть.
Устал творец, глаза сомкнулись,
И принеслась благая весть.
Что будет мир прекрасным, добрым
В безоблачной голубизне,
Недаром был в раю он собран
(Напомню – только в Божьем сне).
Был каждый, словно голубь, кроток,
Ягненку тигр и друг, и брат,
И не в чести костер с гарротой,
До старости дожил Сократ.
Здесь Вавилонской башни вышка
Антенной служит для 5g,
А если кот играет с мышкой,
То мышь от страха не дрожит…
Короче, все, что Он задумал,
Весь план, записанный в скрижаль,
Пред ним пронесся краткой суммой
(Во сне, напомню, как ни жаль).
Проснулся Он, отдернул штору,
Увидел явь и задрожал –
Опять Содом, опять Гоморра!
…И кнопку красную нажал.

Star Wars

Сполоумели, гуманоиды?
Видно, мало родной земли –
Дотянулись до астероида,
Чтоб осталась лишь горсть золы.
Сколько радости – в пабах харкают,
Захлебнулся слюною чтец.
Что с того, что пожары в Харькове

Или в Киеве сбили ТЭЦ?
Что с того, что тропою адовой
По руинам бредет страна?
Что с того, что ракеты падают
И взрывается тишина?
Разверните ракет прицелы вы,
Астероиды нафиг вам?
Пусть сгорят их хоромы белые,
Словно ветхий лесной вигвам.
Набегут пусть гуртом пожарные –
Мол, курили там, где нельзя…
Догорит, и тогда – пожалуйста!
Пешку в дамки – и вон ферзя!
Что ж болеет цивилизация…
Пульс ее - общей крови бег.
Равнодушно кривую акции
Нарисует себе Блумбѐрг.
Так чего вы решили, братчики?
Миру быть или быть войне?
А про то знают только вкладчики,
Да и то, может быть, во сне…

Сон разума

Сон разума рождает чудовищ.
Франсиско Гойя

Спит разум. У чудовищ нерест.
Торопятся у безвременья зон,
пока в горах не зеленеет вереск
и не наводит на чудовищ сон…
Чудовищу приснилось – он не огр.
Наоборот, он нежен, мягок, добр…
Для оскорбленных и униженных отец,
а кто не с ним, понятно, тем конец,

и инструменты, дыба да топор,
не заржавели с этих самых пор.
Теперь чудовище в кошмарном déjà vu –
работает во сне и наяву.
И хочет он понять, в чем сна иль яви суть
(ему бы с Гамлетом на миг перемигнуться),
чтоб мог он наконец без снов уснуть…
иль хоть в аду, но все-таки проснуться.
А разум спит. Как сладок его сон
и как он всем чудовищам на руку…
А что еще навытворяет он,
узнаем мы наутро по фейсбуку.

Разорванная тишина

«…Спросите вы у тишины…»
Евг. Евтушенко

Хотят ли русские войны?
Спросил у грозной тишины…
но не ответила она,
разрывом бомб оглушена.
Тогда спросил я у солдат,
тех, что под Бахмутом лежат.
Ответить не успели мне
живьем сгоревшие в огне.
Они молчат, а их сыны,
увы, не будут рождены.
И я спросил у матерей,
кричавших чмобикам: «Убей!»
Но те застенчиво молчат
И прячут ключ от «Москвича».
Убиты дети их в бою,
упав на землю не свою…
Так, чтобы люди всей земли

спокойно видеть сны могли,
проснись, Нью-Йорк, вставай, Париж,
пока, мой Киев, ты горишь,
покуда дикая орда
с землей равняет города…
Спросите вы у сатаны:
хотят ли русские войны?
И Сатана всея Руси
ответит: «Мира не проси,
и в том огне, что я разжег,
сгорит к чертям прощенья Бог,
сгорят Шевченко и Толстой,
культуры общей тонкий слой.
Весь старый мир сожжем в грозе,
построим новый, в стиле Z…»

Кого ж мы спрашивать должны,
хотят ли русские войны?

Когда-нибудь…

Когда-нибудь к весне растает лед,
Когда-нибудь домой вернутся птицы,
И пчелы зажужжат, пакуя в соты мед,
А бомб разрывы будут только сниться.

Когда-нибудь, когда небесный свод
Всем спектром на закате разгорится,
То это будет красок хоровод,
А не войны зловещие зарницы.

Когда-нибудь осядет пыль дорог
И цепью загремит ведро в кринице,
И переступишь вновь родной порог,
Забыв на красный угол поклониться.

Когда-нибудь проснешься на заре
От счастья жить, боясь пошевелиться,
И дробь дождя по лужам во дворе
Не позовет в убежище укрыться.

Надежда вьется Фениксом в руках,
Конец переливается в начало…
Как много раз на разных языках
«Когда-нибудь…» в ряду веков звучало!

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

240 **Елена Галинская**
Я поведу тебя в музей. Возвращение в шестидесятые

256 **Феликс Кохрихт**
Алексей Ботвинов: высокое призвание «Odessa Classics»

264 **Виктор Мамонтов**
Евгению Лукашову – 75 лет

270 **Наталья Бржестовская**
Пороники: два брата, две личности, две творческие единицы

281 **Мария Гудыма**
Золотому тельцу поклоняться не стоит

286 **Михаил Пойзнер**
«…Что нет на свете города такого…»

290 **Дора Дукова**
Лицей «Европейский»

Елена Галинская

Я поведу тебя в музей. Возвращение в шестидесятые

В Израиле в музее города Рамат-Ган проходит выставка «Одесса. Время и смысл»

Приморский бульвар, аутентичные одесские улицы, памятники, театр, порт, – весь исторический центр Одессы в январе 2023 внесен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Так де-юре весь мир признал выдающуюся универсальную ценность нашего города и обязанность всего человечества защищать его. Де-факто же во всем мире об этом знают давно, тут и говорить нечего! Наш любимый альманах «Дерибасовская – Ришельевская» уже много лет участвует в продвижении Одессы по миру, на протяжении всего XXI века он аккумулирует знания об Одессе, и благодаря ему одесситы всех стран могут слушать пульсацию сердца родного города. Альманах выпускает небольшая команда одесских «стариков» – «надежды маленький оркестрик», редут гражданского общества Одессы. Когда 24 февраля прошлого года жизнь опрокинулась вверх ногами, книжки альманаха продолжали выходить в условиях военного времени – № 89, 90, 91, 92, даст бог, выйдет 93-й. Все причастные к выпуску «Дерибасовской – Ришельевской» делают это, несмотря ни на что, с искренностью и оптимиз-

мом. Члены редколлегии как истинные одесситы держат фасон! Я бесконечно восхищаюсь и вдохновляюсь ими и хочу пожелать издателям, а также их писателям долгих лет жизни в украинском городе Одессе. Боже, храни этот город!

* * *

А теперь про выставку в Рамат-Гане – городе, примыкающем к Тель-Авиву и, по существу, продолжающем его. Но сначала необходимое пояснение: официальное название музея в Рамат-Гане – Музей русского искусства – звучит сегодня странно и непрезентабельно. Дело в том, что частная коллекция произведений знаменитых русских художников, принадлежавшая известным меценатам и культурным деятелям первой волны русской эмиграции Марии и Михаилу Цетлиным, в 1959 году (к тому времени Михаил уже умер) была передана в дар Израилю, и на основе этой коллекции в 1996 году был открыт городской Музей имени Марии и Михаила Цетлиных. Выставка «Одесса. Время и смысл» – жест уважения к Одессе и однозначное выражение музеем своей

позиции по отношению к российскому вторжению в Украину, а также знак солидарности с Украиной.

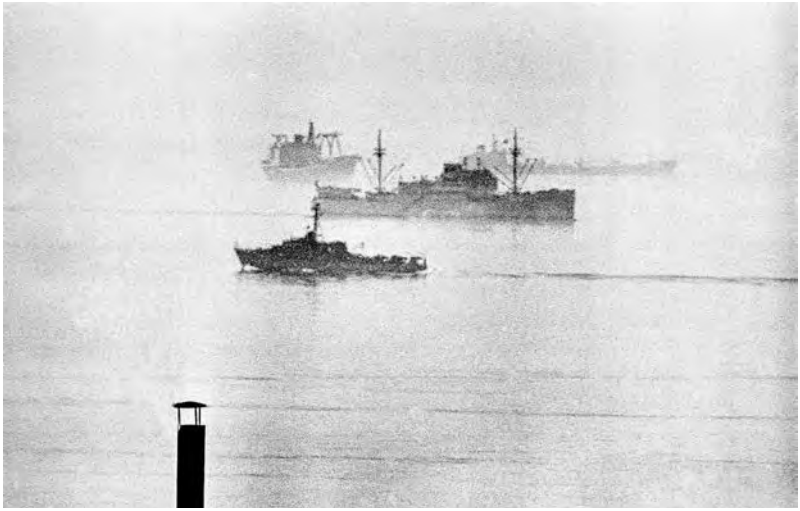
Куратор музея Леся Войскун рассказала мне, что как только началась война, она стала усиленно думать: как музей может отреагировать на это? Тогда-то и родилась идея, а потом и концепция выставки об Одессе, о ее людях и временах, знаках и символах, об их значениях. Постепенно идея обросла плотью, и 1 декабря 2022 года выставка была открыта. Формально она состоит из трех частей: черно-белые фотографии 50-60-х годов фотохудожника Ильи Гершберга, кино, составленное из фрагментов фильма «До свидания, мальчики» (1964) режиссера Михаила Калика, и удивительные черно-белые ковры-картины современной художницы Саши Стояновой. Это формально, но на самом деле выставка предлагается зрителю как единое полифоническое произведение, созданное в музейном пространстве. Итак, фотография, кинематограф, ткачество и три художника, объединенные в одну историю про Одессу. Доминантой и основой выставки являются фотографии 50-60-х годов.

Илья Моисеевич Гершберг (1932-2017) родился в Одессе и начинал свою творческую судьбу в городском фотоклубе «Одесса» в 50-е годы. Неподцензурная и неформальная фотография увлекла молодого человека новыми возможностями открывать целые пласты жизни. В СССР в те годы практически отсутствовала информация о современном мировом искусстве.

Илья Моисеевич вспоминал:

«Мое увлечение фотографией пришлось на первые послевоенные годы. В это время не существовало ни учебных пособий, ни фотоклубов, ни каких-либо курсов. Доступны лишь были старые учебники, где объясняли, как фотографировать на стеклянные пластинки, и перечисляли химикаты для обработки, которые давно исчезли из продажи. Издавался единственный на всю страну журнал «Советское фото» с социально ориентированными производственными фотографиями.

Фотографическая жизнь оживилась в середине 50-х годов. Появились коллеги – любители фотографии, брошюры с элементарными сведениями по фототехнике. Но основной прорыв



в освоении фотографии во всем ее многообразии произошел после начала распространения в Союзе замечательного чешского журнала-ревю «Фотография». Стало ясно, что фотография – это не технический монстр, а искусство. Это была реальная возможность ознакомиться с различными изобразительными течениями в мировой художественной фотографии, поскольку организационные комитеты присылали участникам выставок каталоги».

С этого времени фотография стала основным делом жизни Ильи Гершберга.

Примерно так же шло мое приобщение к живописи. Я всегда любила рассматривать картины, но в моем пересыпском детстве их было мало, и мне приходилось добывать и подсматривать их, где только придется. В детском саду, школе, поликлинике и Доме пионеров, которые я исправно посещала, на стенах висели картины. Это были огромных размеров тусклые репродукции или «великих художников», то есть передвижников, или советских живописцев. Картины «Бурлаки на Волге», «Утро в сосновом бору», «Грачи прилетели», «Девятый вал», «Последний день Помпеи» навсегда врезались в память нескольких поколений советских людей, их взорам они представали

с календарей, со школьных учебников, со стен совучреждений и квартир совграждан. Я их не любила, они были частью казенных зданий с их холодными вестибюлями, мраморными пустынными лестницами, тяжелыми бархатными драпировками, пыльными кремовыми занавесками, крашеными полами и злыми уборщицами. Боязнь официальных учреждений осталась у меня по сей день.

В детстве я, пожалуй, согласилась бы с Алисой в Стране чудес, если бы была с ней знакома, что «книжка без картинок – книжка неинтересная». В доступных мне тогда книгах иллюстраций было мало, а если нет-нет да и мелькали какие-нибудь картинки, то обязательно подслеповатые и черно-белые, по ним-то я и пыталась представить подлинники! В школьные годы картинок стало больше. Во-первых, я уже посещала художественные музеи, во-вторых, у меня появились невиданные ранее альбомы с репродукциями, правда, в очень небольшом количестве – подарки к дням моего рождения. Альбомы с картинами исключительно русских и советских художников были исключительно плохого качества. Но тут помогла заграница! Как не вспомнить добрым словом незабвенной памяти магазин «Иностранная книга», утолявший жажду знаний нескольких поколений любознательных одесситов! Магазин находился

напротив Горсада на улице Преображенской, тогда она называлась Советской Армии, и я частенько заглядывала туда и выискивала на полках то, сама не знаю что. Увы, все книги были на непонятных языках (венгерском, финском, чешском…), даже угадать название было проблематично. Общение с книгой происходило весьма оригинальным образом – без текста! Тем внимательней и проницательней вглядывалась я в иллюстрации, ища в них объяснение и ответы на сотни возникающих вопросов (кстати, совсем неплохой способ изучения искусства). А уж как запомнились мне картинки из тех книжек! Навсегда! В моем книжном шкафу на дальних полках до сих пор хранятся те иностранные книжки, в которых я впервые увидела картины Моне, Сера, Ван Гога, Модильяни, Шагала, Брейгеля, Тернера, Босха.

* * *

Вернемся, однако, к фотографиям. Гершберг документировал одесскую жизнь зеркальным фотоаппаратом «Зенит» – море, порт, пляжи, дворы, рынки, уличные мизансцены, лица друзей… Его фотографии максимально приближены к реальности, на них запечатлена жизнь как она есть, но в них совсем нет жесткости, присущей сегодняшней действительности. Наоборот, в гершберговских фотографиях много поэзии, эмоций, очарования, и очень узнаваемая городская среда. Его персонажи – обычные люди, они стоят в очередях, торгуют на рынке, гуляют в парке, играют в шахматы, ходят на пляжи и на праздничные демонстрации: фотографии оптимистичны и передают неуловимую «ауру времени» – общее настроение тех лет, получивших неофициальное историческое название «оттепель».

Леся Войскун, составитель каталога выставки «Одесса. Время и смысл», пишет: «Неизменным героем фотографий Гершберга является сама Одесса: ее городские дворики, знаменитый рынок Привоз, одесский порт, пионерские лагеря и черноморские пляжи… Эти работы вызывают ассоциации со снимками «решающего момента» Анри Картье-Брессона, а также напоминают по своей эстетике кадры из фильмов советского кинематографа начала 60-х и итальянских неореалистов, которые превращали обыденное и повседневное в предмет искусства».

Где-то в году 1960 или 61-м мой папа купил малоформатный фотоаппарат ФЭД с ручной установкой выдержки и диафрагмы. С этого момента вся наша семья очертя голову увлеклась фотографированием. Главным фотографом был, естественно, папа. Он любил Одессу и ее пригороды, вообще любил путешествовать, особенно со мной – нам всегда было весело и интересно. Фотографировали мы не только на пленэре, но и дома. Как сейчас помню наши домашние фотосессии на фоне специально для этого развешенной простыни. Мы с мамой очень любили эти мероприятия и тщательно к ним готовились. Мы мастерили наряды, переодевались, обматывались тканями, позировали анфас и в профиль и много смеялись. Папа был счастлив! Эти воспоминания всегда согревают мне душу.

После фотографирования наступало нечто еще более интересное: сначала папа колдовал над проявлением фотопленок, затем они, развешанные на веревочках, сохли по всей комнате (в Одессе всё «сохнут», а не «сушат»), и мы внимательно рассматривали малюсенькие негативы, чтобы узреть в них будущие «шедевры». Кладовка, а уже в новой квартире – ванная комната, на несколько часов превращалась в фотолабораторию. Иногда в эту святая святых папа пускал меня: я стояла, прижавшись к стене, почти не дыша и не смея пошевелиться, – таковы были папины требования. В темноте при свете красного фонаря в ванночке с проявителем происходило чудо появления изображения… Сейчас все те фотографии за редким исключением выглядят серыми, тусклыми, композиционно никудышными, ведь сделаны они были на плохой фотопленке, на плохой фотобумаге с помощью плохих химикатов. Многочисленные фотопричиндалы – экспонометр, увеличитель, фонарь, ванночки, пинцеты, глянцеватель, обрезатель и т. п. – долго еще хранились после папиной смерти. Потом все ушло на помойку.

В моем архиве много семейных фотографий. Я их сортирую, подписываю, а многие решительно и бескомпромиссно выбрасываю, но их все равно много и я уже в который раз перебираю груды никому не нужных фотографий. Кто откроет после меня коробку с рассортированными фотографиями? Кто захочет их посмотреть или сохранить? Скорей всего никто, я понимаю, что все они в конце концов станут мусором, и их надо бы уничтожить, но жалко – все-таки жизнь…

* * *

…Хожу по выставке, внимательно всматриваюсь в фотографии, словно заглядываю в поток времени, уносящий от меня все дальше и дальше места, события, предметы, людей «той» Одессы. А в голове крутится совсем не новая мысль: как, в сущности, все коротко, как быстро проходит время, как строг его закон – самое главное уже было, и ничего нового не будет! И в памяти всплывает строчка Юрия Михайлика: «Из тех, кто помнил мой город, остался лишь я один». Илья Гершберг делал фотографии сериями: «Одесские улицы», «Одесские крыши», «Одесские пляжи», «Одесские дворы». Почти каждая фотография вызывала у меня ощущение дежавю и, как «прустовское печеньице», открывала

плотину для обвала воспоминаний. Особенно близки мне снимки дворов и моря.

О, море, море! Как много оно значило для меня! С раннего детства я ходила с папой в порт и в ближние Хлебную и Нефтяную гавани. Мы любили стоять на пирсе и смотреть на отходящие пароходы. «Что там?» – спрашивала я, всматриваясь в море, и папа торжественно отвечал: «Там Турция!». В нашу гавань заходили корабли из далеких стран, они стояли на рейде, будоражили воображение, рождали мечты о путешествиях и приключениях.

…Я закрываю глаза и физически ощущаю морской ветер, шум волн, запах водорослей, соленую до горечи черноморскую воду, теплую и мутную у берега, холодную и прозрачную на глубине, раскаленный, обжигающий ступни песок.

Я вижу, будто под увеличительным стеклом, шоколадные гладкие камешки гальки, матовые, обкатанные морем кусочки бутылочного стекла, ракушки, мидии.

…Я вижу, как дрожит полоса лунного света на поверхности моря, и прожекторы сторожевых судов выхватывают из кромешной тьмы нас, сидящих на камнях… Мне вовек не забыть море, лето, детство, счастье!

Оказывается, картинки, виденные в детстве, не стерлись из памяти бесследно. Вот еще несколько, про мой одесский двор.

Мое детство прошло в рабочем районе Пересыпи с приземистыми одно- и двухэтажными домами, квартирами «без претензий», внутренними дворами, крытыми галереями. С улицы во двор входили через тяжелые деревянные ворота, по бокам которых стояли тяжелые тумбы. Это был старый двор, заасфальтированный в центре и поросший травой в закутках, с сине-зелеными импрессионистическими тенями на облупившихся стенах, с многочисленными каменными пристроечками, деревянными верандочками, балкончиками, палисадничками и хлипкими заборчиками, выкрашенными бессмертной зеленой краской. Мне памятны развешанные по двору веревки с бельем, кран в центре двора, а вокруг него лоханки и ведра, большое дерево шелковицы, дворовые кошки и собаки… Наш двор населяли последние из могикан – люди, пережившие войну и оккупацию. Чуть ли не ежедневно у нас происходили «драмы на море» – ссоры, скандалы, драки, а еще свадьбы, проводы в армию, похороны, поминки. Мы, дети, любили смотреть эти дворовые спектакли.

В центре города я бывала редко, это всегда было связано с такими экстраординарными событиями, как поход в музей, цирк, театр или на демонстрацию трудящихся 1 Мая и 7 ноября. В Город надо было долго ехать трамваем, и для меня это всегда было упоительно-радостным путешествием. Одесский трамвай я вспоминаю с особой нежностью.

Мы с папой любили гулять по улицам и рассматривать дома, несущие печать всех архитектурных стилей. За пышностью парадных подъездов и арок в глубине дворов протекала повседневная жизнь одесситов, именно такая, какой ее зафиксировал фотообъектив Ильи Гершберга. Особенно нравились мне прямые тенистые улицы в районе между Торговой и Преображенской, может быть потому, что здесь, в родильном отделении одесского мединститута на Ольгиевской, я появилась на свет. Почему здесь – не знаю. Так угодно было судьбе, и я на нее не в обиде.

Наши прогулки часто заканчивались в сквере на Соборной площади, где гремела легендарная «фанатка» футбольных болельщиков, и детям приближаться к ней категорически запрещалось. На Соборке можно было покататься на лошадке-пони, запряженной в коляску с кожаными сидениями. Там были дальние аллеи, фонтан, горка, заборчик – там было много соблазнов, и венцом всему – о счастье! – мраморный столик кафе, за которым я ела мороженое в серебряной вазочке или лакомилась пи-

рожным лодочка, запивая сладким ситро с пузырьками. В общем, сквер на Соборной площади не единожды озарял радостью мое детство.

* * *

В начале 60-х годов журналист Евгений Голубовский познакомил Дика (так звали Илью Гершберга друзья) с одесскими художниками-неформалами – молодыми людьми, создающими в Одессе новое искусство, много позже их стали называть вторым авангардом или нонконформистами. Дик дружил со многими из них, посещал их квартиры-мастерские и запечатлел на фотопленку не только их лица, но и многие события художественной жизни тех баснословных лет (знал фотограф или догадывался?!). «Общение с художниками, просмотр работ, комментарии Голубовского стали замечательной школой: развивали художественный вкус, чувство цвета и композиции», – писал Гершберг. В его архиве сохранились снимки «Заборной выставки» – первой не санкционированной художественной акции в СССР. 8 мая 1967 г. молодые художники-авангардисты повесили свои работы на заборе ремонтирующегося оперного театра. Это был акт сопротивления официальному искусству. Выставка продлилась три часа. Сегодня благодаря фотографиям Гершберга мы видим, как это было.

Жизненную и творческую энергию родного города я ощущала с детских лет, но в 60-е я, очевидно, была еще слишком молода, чтобы в полной мере осознать, что в нашем городе создается новое искусство. Мой будущий муж А.Б. Галинский жил на улице Бебеля, 20, а напротив, в доме № 19, жили художники Ястреб и Маринюк, и у них в квартире устраивались неофициальные выставки, но мы об этом тогда ничего не знали. И все же одного художника, стоящего у истоков второго авангарда, я знала. Олег Соколов, поэт и художник, был, по определению Голубовского, «человеком оттепели», он работал в Одесском музее западного и восточного искусства и устраивал у себя дома «квартирники» для одесской интеллигенции. Известно, что Илья Гершберг посещал «соколовские среды». Однажды и меня кто-то из старших друзей привел к Соколову. Из того посещения я мало что и кого запомнила, кроме самого Олега Аркадьевича, с которым мне вскоре предстояли встречи, о чем я тогда и не догадывалась.

В десятом классе я неожиданно для себя оказалась вхожа в полулегальную тусовку, происходившую по вечерам в Музее западного и восточного искусства. Это был Клуб светомузыки имени Чюрлениса, созданный Соколовым, где творческие люди искали связь между цветом, словом и музыкой. И вот здесь я увидела «жизнь других»! На заседания клуба я ходила, как на тайные сеансы спиритизма. «Другим» там было для меня все: и незнакомая музыка, и странные картины, удивлявшие своими пропорциями, ракурсами, цветами, и споры умных, образованных, стильно одетых людей, от которых прямо-таки распространялось электрическое поле, заряженное свободой. Но недолго музыка играла! Эйфорию прервал мой папа, решительно настояв на прекращении моих вечерних посиделок, да и к выпускным экзаменам надо было готовиться. Но все же я успела впитать в себя новые имена, образы, звуки и начала улавливать нездешние сладковатые соблазнительные ветерки, летевшие издалека. Что это было? А это прорывались через границы железного занавеса ветры западной культуры, иной цивилизации. Именно тогда во мне пробудилась жажда иных знаний и иного бытоустройства – личного, отдельного, несколько конфликтующего со всенародно общим. Так я вступила на путь исправления судьбы и приобщения к миру европейской культуры, да и просто – к миру!

* * *

В 1991 году Илья Моисеевич Гершберг репатриировался в Израиль и более двадцати пяти лет работал фотожурналистом и жил в городе Хайфа. Его огромная коллекция аналоговых черно-белых фотографий – настоящая «повесть временных лет». Оригинальные авторские пленочные негативы хранятся в семейном архиве.

Связь черно-белых фотографий Гершберга с фрагментами черно-белого кино «До свидания, мальчики» Калика абсолютно логична и стилистически оправдана.

На выставке в Рамат-Гане фрагменты фильма идут на большом экране прямо в экспозиции, среди фотографий Гершберга. Посетители смотрят прозрачные, освещенные солнцем кадры, полные визуальных метафор, от которых невозможно оторваться: блики на воде, набегающая на песок волна, белый корабль – неповторимый почерк Калика! Есть и еще один участник выставки – музыка Микаэла Таривердиева, написанная к фильму, – нежная, щемящая, прекрасная, о которой Михаил Калик говорил: «Она вытаскивает смысл фильма, его гармонию, его симфоническую структуру построения». Оформление выставки строгое и гармоничное – цвет, композиция, тексты аннотаций, музыка – все вместе создает грустное ностальгически-минорное настроение.

В черно-белую гармонию фотографии и кино включены также две монументальные работы из текстиля современной израильской художницы Саши Стояновой (1957 г. рождения) – «Молитва» и «Ждущие». Стоянова – одесситка, родилась и выросла в Одессе, окончила оформительский факультет Одесского театрального училища и Львовскую академию декоративно-прикладного искусства, работала театральным художником, увлекалась фотографией, дружила с Ильей Гершбергом, а в 1995-м репатриировалась в Израиль. То, что делает Стоянова, описать непросто. Художница ткет огромные ковры – шпалеры, причем все процессы – от крашения шерсти до самого ткачества – она выполняет сама.

Стенные ковры-картины мне очень понравились. Во-первых, они черно-белые, как и старые фотографии, и это придает им строгость и аскетизм. Во-вторых, в таких, казалось бы,

традиционных вещах, как ковры, она создает обобщенно философские образы, глядя на которые, зритель невольно начинает их интерпретировать, искать глубинные смыслы, аналогии, вспоминать и фантазировать. В-третьих, и это очевидно, художница виртуозно владеет материалом и техникой обработки пряжи, что так необычно в современном искусстве. Чего только стоит так называемая растяжка цвета, переход от холодного к теплому, от светлого к темному, а ведь это не живопись, Саша Стоянова делает это нитками! В ее арсенале до сорока оттенков серого, да и гамма от коричневого до рыжеватого тоже имеет множество оттенков. Стоянова создала особый художественный язык и сумела текстильные работы поднять до высокой степени искусства.

Шпалеры, создаваемые художницей-одесситкой, известны по всему миру: Стоянова участница многих значимых выставок. Ее произведения художественного текстиля находятся в собраниях Метрополитен-музея, Художественного музея Толедо (Огайо, США), в Тель-Авивском художественном музее и в частных коллекциях разных стран мира. Сложные с высокой степенью обобщения концептуальные образы Саши Стояновой зрители наполняют собственным разнообразным содержанием – мыслями, эмоциями, аналогиями, смыслами, рождающимися в их головах. Названия работ просты, но метафоричны и многослойны. Восьмиметровая «Молитва»: длинный ряд пустых стульев… Это стулья ожидания, стулья, предназначенные для молитвы? Молитвы за здоровье близких? А может, они знак расставания? Ведь овца – архетипический образ и символ жертвоприношения. В работе из серии «Ждущие» (3,5 м) совсем другие тревожно-метафорические образы: земной и скорбный семейный портрет с собакой, похожий на старую фотографию родственников, периодически возникающую в памяти и требующую какого-то ответа. Чего они так безнадежно ждут? Наверное, это воспоминания художницы о ее близких, о доме в Одессе. Облик персонажей в контексте современных трагических событий вызывает ассоциации с беженцами из Украины.

Вот такая одесская выставка открылась в израильском городе Рамат-Ган.

* * *

В 60-х в Одессе было много примет счастья – наша бессмертная юность, наш романтичный неунывающий мировой город, наша свобода, наша уникальная история, наше искусство, наше море и лодка под парусом – счастливое будущее не подвергалось сомнению…

Свой очерк я, пожалуй, завершу пушкинским восьмистишием:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Тель-Авив

Феликс Кохрихт

Алексей Ботвинов: высокое призвание «Odessa Classics»

За время выхода альманаха (с 2020) сложилась традиция: второй в году номер выходит в июне, когда в Одессе начинается театрально-концертный сезон. Начиная с 2015 его украшением и «приманкой» для знатоков и любителей высокой музыки стал Международный фестиваль «Odessa Classics» – детище народного артиста Украины, лауреата международных конкурсов. Алексея Ботвинова. Фестиваль вошел в строгий престижный список событий культурной жизни Европы и стал сценой для выступлений выдающихся музыкантов современности. Одесситы обрели не только редкую возможность внимать их искусству, но и обязанности гостеприимных хозяев, с которыми город справлялся… Так было и в 2021 году, омраченном эпидемией ковида, когда Одесса стала единственным городом Европы, где звучала живая музыка и звезды классического искусства играли для зрителей, заполнявших залы.

И вот война – тяжелейшее испытание для нашей страны, города, для нас. Опять же, по многолетней традиции дружбы, связывающей меня с Алексеем, я готовился к интервью с ним в конце марта, чтобы к июньскому девяносто третьему номеру рассказать о том, как и чем живет сегодня президент фестиваля. Я, конечно же, знаю о том, что уже более года афиши «Odessa Classics» приглашают на концерты не одесситов, а граждан европейских стран. Что цель Ботвинова – не только познакомить их с шедевра-

ми отечественной музыки, но и привлечь внимание к тяготам и горестям граждан Украины. И это ему вполне удается. Более того – исполнители и слушатели после концертов собирают средства в помощь нашей стране.

Зная занятость Алексея, я передал ему вопросы и попросил ответить на них не в стилистике привычного для нас диалога, а одним текстом, что он и сделал. Важно вот что: наш разговор по «Вайберу» состоялся в день рождения великого музыканта Святослава Рихтера, личность и судьба которого определенным образом связана с нашей семьей и одесской фортепианной школой.

Слово Алексею Ботвинову.

Одесская пианистическая школа известна и уважаема в разных странах и континентах. Конечно, самые яркие звезды – это гиганты мирового искусства Рихтер и Гилельс, но и многие другие представители одесской школы любимы и почитаемы во всем мире. Я горжусь своей принадлежностью к славной плеяде одесских пианистов, причем во многом эта школа тесно связана с великим Нейгаузом. Моя первая учитель Серафима Леонидовна Могилевская была ученицей и ассистентом Генриха Густавовича, близко знала и дружила и с Рихтером, и с Гилельсом. Я воспитывался по четким принципам нейгаузовского подхода к музыке – они стали для меня близкими и родными с детства, но только много позже я осознал истинное величие этой школы, ее универсальный, глобальный масштаб.

Я хотел бы выступить инициатором идеи увековечения памяти Серафимы Могилевской на нашей одесской Аллее Славы – Серафима Леонидовна, безусловно, этого заслуживает.

Понимание места одесской музыкальной школы – истинной Мекки высокого искусства для музыкантов всего мира – стало одним из триггеров для моего решения создать фестиваль классической музыки. «Odessa Classics» задумывался как «европейский фестиваль – для европейского города». И, думаю, нам с 2015 по 2021 год удалось сделать действительно много для прославления Одессы в мире, для воссоздания связей нашего города с европейским культурным ландшафтом.

Кстати, даже в два сложных ковидных года наш фестиваль не останавливался, мы с большим успехом провели «Odessa

Classics» в 2020-2021 гг. и были одними из немногих европейских фестивалей, которые не взяли паузу, но смогли устоять и порадовать нашу аудиторию – и приглашенных иностранных звезд. Для многих артистов одесские выступления были единственными за шесть-двенадцать месяцев. Конечно, страшная война с Россией сделала невозможным проведение фестиваля в Одессе в 2022 году, и перед нами возник вызов, вначале казавшийся неподъемным – перенести фестивальный проект на европейские концертные площадки.

Однако, по всей видимости, мое желание спасти фестиваль от забвения было столь сильным, что коллеги и друзья из разных стран протянули руку помощи. Нам вместе удалось провести «Odessa Classics» в Таллинне (четыре концерта), греческих Салониках (пять концертов), культовом Бетховенском доме в немецком Бонне (семь концертов), а также гала-концерты в Вильнюсе и Варшаве. Причем уровень фестивальной программы полностью соответствовал высокой планке, которой славился родной, одесский проект.

Открытие первого фестивального проекта в Эстонии с участием давнего друга фестиваля Даниэля Хоупа и Эстонского национального оркестра транслировалось на много стран по каналу ARTE; фестиваль в Салониках проходил при поддержке правительства Греции, был даже снят большой документальный фильм, премьера которого по первому каналу греческого ТВ состоялась 24 февраля 2023 года. Там на концерте открытия фестиваля блистал ведущий баритон планеты Томас Хэмпсон. Я тоже был солистом в концерте Моцарта с оркестром, и после моего исполнения «Мелодии» Скорика на бис весь зал встал, и в аудитории оказалось много украинцев с национальными флагами – в этот момент зал филармонии Салоник стал похожим на что-то вроде финала Евровидения, и это было незабываемо… В концерте, открывавшем проект в Бонне, мне посчастливилось музицировать с Пинхасом Цукерманом, Михаэлем Баренбоймом, Даниэлем Хоупом. На гала-концерт Национального оркестра в Вильнюсе билеты были раскуплены за месяц, по мнению местных коллег, он стал одним из самых ярких событий музыкальной жизни Литвы прошлого года. На концерте в Варшаве с Оркестром Польско-

Перед началом фестиваля в Таллинне. Алексей Ботвинов с другом Одессы Меэлисом Кубитсом

го радио я исполнил мой любимейший украинский концерт для рояля с оркестром – «Аве Мария» крымского гения Алемдара Караманова, это была польская премьера этого концерта.

В феврале 2023 состоялся фестиваль из трех концертов «Odessa Classics» в Цюрихе», в котором, кстати, выступили братья Федюрко. Роман Федюрко хорошо известен одесской публике, он обладатель Гран-при Первого конкурса имени Серафимы Могилевской, который проводился в рамках нашего одесского фестиваля.

Мы презентовали уникальный дуэт талантливейших юных пианистов кроме Цюриха также и в Таллинне, и в Бонне – и каждый раз это был сенсационный успех. Я очень рад, что моя многолетняя деятельность по поддержке молодых талантов находит такой успех в европейском музыкальном сообществе – это еще один из удачных аспектов продвижения проекта «Odessa Classics» в мире и, конечно же, серьезная поддержка молодого поколения украинских пианистов.

В программе европейских проектов «Odessa Classics» выступали артисты – друзья одесского фестиваля, ставшие любимцами украинской аудитории: Даниэль Хоуп, Майкл Гуттман, Джинг

Алексей Ботвинов в лучшем концертном зале Швейцарии – «Тонхалле»

Цзао, Гедиминас Гелготас, ансамбль «AIR», Симос Папанас, Мирослава Которович. Хочу отметить особую роль давнего верного друга Одессы, Украины и нашего фестиваля Мэелиса Кубитса. Не случайно самый первый проект «Odessa Classics» состоялся в Эстонии – Мэелис выступил соорганизатором, и таллинский проект прошел на высочайшем уровне. Кстати, при поддержке Мэелиса на концертах фестиваля были собраны средства в поддержку Украины и, в частности, Одессы – более ста тысяч евро личных средств эстонских зрителей.

Вот и в 2023 году самый масштабный фестиваль состоится в Эстонии. «Odessa Classics» в Таллинне будет состоять из восьми концертов. Среди участников – Национальный оркестр Эстонии, ансамбль «AIR», Даниэль Хоуп. Себастиан Кнауэр, Михаил Шишкин, Януш Вавровский и другие. Мы готовим фестиваль этого лета в Эстонии, но очень ждем и верим, что в следующем году фестиваль вернется домой, в любимую Одессу.

Переполненный зал филармонии Вильнюса

Я хочу особенно отметить, что практически во всех фестивальных концертах мы уделяем особое внимание пропаганде творчества выдающихся украинских композиторов – к примеру, Валентина Сильвестрова, Мирослава Скорика, Алемдара Караманова. Я очень горжусь тем, что в 2022 году вышли две записи на ведущей мировой фирме «Дойче граммофон» – совместно с Д. Хоупом мы записали авторский диск Сильвестрова, а также сборный проект украинской музыки, трек «Мелодии» Скорика из которого попал на вершины хит-парадов во многих странах и континентах. Насколько мне известно, к примеру, на Apple Music это было вообще впервые, когда украинская музыка занимала бы первое место по продажам за месяц в мире. Замечу, что эта запись была сделана на исключительно благотворительных основах – и мы с Даниэлем Хоупом, и все, принимавшие участие в создании записи, делали это бесплатно, а все доходы от продаж пошли на помощь Украине.

Литовский ансамбль NICO

Deutsche Welle, Германия

«До последнего места заполненный зал Бетховенского дома в Бонне приветствовал музыкальную программу президента фестиваля пианиста Алексея Ботвинова и польского скрипача Януша Вавровского. Выбор произведений подчеркивал солидарность, поэтому рядом с музыкой украинских классиков Скорика и Сильвестрова прозвучал «Fratres» («Братья») эстонца Арво Пярта. Алексей Ботвинов рассказал в интервью Deutsche Welle, что «народы Европы стоят плечом к плечу, как братья, рядом с украинским народом в его борьбе».

Tages-Anzeiger Zürich, Швейцария

«Более 20 лет назад Алексей Ботвинов прославился своими «Гольдберг вариациями» Баха для Цюрихского балета, никто в мире так много и превосходно не исполнял этот 90-минутный шедевр, многими специалистами считающийся самым сложным произведением для фортепиано.

Выдающийся скрипач Даниэль Хоуп и ансамбль AIR в древневизантийском храме в Греции

Фестиваль «Odessa Classics in Zürich» должен стать культурным мостом между Украиной и Швейцарией».

Delfi, Таллинн, Эстония

«А. Ботвинов: Эстония была моим первым выбором, потому что и у меня лично, и у фестиваля особая связь с Эстонией. Наш первый фестиваль в 2015 году стал возможен благодаря огромной поддержке эстонских друзей, особенно Меэлиса Кубитса. Ансамбль «Hortus Musicus» Андреса Мустонена и «Art Jazz Quartet» очень успешно выступили на фестивале в том и следующем году. Мы приглашали национальный симфонический оркестр ERSO в Одессу в 2020 году, но они не смогли приехать из-за коронавируса. На следующий год повторилось то же самое.

В 2022 мы были абсолютно уверены, что ERSO откроет наш фестиваль концертами 2 и 3 июня в Одесском театре оперы и балета. Из-за войны это стало невозможно, но мы подумали, что правильно будет начать фестиваль с концерта ERSO – да, не в Одессе, но в Таллинне. Мы очень хотели, чтобы этот оркестр стал частью истории фестиваля. Для меня важно привезти «Odessa Classics» в Эстонию еще и потому, что ваш народ – один из лучших друзей Украины, и мы все это очень сильно чувствуем в это непростое время.

Виктор Мамонтов

Евгению Лукашову – 75 лет

На премьере фильма «Одесские Толстые. Кто они?» был приятно удивлен, когда режиссер Игорь Петров-Козловский подчеркнул, что не ошибся, пригласив Евгения Отаровича Лукашова на роль основателя одесской «Скорой помощи» Якова Бардаха. И действительно, Лукашов создал запоминающийся образ интеллигентного человека, посвятившего жизнь медицине. Я выразил Лукашову свое восхищение:

– Евгений Отарович, так вы ко всему еще и хороший киноартист!

А в ответ услышал:

– Это не первая роль. Снимался на Мосфильме и Одесской киностудии. К примеру, в «Тайнах старого хронометра». По молодости, как говорят, хотелось познать побольше.

Проверка на зрелость

На одной из творческих встреч Евгений Отарович сказал: «Всем, что есть во мне хорошего, я обязан людям одержимым, в лучшем смысле этого слова. И, конечно же, перво-наперво матери и отцу».

Его мама Констанца Феликсовна была солисткой балета в Харькове, затем в знаменитом ансамбле Игоря Моисеева в Москве. Позже Павел Вирский пригласил ее в Киев. Многие годы проработала балетмейстером в Одессе, где и родился Евгений.

– Мама была моим настоящим большим другом, – рассказывал Евгений Отарович. – Она влюбила меня в море, в красоту природы, в искусство и приучила к тому, что все в этой жизни достигается упорным трудом. Ее очень уважали коллеги и ученики, чем я бесконечно горжусь.

– А что скажете об отце?

– Отар Михайлович был юристом. А еще его знали как известного грузинского шахматиста. Фронтовик. Многих боевых наград удостоен. Выходец из старинного дворянского рода.

– Не от него ли передалось пристрастие к танцам и покорению гор?

– Не знаю, может быть. Но в балетную школу меня отвела мама. С десяти лет я начал танцевать в одесском оперном, в детском спектакле «Щелкунчик» и в других постановках. А когда в 1963 году в Одессе премьерно представили балет Хачатуряна «Спартак», я исполнил в нем уже три партии.

– Вам прочили успех, но вы оставили балет. Почему?

– Верх взяла музыка. Уже когда занимался фортепиано в музыкальной школе, я прикипел к ней душой.

– Можно подумать, что вы росли эдаким нарциссом в саду искусства.

– Да боже упаси! Как только удавалось, рвался на улицу. Заплывал далеко в море на надувной автомобильной камере, дрался с мальчишками. Бывало, и уроки в школе пропускал.

– А как проходило становление вашей творческой натуры?

– Сначала была эстрада. В разных музыкальных коллективах проходил проверку на зрелость. Продолжал музыкальное образование. А в тот день, когда пригласили в Одесскую филармонию пианистом первой категории, будто побывал на седьмом небе.

Со временем к Лукашову пришла известность, и он стал своим человеком в кругу знаменитостей. Памятными стали для него встречи с Юрием Гагариным, Евгением Светлановым, Тихоном Хренниковым, Павлом Вирским, Вольфом Мессингом. Поэт Андрей Вознесенский написал тогда: «Дай Бог Евгению и смелости, и счастья».

– Евгений Отарович, а когда и от чего вы испытывали это самое счастье?

– Да хотя бы от гастролей. По всему Советскому Союзу ездил. Аккомпанировал звездам эстрады, певцам. В Одессе был в одной связке с Глебом Драновым. Анатолием Рихтером. Играл на аккордеоне. Руководил эстрадным оркестром Одесского сельхозинститута. Как пианист выступал и за рубежом. Много хорошего помнится. И я стараюсь отдавать людям сполна то, что получил от них, – тепло и доброту.

– А почему Андрей Вознесенский попросил у Бога для вас именно смелости?

– Андрей знал о моих небезопасных походах в горы за самоцветами, в тайгу, где не так-то просто все складывалось.

– Не зря и известный поэт Николай Базилев посвятил вам стихотворение «До скорого!..». Оно начинается так: «Опять уходит друг в края, где ни тропинок, ни дорожек. Помилуй Бог, там даже хлебных крошек не оказаться может вдруг».

– Как-то побывал на выставке самоцветов. Решил собрать собственную коллекцию. И началось – Урал, Хабаровский край, Камчатка, Бурятия, Крым, Казахстанские рудники, Волынь. Коллекция получилась. После того как ее отметили наградой на ВДНХ, решил создать народный музей «Самоцветы СНГ». С экспозицией побывал в Болгарии, Италии, Никарагуа, бывшей Югославии и в других странах. И доныне там хранятся подаренные мною самоцветы.

– Не жаль было расставаться с драгоценностями?

– Ничуточки. Разве можно сожалеть о том, что приносит людям радость? Пусть они наслаждаются таинственными автографами природы. Первозданная прелесть самоцветов рождает душевное спокойствие.

– Теперь мне ясно, почему вы так щедро раздариваете и картины из своей коллекции.

– Именно поэтому. Прекрасное мгновение должно останавливаться не только для меня.

Евгений Отарович рассказал, что увлечение картинами началось с детства после посещений Музея западного и восточного искусства, неподалеку от которого он жил.

Бывал в мастерских художников, подружился с ними. В частности, с Фраерманом, Зайченко. Дружил с дочерью Костанди. Ему подарили картины Вера Акимович, Марфа Цомакион, академик живописи Божий, незабвенные мастера кисти Злочевский, Беспалов, Лоза и многие другие.

– Вы провели сотни выставок, стали почетным членом Национального союза художников Украины. А сами не пробовали писать картины?

– Не отважился. Но рад, что проводимые мною выставки вызывают интерес у зрителей. Особое удовлетворение испытываю оттого, что в селе Кордон Лиманского района при

большом стечении людей открыл народную галерею из шестидесяти двух картин моей коллекции. Подарил их сельскому Дому культуры.

– В вашем творческом багаже есть книга стихов «Желаю вам». А не посещала ли вас мысль о написании воспоминаний о былом? На мой взгляд, у вас получились бы интересные мемуары. Вы ведь принимали участие в разработке концепции образования в Одессе, были членом жюри всеукраинских и международных фестивалей, конкурсов, смотров молодых талантов и комиссии по присуждению премии имени Дерибаса.

– Надо подумать. Действительно, есть о чем рассказать. Вот сейчас вспомнилось, как в 1986 году выступал с концертом перед чернобыльцами-ликвидаторами. После землетрясения в Спитаке играл «Реквием» Арама Хачатуряна из балета «Спартак». Люди стоя со слезами на глазах слушали музыку. Памятны выступления перед воинами – участниками АТО.

Евгений Отарович постоянно занимается благотворительной деятельностью. Как пианист выступил на сотнях концертах и продолжает выступать на безвозмездной основе. Спонсировал издание каталогов выставок работ художников, сборников научных статей. Музею еврейской культуры передал в дар рисунки еврейских художников. Свято-Архангело-Михайловскому женскому монастырю – старинные иконы, книги. Для одного из концертных залов приобрел рояль «Блютнер». В различные фонды подарил более трехсот уникальных предметов культурного наследия. В 1996 году была учреждена стипендия для одаренных детей имени Е.О. Лукашова.

Подвижнический труд заслуженного работника культуры Украины, почетного доктора искусствоведения, профессора культурологии Лукашова по достоинству оценен обществом. Евгений Отарович награжден орденами «За заслуги» третьей степени, «За гуманизм и милосердие», «Рождество Христово», медалями – международными золотыми «За укрепление мира» и «Борец за мир», «Чернобыль. За гуманизм», «Милосердие и благородство» и другими знаками отличия. Имя Е.О. Лукашова занесено в энциклопедию «Одессика».

Наталья Бржестовская

Пороники: два брата, две личности, две творческие единицы

Слева Игорь Пороник, справа – Эдуард Пороник

Можно ли самому прочертить свою судьбу, нарисовать линию жизни? Какие краски, тона и приемы при этом использовать?

Представляю, что так примерно рассуждали братья Пороники в начале своего пути, определяя в нежном возрасте, кем стать, делать бы жизнь с кого, – свое предназначение. Я была уверена, что они родные братья: одна запоминающаяся фамилия, сходство налицо и уж слишком оба яркие. Но нет, родные братья у них отцы.

Игорь Пороник – архитектор. Эдуард Пороник – художник.

В арт-среде Одессы *Эдуард Пороник* – фигура заметная. Мимо его работ на вернисажах пройти трудно – притягивают взгляд. Его образы интригуют. Одному ему известным колористическим приемом он минимально использует цвета. И своей неповторимой творческой манере выражать эмоции и ощущения художник верен много лет. Пороник-младший пишет белым

по белому. Переносит на бумагу и холст то особое состояние воздуха, которое случается наблюдать туманным утром или при особом солнечном освещении, когда мир будто растворяется в свете. Мир, открывающийся в его композициях, похож на сновидение, на мираж. А кто может с уверенностью утверждать, что наш мир, наша галактика, вселенная абсолютно реальны, а не являются только нашим представлением о них?..

Азами изобразительного искусства Эдуард Пороник овладел в Детской художественной школе им. К. Костанди, продолжил обучение в Грековке, завершил на худграфе одесского педина.

Игорь Пороник выбрал факультет архитектуры Одесского инженерно-строительного института (ОИСИ), ныне – ОГАСА. Архитектурное образование давало широкий спектр знаний, заключающих в себе как строительную физику и механику, так и тот же рисунок, живопись, графику, историю искусств и градостроительства. Выбор для приложения творческих амбиций велик.

Английская пословица гласит: «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, какое у тебя будущее». Игорю повезло с друзьями. Да, были определенные задатки. Но рано взял в руки карандаш благодаря старшим товарищам, которые прививали ему первые навыки рисования, учили грунтовать холст, писать маслом. Двенадцати-тринадцатилетним мальчишкой Игорь наблюдал, как его «наставники» сами мастерят мольберты, этюдники. А потом, вооружившись ими, вместе они выезжали на пленэры, правда, слова такого они тогда еще не знали.

* * *

Эдуард Пороник склонен думать, что своими способностями обязан отцу, у которого от природы были поставлены глаз и рука. Любил рисовать. Но ребенку войны, потерявшему на фронте отца, рано пришлось повзрослеть, став старшим в семье. Время было трудное. А мама любила петь, даже участвовала в конкурсах. Но рано стала работать, выбрав вполне земную профессию. Мечты родителей воплотили их дети: дочка получила музыкальное образование, сын – художественное. Как и у отца, у Эдуарда была склонность к рисованию с юных лет. Когда школьная учительница заметила способности

у шестиклассника, то посоветовала родителям отдать мальчика в художественную школу. Шел октябрь, набор в школу Костанди закончился. Но одна учительница, обратив внимание на растерявшегося мальчишку с отцом у дверей, улыбнулась и сказала: «У меня уже и так перебор – двадцать пять человек, ну будешь двадцать шестым». И взяла. Так Галина Березина стала первой наставницей будущего художника. Тоже посчастливилось встретить хороших людей в начале пути. Будущий живописец получил такую базу знаний, что через три года без труда поступил в Грековку на живописно-педагогическое отделение. И там с педагогами повезло: Валентин Филиппенко, Геннадий Гармидер, Галина Лекарева-Никитина… Защищал диплом у Якова Васильевича Киричека.

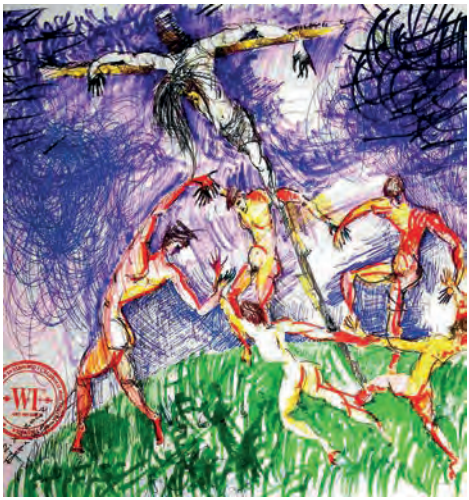
«Скажи мне, кто твои друзья…»

Вот так увлечения братьев определили их дальнейшую судьбу. По окончании худграфа способному студенту Эдуарду Пороникy предложили остаться работать в вузе. Девять лет параллельно с творческой работой он преподавал в педине. А когда Валерий Уренев увел за собой лучших педагогов в Академию строительства и архитектуры на открывшееся новое отделение, вместе с ними ушел и Эдуард, связав на долгие годы свою жизнь с вузом, который оканчивал его брат Игорь. А отделение, на котором стал работать старший преподаватель кафедры рисунка, живописи и архитектурной графики Эдуард Пороник, скоро получило статус Архитектурно-художественного института и стало одним из престижнейших в Одессе. За годы преподавательской работы он выпустил не один десяток дипломированных художников. Среди его учеников – Виталий Парастюк, график, офортист, который входит в десятку лучших экслибрисистов мира. И талантливый живописец Наташа Лоза – тоже его ученица.

* * *

Тем временем молодой дипломированный архитектор Игорь Пороник получил место специалиста в Областном управлении охраны объектов культурного наследия.

Каждый из братьев шел своим путем. Их дороги пересеклись в 1986-87 годах, когда при управлении, где работал Игорь, на ули-



Работы Игоря Пороника

Работы Эдуарда Пороника

це Гоголя, 2, открыли выставочный зал народного творчества. Галерей в городе еще не было. Там-то и стали организовываться выставки работ молодых амбициозных одесских живописцев и графиков. К тому времени Игорь Пороник активно работал в области графического дизайна, являлся автором плакатов и логотипов. Занимался оформлением книг.

Вернисажи продолжились и в зале «Унион», когда управление переехало на улицу Троицкую, 43.

90-е годы – интересное время, когда художественные галереи в Одессе росли, как грибы. После вынужденных квартирников художники получили возможность свободно выставлять свои работы. Открыл галерею и Эдуард Пороник. Интересные были проекты. Самый нашумевший из них – «Две тысячи лет под звездой Вифлеема» – охватил музейные площадки города и даже сцену оперного театра. В то время художников частенько приглашали в Киев для участия в творческих конкурсах и фестивалях, оплачивали им поездки. Но в середине двухтысячных галереи Одессы стали, как шагреневая кожа, ужиматься, а их число – сокращаться. Закрывались маленькие творческие центры, такие как «Либерти», «Тирс», «Диалог», «Амис», и такие крупные, масштабные, как Морская галерея.

Сегодня работы Эдуарда Пороника можно найти в Интернете. Кроме того, салонные картины небольшого формата, которые художник называет мухами, представлены в галерея «Муза». Главное, есть имя, есть любимое дело. «Из всех людей только художнику дана свобода», – писал Сомерсет Моэм. Это точно об Эдуарде Геннадиевиче. Он принципиально не вступает в Союз художников, не видит в этом смысла. Когда-то являлся членом молодежной секции СХ. Теперь считает это объединение анахронизмом, порождением советского времени, задачей которого было обеспечивать художников заказами. А заказывали то, что требовала партия. Какая уж тут свобода? Сегодня положение этой устаревшей структуры еще печальней. Пороник уверен: все, что там происходит, давно себя изжило. Кто как не СХ призван помогать молодым талантам, дать им возможность себя проявить, представлять их на столичных и международных площадках? А в выставках, организуемых Союзом, участвуют одни и те же люди. Была у Эдуарда мастерская, выделенная СХ, – отказался.

Еще не так давно художники ходили друг к другу в мастерские, показывали и обсуждали работы. Были дебаты, споры до хрипоты. А потом что-то произошло. Такого братства, открытости не стало.

Такой вот диссидент в одесской художественной среде. Сам по себе. «Не люблю бегать в стае», – ответствует Эдуард Пороник, когда мучают вопросами.

Игорь Пороник умеет работать в команде. Восемнадцать лет проработал в управлении охраны объектов культурного наследия, был начальником отдела ремонта и реставрации, использования и эксплуатации. Хорошо был знаком с памятником архитектуры национального значения – Музеем западного и восточного искусства, с тех самых времен, когда в 2003 году его укрепляли сваями. Знал не понаслышке о состоянии музейного комплекса.

Семь лет назад Игорю Поронику предложили возглавить музей: должны были начаться масштабные реставрационные работы: «Кому как не тебе? Ты знаешь объект как свои пять пальцев. Поработай годик-два». Но время должности исполняющего обязанности директора музея растянулось на семь лет. Так архитектор стал музейщиком. При нем был обновлен античный зал, сделано новое освещение в выставочных залах, модернизирована система наблюдения. Наконец создали электронную базу музейной коллекции, оцифровали фотографии и документы со всей нужной информацией.

Вместе с многочисленными музейными проблемами и заботами получил Игорь Борисович в наследство головную боль с громким названием Караваджо. Напомню: единственное в Украине полотно великого итальянца эпохи Возрождения «Поцелуй Иуды, или Взятие Христа под стражу» было похищено из Одесского музея западного и восточного искусства еще в 2008 году. Летом 2010-го берлинская полиция задержала злоумышленников, и в сентябре того же года власти Германии вернули спасенный шедевр, которому была необходима срочная тщательная реставрация. Так картина оказалась в Киевском национальном научно-исследовательском реставрационном центре. И тут вступила в свою силу неповоротливость украинской бюрократии. Все последующие годы прошли в переписке музейного руководства

с судебными и прокурорскими органами, полагавшими, что вещественное доказательство, коим являлся и является «Поцелуй Иуды», нужно сохранять в том виде, в каком его вернули в Украину. Только через восемь лет после решения суда долгая борьба сотрудников Одесского музея западного и восточного искусства, его директора Игоря Пороника и председателя попечительского совета Юрия Маслова увенчалась успехом. В 2018 году с «вещдока» был снят запрет на реставрацию. А суды длятся до сих пор. Поменялся четвертый судья. Игорь Борисович пытался привлечь итальянских реставраторов, специалистов по Караваджо. Не разрешили. Восстановление шедевра продвигалось очень медленно. Помогло вмешательство Президента. Пороник лично обратился к Владимиру Зеленскому во время его визита в Одессу. Повлияла и приближавшаяся круглая дата – 450 лет со дня смерти Караваджо. И после десяти лет дело сдвинулось с мертвой точки. В августе 2021 года реставрация полотна Караваджо была завершена.

Работа Игоря Пороника

Как выздоравливающий больной, оно должно было еще какое-то время находиться под наблюдением и лишь после этого перевезено в Одессу. Но когда уже шла работа по передаче бесценного «вещдока» на хранение в одесский музей, началась подготовка здания к реставрации. Везти картину во время ремонта не имело смысла. А потом грянула война.

Так что, отреставрированное полотно Караваджо находится на ответственном хранении. А одесским ценителям прекрасного еще рано любоваться высоким искусством гения итальянского Возрождения.

Но в задачу руководителя музея входит не только сохранность коллекции музея, но и исторического здания, а также, с учетом войны, и коллектива.

Своего обновления все ждет дворец Абазы, памятник национального значения. С начала двухтысячных здесь ведутся локальные ремонты, хотя давно назрела необходимость масштабной реставрации. Игорю Поронику удалось довольно быстро провести подготовку проектной документации. Сказался его опыт работы в Управлении охраны объектов культурного наследия, знание подводных камней. Проект 2007 года ему был хорошо знаком, и удалось, экономя время и бюджетные деньги, не заказывая новый проект, внести корректировку в прежний. Когда проект был готов и прошел экспертизу, его удалось включить в президентскую программу «Велика реставрація».

Строители уже было приступили к подготовительным работам. Но 24 февраля началась война. Повторилась трагическая ситуация, которую музей однажды уже пережил, когда в 1941 году музейные ценности отправились в эвакуацию. Спустя восемьдесят лет коллекцию вновь экстренно паковали и готовили к вывозу. Страх был обоснованным. За год войны от рук российских оккупантов пострадали тридцать украинских музеев.

Когда под угрозой оказались общечеловеческие культурные ценности, подключились волонтерские организации, европейские институции. Со всеми предосторожностями музейную коллекцию ОГМЗВИ вывезли в безопасное место, где она должна находиться в благоприятных условиях до окончания войны. Но спустя некоторое время немецкие культурные институции предложили, не без инициативы директора одесского музея Игоря Пороника, представить одесское музейное собрание в Германии: живописную коллекцию – в Берлине, графическую – в Бремене. Немецкая сторона берет на себя все расходы по упаковке, транспортировке, охране, обеспечению климат-контроля музейных картин.

Сейчас оформляются разрешительные документы в Министерстве культуры Украины.

Кстати, немецко-украинское общество бизнеса и науки уже во время войны профинансировало работы по замене радиаторов в музее. А благодаря помощи благотворительных фондов музей получил новое оборудование, в том числе двадцать ком-

пьютеров. Часть из них осталась в ОГМЗВИ, другие отправились в региональные музеи.

Помогает Одессе и Вильнюсский национальный музей. Весной там будут экспонироваться два наших шедевра – полотна великого голландца Франса Хальса «Святой Лука» и «Святой Матфей». Поронику удалось наладить контакты с директорами ведущих европейских музеев и галерей. Теперь он рассчитывает на долгосрочное сотрудничество, когда закончится война.

А что реставрационные работы? Они начались в условиях войны и продолжатся при стабильном финансировании.

* * *

Прямо перед войной в галерее «Муза» открылась выставка *Эдуарда Пороника*, которая длилась как никогда долго – четыре месяца. За окнами слышатся взрывы, звуки воздушной тревоги, а на картинах – вполне мирные пасторальные сюжеты.

После 24 февраля Эдуард Пороник долго не мог писать. Потерял ко многому интерес, не мог работать, не мог понять, за что… Отец Эдуарда Геннадиевича, которому сейчас восемьдесят восемь лет, видел войну мальчишкой в Макеевке. Встретился с ней вновь на закате жизни. Как ему объяснить?..

Кто-то может выносить свою боль на холст, делиться ею. Кто-то ее прячет в себе. Пороник привык делиться радостью, красотой. Его излюбленные темы и персонажи – стихия земли, воды и неба, одесские крыши. Обитатели его мастерской – причудливые облака в виде кота-ангела, вариации на тему Дон Кихота, проступающая сквозь дымку, туман девочка с кроликом, цирковой артист в минуты отдыха и блоковская дама в зеленом… До них ли сейчас…

Но среди его работ, написанных лет пять-восемь назад, во вполне мирное время, есть неожиданные. Вот на реке лодка, полная горящих свечей. На мрачном небе – журавлиный клин. Врата с колоколами. Ощущение приближающейся беды. Огоньки – души людей, река – Стикс, а врата разделяют мир горний и мир дольний? Что это, предвидение ?..

Художнику всегда нравилось оптическое смешение цвета. В юности Эдуард Геннадиевич увлекался импрессионистами, его интересовала воздушная среда. И постепенно сложился его уникальный творческий почерк, как будто картина открывается зрителю постепенно, проступает сквозь дымку. Одно время он был увлечен перламутром, искал, как его лучше передать на бумаге. Стремился, чтобы работы были слегка перламутровые. А когда особо пытливые докапывались, как это у него получается, отшучивался, что находит на берегу морские ракушки, толчет их и добавляет в краски. На самом деле художник, как алхимик, колдовал с красками, пока не добивался искомого.

Работа Эдуарда Пороника

Принято считать, что искусство должно быть вне политики. Но как можно быть в стороне, если трагедия происходит в твоей стране, рядом, если это саднит, болит? Некоторые его собратья по перу предпочли уехать, делают на чужбине выставки. Предлагали уехать и делать выставки и Эдуарду Поронику. Но он предпочел остаться на родине, чтобы и его работы оставались в его стране. Когда начались воздушные тревоги, сначала был в оцепенении. Спустя месяц забрал семью и уехал в Тернопольскую область, в село Ермаковку. Местные жители их приняли как родных, дали хату, напилили дров. С этими душевными, открытыми, сердечными людьми они прожили два с половиной месяца, отогрелись душой. И вернулись в Одессу.

Война оставила большой рубец на сердце. В сентябре прошлого года у Эдуарда Геннадиевича случился обширный инфаркт. Было время для размышлений. А когда Пороник полностью вос-

становился, переосмыслил многое и в декабре ушел из академии, получив столь желанную его душе свободу. Сегодня Эдуард Пороник активно творчески работает. Не оставляет и педагогику, но обучает молодых не на потоке, а индивидуально.

* * *

У Игоря Пороника, не в пример брату, выставок был не много. Но сегодня авторские работы одессита находятся в коллекции Дома-музея Макса Либермана в Берлине, Бременской картинной галереи, Ангермузея (г. Эрфурт), Одесского музея современного искусства, в частных коллекциях Нью-Йорка, Майами, Тель-Авива, Берлина. Одесским зрителям памятны его работы в проекте «Фата-моргана». Военная тема нашла отражение в его творчестве, и его работы представлены сейчас в галерее американского Сан-Диего. А в готовящейся выставке в Вильнюсе, посвященной Украине, примет участие и Игорь Пороник.

Корбюзье принадлежит фраза: «Архитектура – это не профессия, это образ мышления». Игорь Борисович продолжает эту мысль: «Художник обладает способностью видения. В этом смысле я – художник. Хотя до мастерства брата мне далеко».

Год назад Игорь Пороник был принят в Союз художников Украины – как искусствовед.

Несколько своих графических работ он повесил у себя в кабинете. Сам автор считает, что его директорский кабинет больше похож на кабинет прораба. Много лет назад попав сюда, он познакомился с Виктором Никифоровым, в те годы директором музея, человеком, знавшим музейное дело досконально. Виктор Сергеевич сидел в массивном деревянном кресле, более походившем на трон, а на стене за ним висел старинный гобелен. Все это впечатлило молодого архитектора, подумавшего тогда: «Какая это, должно быть, творческая и созидательная деятельность!». Напророчествовал. Теперь Пороник ничего не загадывает наперед.

Затянувшаяся реставрация шедевра Караваджо подтолкнула Пороника к графической реплике, которая теперь напоминает о «Поцелуе Иуды».

А пока музей дожидается возвращения полотна, его коллекция неожиданно пополнилась новым экспонатом с родины Караваджо. И это в дни войны! Друзья музея и меценаты Рубен Ашрафян и Роман Топилов передали в дар музею картину итальянского художника Винченцо Иролли (1860-1949) «Портрет неаполитанки». Хороший знак.

Мария Гудыма

Золотому тельцу поклоняться не стоит

Публика с воодушевлением встречала мистический трагифарс «Двенадцать стульев» в Одесском академическом театре музыкальной комедии имени Михаила Водяного и ждала продолжения, то есть «Золотого теленка». Война не помешала постановке произведения композитора Александра Злотника и поэта Александра Вратарева по еще одному культовому роману Ильи Ильфа

Экипаж «Антилопы»

Сергей Мильков в роли Остапа

и Евгения Петрова. Снова роль Остапа Бендера досталась заслуженному артисту Украины Сергею Милькову. Великий комбинатор вплотную подходит к осуществлению хрустальной мечты своего детства о Рио-де-Жанейро, но, как мы знаем, мечта эта пойдет прахом, а денежный куш растает без следа… Режиссер-постановщик Владимир Подгородинский с иронией рассказывает эту историю напрасного поклонения золотому тельцу, подавая ее двумя планами. На одном реальные события и реплики героев, на втором – все, что рисует необузданная фантазия, и тут уж помогает балетная труппа. Например, вечный гусекрад и бывший слепой Паниковский (новая, этапная роль заслуженного артиста Украины Владимира Кондратьева, раскрывающая его потрясающие комедийные возможности) бредит гусями в окружении балерин, словно сбежавших из «Лебединого озера». А сам Бендер, рвущийся в Рио, оказывается среди разукрашенных розовыми перьями бразильских танцовщиц! Яркими хореографическими решениями поддержал эти прекрасные иллюзии балетмейстер Виталий Кузнецов.

Паниковский (Владимир Кондратьев) и его гуси-лебеди

А бодрый темп задал дирижер Юрий Литовко – он уверенно ведет всю честную компанию по волнам разножанровой музыки: тут и чарльстон, и неоклассика, и бодрые марши. Художник-постановщик Станислав Зайцев выгодно оттенил яркую толпу героев и порождений их фантазии иллюстративным фоном (порой картинка словно дана в инфракрасном эффекте, что наводит на мысль о шпионских страстях Бендера, выслеживающего подпольного миллионера). Герои часто выкатываются из-за кулис на фурках (особый респект за внучку Фунта Голконду Евсеевну, которая плывет замуж из кулисы в кулису прямо на концертном фортепьяно из своего приданого). Сам зиц-председатель заготконторы «Рога и копыта» Фунт (заслуженный артист Украины Александр Щесняк) словно вызывает этот образ в подтверждение того, как высоко ценят понимающие люди его услуги.

Все тот же Фунт, мелкий жулик с душой большого романтика Шура Балаганов (Александр Кабаков) и водитель «Антилопы-гну» Адам Козлевич (Сергей Богаченко) проводят на сцене не так уж

Зося Синицкая (Екатерина Мысь)

много времени, но успевают поразить характерами и образами. Козлевич окружен четырьмя феями из хора, способными и под капот залезть, и количество бензина в баке на глаз определить. Гири, которые в поисках золота пилит легковерный Шура, изображают две артистки в блестящих сарафанах, ну вылитые куклы на чайниках. И есть в этой истории еще три комичных богатыря: Берлага, Полыхаев и Скумбриевич, вроде бы бравые физкультурники, а на деле расхитители, окопавшиеся в жульнической конторе «Геркулес».

Описываемая эпоха, как, впрочем, и наша, исповедует культ молодого тела, физической культуры, спортивной подтянутости. Есть где развернуться физкультурнику-миллионеру Александру Ивановичу Корейко (Владимир Муращенко), пораженному в самое сердце молодостью и красотой Зоси Синицкой (Екатерина Мысь). «Выходите за меня замуж, Зосенька!» – «Мне ведь только двадцать лет будет осенью…» – увы, накачанные гирями бицепсы не делают «жениха» моложе. Роман уж очень велик; в спектакле не нашлось места ни Зосиному отцу-ребуснику, ни рифмачу Ва-

На сцене – артисты балета

сисуалию Лоханкину, да и всей Вороньей слободки там не оказалось. Что поделать! Зато в веселом спектакле к нам сегодняшним приблизилось очень непростое время, в котором пришлось жить нашим бабушкам-дедушкам. У них получилось выжить, получится и у нас – читается за веселыми эскападами авантюрных персонажей посыл авторов спектакля. Даже если и придется признать вслед за Бендером: «Графа Монте-Кристо из меня не вышло…». Сцена учебной тревоги с использованием противогазов заставила встрепенуться: здорово, что не было тревог, и премьере ничего не помешало! Пусть так будет и дальше, а «Золотой теленок» поднимает настроение любому зрителю.

Фото Олега Владимирского

Михаил Пойзнер

«…Что нет на свете города такого…»

Я много лет занимался исследованием жизни и творчества замечательного поэта-песенника, настоящего одессита Игоря Шаферана (1932-1994). Даже на фасаде дома, где он родился, – ул. Малая Арнаутская, 87, – 28 апреля 2017 г. нами установлена мемориальная доска.

Игорь Шаферан написал много известных песен, среди которых песня «Я дома» об Одессе на музыку Яна Френкеля (из кинофильма «Подвиг Одессы», 1985 г.).

Когда я пересматривал свои архивные материалы, вот что припомнилось.

Когда-то была такая популярная телепередача «В нашу гавань заходили корабли», просуществовавшая с 1991 по 2016 гг. (авторы-ведущие Эдуард Успенский и Элеонора Филина). Здесь в основном исполняли «дворовые», так называемые неофициальные песни. В очередную передачу, 18 марта 2000 г., пригласили известного кинорежиссера Петра Ефимовича Тодоровского, исполнившего шуточную песенку об Одессе на слова Игоря Шаферана. Как тогда рассказывал Петр Ефимович, они были соседями по даче. И вот как-то Тодоровский спросил Шаферана, сможет ли тот за час (!) написать что-то одесское – обязательно с припевом в родительном падеже. Так родилась веселая песенка об Одессе:

…Есть город, есть город такой,
Где климат абсолютно весь морской.
Если ты выйдешь там на пляж,
Увидишь исключительный пейзаж.

Допустим, ты города не знал.
Спросил у прохожих, где же тут вокзал?
Ты можешь меня не уважать,
Но пол-Одессы будет провожать!

А что такого?
А то такого!
Что нет на свете города такого!
А что такого?
А то такого!
Что нет на свете города такого!

А рынок одесский Привоз!
Достать там все, что ты захочешь, – не вопрос,
Но если ты хочешь скумбрию,
То я тебе совета не даю…

А сколько красавиц у нас?
Я лично холостой четвертый раз…
И буду последний я подлец,
Когда тому я сделаю конец…

А что такого?
А то такого!
Что нет на свете города такого!
А что такого?
А то такого!
Что нет на свете города такого!

Неаполь, Антверпен, там Париж.
Но о чем ты одесситу говоришь?
Я спорить готов на сто рублей –
Там нету Дерибасовской моей!

Пускай мне Одессу и рай
Поставят рядом – скажут, выбирай.
Я сразу же на рай махну рукой!
И выберу свой город дорогой.

А что такого?
А то такого!
Что нет на свете города такого!
А что такого?
А то такого!
Что нет на свете города такого!

Удивительно, что эта песенка так и осталась неизвестной для широкого круга одесситов. Даже Анечка Шаферан, дочь Игоря Шаферана, – моя добрая знакомая, не знала о ее существовании.

Думаю, одесситам (и не только) будет интересно прочитать (а может, и запомнить) эту одесскую «зарисовку» Игоря Шаферана – нашего парня с Малой Арнаутской – на музыку Петра Тодоровского.

А если уже говорить о Петре Тодоровском, то он проработал оператором на Одесской киностудии более десяти лет (!) – с 1955 по 1965 гг. Здесь им сняты «Весна на Заречной улице», «Два Федора», «Жажда». Широко известны его режиссерские работы – «Военно-полевой роман», «Анкор, еще анкор», «Интердевочка», «Любимая женщина механика Гаврилова», «По главной улице с оркестром», «Ретро втроем».

Петр Ефимович никогда не забывал Одессу, тянулся к ней. Его жена, продюсер Мира Григорьевна, родившаяся в Кишиневе, в свое время окончила Одесский институт инженеров морского флота по специальности «инженер-гидротехник». В Одессе в 1962 г. родился их сын Валерий, будущий режиссер, сценарист и продюсер. Так что Одесса для Тодоровских – не чужой город.

Семья Тодоровских приобрела даже квартиру в Одессе – в переулке Чайковского, 16, – по соседству с близким другом, известным одесским адвокатом Иосифом Львовичем Бронзом. Мне неоднократно приходилось слышать от Иосифа Львовича много добрых слов об этой семье.

…Зимой 2006 г. Петр и Мира Тодоровские приехали в Одессу, поселились в гостинице «Моцарт» возле оперного театра. И тут произошел неприятный одесский эпизод. Чтобы приехать на встречу во Всемирный клуб одесситов, остановили «Жигуленок» с каким-то одесским колымщиком. В результате в машине забыли сумочку, где кроме каких-то денег были ключи, банковские карточки… Кинулись не сразу… Тогда я вместе с Тодоровскими на моей машине не-

сколько раз мотался к «Моцарту» и назад. Увы! Правда, хоть успели заблокировать банковские карточки. В процессе общения я еще раз убедился в высоких человеческих качествах Петра Ефимовича.

Потом было его выступление во Всемирном клубе одесситов, для чего мне пришлось съездить домой за своей гитарой… Обстановка – чисто семейная, одесская…

Одесса была у Петра Ефимовича внутри, он мог весело изобразить одесский акцент. И у него хорошо получалось! Вспоминал старых одесских друзей, случай из жизни общежития Одесской киностудии. Несколько раз я пытался вывести его, фронтовика, на военную тему. Отзывался он крайне неохотно, даже как-то бросил: «Смотрите мои фильмы, там все сказано…».

Петра Ефимовича Тодоровского не стало в мае 2013 г.

Светлая память…

…Осенью 2018 г. в Одессе со съемочной группой побывал Валерий Тодоровский. Приехали в разведку – готовились к съемкам кинофильма «Одесса». Правда, впоследствии саму Одессу снимали в… Таганроге и Ростове-на-Дону, морские эпизоды – в Сочи.

Кинофильм «Одесса» (с Леонидом Ярмольником, Ириной Розановой, Евгением Цыгановым) готовился по сценарию Максима Белозора по мотивам киноповести Дмитрия Иванова.

Все события происходят в августе 1970 г. в Одессе, зараженной холерой. Правда, кинофильм этот получился не только о холере, не только об одесситах и не только об отношениях в семье, собирающейся в эмиграцию.

Премьера фильма состоялась в Москве 5 сентября 2019 г., работа поучила кинопремию «Ника» (!).

К сожалению, эта работа Валерия Тодоровского осталась в Одессе незамеченной…

А вот как раз все, что связано с Одессой, холерой и обстановкой вокруг, – все это результаты консультаций Олега Губаря и моих (в титрах фильма это указано).

Не забыть нашего общения с Валерием Тодоровским, все-таки одесситом, прогулки по Молдаванке, Староконному базару, яркие воспоминания об Одессе его детства…

Вот что припомнилось, когда я случайно услышал запись песенки Игоря Шаферана об Одессе на музыку Петра Тодоровского.

Дора Дукова

Лицей «Европейский»

Здесь просторно, красиво, светло. Это самое молодое учебное заведение города, где успешно противостоят вызовам нынешнего времени, строят планы на будущее. Где, представьте, отменен общепринятый дресс-код, ученики и учителя приходят в школу в джинсах – «потому что так удобно». Мы в гостях у лицея «Европейский».

«По «Вечерней Одессе» я училась читать»

Да, друзья, поколения выросли, которые предпочли «Вечерку» букварям. И директор лицея Юлия Бардук – не исключение:

– Дедушка с бабушкой выписывали «Вечернюю Одессу», и еще до школы я научилась читать по газетным текстам. А позже полюбила страницу «Белый парус», предназначенную школьникам. Там, помню, была рубрика «Переписка». Так вот, все мои друзья юности благодаря газете знакомились, общались.

«Я мечтала стать директором школы»

За чашкой кофе знакомимся с Юлией Бардук поближе. Учитель начальных классов в школе № 13, самой большой в Украине. Шестнадцать лет в одном учебном заведении. А в 2019-м –

предложение участвовать в конкурсе на должность директора «Европейского».

– Наверное, много было желающих?

– Я одна.

– ?!

– Понимаете, у любого учебного заведения есть свои проблемные точки, с которыми неизбежно сталкивается руководитель, – подбор персонала, как педагогического, так и технического, формирование абсолютно нового коллектива, увеличение количества учеников. Лицею 1 сентября следующего года исполнится всего пять лет. Он еще малыш, которого нужно ставить на ноги. Вот и страшновато было другим сюда идти.

– Потому что надо было работать, закатав рукава, вот и не было много желающих, – замечает эксперт публикаций на педагогическую тему Сергей Пеняев, который и настоял на визите журналистов в «Европейский».

– А у вас, Юлия, откуда желание?

– Я всегда восхищалась директором школы № 13 Натальей Анатольевной Романенко. Старалась перенять все лучшее из ее управленческой работы, мне импонировали ее любовь к своему делу, самоотверженность в работе, уважение к коллективу. Я пришла в эту школу девятнадцатилетней, после педагогического колледжа, и становилась тем, кем я становилась – учителем, заместителем директора, имея перед собой пример, эталон. И часто думала о том, как бы я построила работу в «своей» школе. Я мечтала стать директором и не скрывала этого. Поэтому от предложения участвовать в конкурсе не отказывалась. Вспоминаю, как впервые пришла в этот красивый современный лицей. Подумала тогда: это сказка про Золушку… А потом начались суровые будни. У молодого директора мало навыков, мало знаний, ведь быть директором не учат. Благодарна директорскому корпусу Приморского района, руководителю департамента образования и науки горсовета Елене Валерьевне Буйневич, моей наставнице Наталье Анатольевне Романенко, которые всегда рядом.

Кодовое слово

Несколько месяцев на посту – и начались вызов за вызовом. Сначала ковид и необходимость осваивать совершенно новую форму обучения – дистанционную. А теперь – война.

Юлия Бардук рассказывает, как буквально накануне собрала администрацию лицея и предложила в форме квеста провести учения.

– Задача была такая: каждый ученик должен знать, в какое место в укрытии он должен бежать в случае опасности, но ни в коем случае во время учений ребенок не должен слышать слова «взрыв», «бомба», «выстрел». Психика детей не должна пострадать! Мы придумали свое кодовое слово, которое я вам не назову. С первого по одиннадцатый класс бегали, пока не довели навык до автоматизма. Я предупредила всех, что двери укрытия открыты для всех – детей нашего лицея, других школ, родителей. А 24 февраля мы проснулись от взрывов, и первым мне позвонил охранник: «Юлия Витальевна, в укрытии полно людей!». Это наши дети взяли за руки своих родителей и привели на место своего класса.

«Європейські паляниці»

Уже 25 февраля, рассказала директор, в лицее началось волонтерское движение, в которое влились триста человек. Назвали опорный центр, куда со всех школ свозили гуманитарную помощь, «Європейські паляниці». Начинали работать ранним утром, сразу после окончания комендантского часа, и до его начала вечером. Собирали, сортировали, разгружали-загружали, развозили… И так по сей день.

– Папы наших учеников, которые с первого дня ушли на фронт, сообщали, в чем у них есть нужда, и мы искали налобные фонарики, батарейки, целлофан, буржуйки. В чате в «Вайбере» достаточно было сказать, какая помощь нужна, и сразу откликались все. А когда во двор школы заехал прошитый пулями микроавтобус из Харькова, и из него вышли двенадцать человек,

которые уехали в чем стояли, волонтеры принесли все необходимое, от кастрюль до закруток.

Семеро учителей-переселенцев принял «Европейский» на работу в военное время. Из Харькова, Херсона, Мариуполя, Николаева. Директор говорит о них: «Профессионалы! Теперь мы родные».

С Натальей Гулак, учителем физкультуры из Мариуполя, мы познакомились в спортзале. С апреля она с дочерью-пятиклассницей в Одессе, здание школы в родном городе разрушено, но, как говорят, подлежит восстановлению. В лицее хорошо приняли, помогли справиться со стрессом, но Наталья мечтает о возвращении домой: «Все будет хорошо, я в этом не сомневаюсь».

Песни в убежище

В первые дни войны директор каждый день стопками выдавала документы – семьдесят процентов учеников выехали за пределы Украины. Сейчас в лицее организовано обучение и онлайн, и офлайн.

– Все школьники района, которые хотят ходить на занятия, учатся в лицее, – рассказывает Юлия Бардук. – Это пятнадцать классов, четыреста шестьдесят учеников, уроки в две смены. Благодарность городской власти, предусмотревшей в здании укрытие, оборудованное по всем правилам. Здесь есть запас воды, продуктов, есть пледы. А еще аквариум, уютные пуфики, мольберты, игры. Здесь не слышно звуков войны. А мы, взрослые, стараемся занять детей чем-то интересным – мальчишки отжимаются, кто-то рисует. А когда однажды, чтобы унять волнение, одна из учителей запела «Червону калину», и ее дружно поддержали дети, мы поняли, надо петь во время тревог, помогает!

Юлия Бардук призналась: ранее бывавшая в церкви только по праздникам, с начала войны каждое утро начинает с молитвы. Свою задачу видит в том, чтобы дать школьникам качественное образование, а в конце учебного дня – «вернуть детей родителям

целыми и невредимыми, со здоровой психикой». А планы, которые есть и которые направлены на реализацию самой большой амбиции лицея – соответствовать названию «Европейский», пока отложены до дня Победы.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Публикации

296 Новое о Шенгели
Публикация Вадима Перельмутера

316 **Олена Яворська**
Одеські сторінки щоденника Сергія Єфремова

Новое о Шенгели

Л.П. Гроссман

Перевод поэзии и поэзия перевода

…Первоклассный поэт, замечательный исследователь и теоретик стиха, мыслитель и обаятельнейший человек – это все о нем, о Георгии Аркадьевиче Шенгели. И добавлю: неутомимый труженик, подвижник – мне слышится в этом слове другое – подвиг, – человек необъятной эрудиции и разнообразных интересов-увлечений, и несокрушимой уверенности в своей поэтической и научной правоте…

Его литературное наследие огромно и опубликовано, надеюсь – пока, далеко не полностью. Единственное исключение – десятки тысяч мастерски переведенных им стихотворных строк: Байрон, Гюго, Эредиа, Верхарн и многое еще, по счастью, издано, переиздано, признано – и поэтами, и читателями. Правда, в архиве есть и неопубликованное – и, по-моему, превосходное, – о чем еще скажу, однако нынешнее представление читающей публики о Шенгели-переводчике может быть несравнимо полнее, нежели мнение о Шенгели-поэте или о Шенгели-теоретике.

Впрочем, и переводы Шенгели не раз бывали предметом полемики, не всегда, замечу, *добросовестной*, убедительно аргументированной, поэтому стоит, по-моему, приглядеться к ним попристальней, они того стоят. К ним вполне применимы пушкинские слова, сказанные о переводах Жуковского: «В бореньях с трудностями силач необычайный»…

Он ведь и задачи себе ставил, о каких другому и помыслить боязно было бы: перевести *всего* Байрона, *всего* Гюго, *всего* Верхарна, – и… решал их.

Всякий раз находя решение, годное именно для этого поэта, не похожего на другого, чьи стихи переведены той же рукой, рукой Шенгели.

Вот, например, три французских поэта – Гюго, Эредиа, Верлен (эти переводы еще не напечатаны*, три очень разных поэта, три поэтических стиля, воссозданных Шенгели и включенных им в русскую поэзию.

Начну со знаменитой баллады Гюго «Турнир короля Иоанна», стремительный ритм которой и короткие звонкие строки как бы имитируют рискованно-театральный рыцарский поединок:

Çà, qu'on selle,
Écuyer,
Mon fidèle
Destrier.
Mon cœur ploie
Sous la joie,
Quand je broie
L'étrier.

Par saint Gille,
Viens-nous-en,
Mon agile
Alezan ;
Viens, écoute,
Par la route,
Voir la joute…

И вот как это передано Шенгели:

* Завершенная в 1945 году книга «Поль Верлен. Избранное из его восьми книг, а также юношеских и посмертно изданных стихов в переводах с предисловием и примечаниями Георгия Шенгели» вышла полвека спустя, в 1996 году, к столетию со дня смерти Верлена. – **В. П**.

Паж, вставайте,
Не до сна!
Мне седлайте
Скакуна.
Я ликую, чуть почую
Повод, сбрую,
Стремена.
Нам же с громом
Жить пора,
Жантильомам
От двора:
Путь наш главный –
В жажде славы,
Бой кровавый –
Нам игра!..

Здесь и сложный размер, и словесное богатство, и удивительная пластичность стиха, и, главное – *впечатление* от этого стихотворения, звучащего по-русски, чрезвычайно близко к тому впечатлению, какое производит оригинал…

Шенгели переводил Гюго, можно сказать, в годы своей творческой зрелости, когда неудача, конечно, возможна, однако опыт и мастерство с большею вероятностью позволяют рассчитывать на успех.

Иное дело – сонеты Эредиа, по сути, первая значительная работа двадцатитрехлетнего Шенгели-переводчика, выполненная, правда, «под редакцией» куда более искушенного в этом занятии и блестящего знатока «оригиналов» Максимилиана Волошина. Первый вариант переводов, присланный мастеру, был испещрен пометами, замечаниями, точными и тактичными волошинскими советами. Все это Шенгели благодарно принял, учел, многое сделал заново – и вышедшую в 1920 году книжку, куда вошло сорок сонетов Эредиа, посвятил Волошину. О результате той работы можно судить, ну, хотя бы, по этому сонету – «Старый ювелир»:

Почет не нужен мне. Пусть книга цеховая
Приемлет подписи: Арфе и Бецерил.

Я шлифовал рубин, карбункул и берилл,
В рельефы чаш и ваз их тщательно вправляя.

И душу вечную на муки обрекая,
В мои эмали я вдохнул греховный пыл:
Не страждущий Христос, не кроткий Гавриил
Изображен, – а Вакх и страстная Даная.

Игрой диаволом направленной руки
Я золото врезал в дамасские клинки,
О рае думая небрежно и лениво.

Теперь же, ослабев под бременем годов,
Хочу я умереть, трудясь благочестиво:
Ковчежец золотой чеканя для Даров.

Характерный для Эредиа изысканный стиль передан здесь с тонкостью необычайной, гармонично и точно.

И, наконец, Верлен.

«Методика перевода Верлена, – писал Шенгели, – варьирует от стихотворения к стихотворению. В некоторых его стихах точное значение слов играет лишь подсобную роль, и художественное впечатление создается игрой звуков. В этом случае переводчику надлежит схватить общий смысл, передать фонетику оригинала»…

Такова теория. А вот и *практика* – «Марина». По-французски оно таково:

L'Océan sonore
Palpite sous l'œil
De la lune en deuil
Et palpite encore,

Tandis qu'un éclair
Brutal et sinistre
Fend le ciel de bistre
D'un long zigzag clair,

Et que chaque lame,
En bonds convulsifs,
Le long des récifs
Va, vient, luit et clame,

Et qu'au firmament,
Où l'ouragan erre,
Rugit le tonnerre
Formidablement.

Простые слова, банальные образы, но блистательность и легкость перезвучий и крайняя выразительность последней строки, заполненной одним словом, на которое ложится трехритмический акцент, создают впечатление нарастающего напряжения, увенчанного громовым раскатом. Удивительные стихи – и для перевода невероятно трудные. Шенгели одолевает эти трудности, не давая читателю и намека на усилия, какие для этого потребовались, как будто совсем непринужденно:

Ропот океана
Рвется по волне,
К траурной луне
Рвется неустанно.

Молнийный зигзаг,
Грубый и зловещий,
Рассекает резче
Неба медный мрак.

Судорожно скачет
Каждый буйный вал
По уступам скал,
Блещет, плещет, плачет.

В небесах темно,
Буря с тьмой знакома,
И рычанье грома
Нагромождено.

Все сказанное об оригинале очевидно можно отнести и к переводу, вплоть до *трехакцентной* последней строки – из одного-единственного слова…

Или – одно из самых знаменитых стихотворений Верлена – «Осенняя песня», его и Брюсов переводил, и Сологуб, и другие поэты пытались передать по-русски эти совсем короткие, словно бы из одних созвучий состоящие строки:

Les sanglots longs
Des violons
De l'automne
Blessent mon cœur
D'une langueur
Monotone.

Tout suffocant
Et blême, quand
Sonne l'heure,
Je me souviens
Des jours anciens
Et je pleure…

Но, пожалуй, никому до Шенгели не удавалось добиться такой слаженности тончайшего ритма и естественного звучания:

Он полон, дол
Осенних виол
Долгим стоном.
Томи мой дом
Гимном истом
Монотонным.

Бледнею. Ком
В горле. О ком
Бредит время?
Ах, все давно
Схоронено
С днями, с теми…

Трудно представить себе более близкую передачу этих *поворотов стиха*, чем та, которая воспроизведена в этом переводе.

И еще одно стихотворение – сонет, который тоже переводили до Шенгели, и не раз, те переводы найти нетрудно, пусть читатель сам попробует решить – кто первенствовал в этом заочном творческом *состязании*. А я на сей раз хочу обойтись без сравнения с оригиналом, пусть мне поверят на слово, что и тут – все очень точно и верно, просто доставляю себе удовольствие своей рукой воспроизвести на бумаге этот перевод – замечательные *русские* стихи:

Я – Рим, империя на рубеже паденья,
Что, видя варваров громадных у ворот,
Небрежный акростих рассеянно плетет,
И в стилос золотой – закат струит томленье.

В душе, пустой насквозь, тоска до отвращенья.
Там, где-то, говорят, кровавый бой идет.
О! Нету сил пойти на зов столь слабый тот,
Нет воли жизнь зажечь хотя бы на мгновенье!

О! Нету воли жить, и умереть нет сил!
Да, все уж допито… Брось хохотать, Вафилл!..
Всё допил, всё доел. Но продолжать не стоит…

Есть: глуповатый гимн, что надо сжечь тотчас,
Есть: нерадивый раб, что презирает нас,
Есть: боль невесть о чем, что вечно в сердце ноет!

Здесь, по-моему, отчетливо видно, что Шенгели-переводчик органически неотделим от Шенгели-поэта. Потому что в его собственных стихах обнаруживается многое, что легло в основу грандиозной переводческой работы. И прежде всего – высочайшая культура, свободное движение мысли и чувства во времени и пространстве истории, чуткость к ритмам и рифмам истории, скажем, Александрия, город риторов, поэтов и ученых, – «скульптурный зал библиотеки» – и вокзал осажденного интервентами города, – что общего между ними? Внутреннее созвучие, ритм, поэзия…

Характерны в этом смысле цикл «Люди и страны», такие стихотворения, как «Александрия», «Карфаген» и некоторые другие, где поэт показал себя мастером, если угодно, *исторического ландшафта*.

«На ядовитом древе жизни есть только два не отравленных плода. Это поэзия и общение с благородными людьми», – гласит индийская мудрость «Хитопадеша».

Георгий Шенгели отдал всю свою жизнь поэзии. И в общении со всеми нами являл высокий образец человеческого благородства!

Александр Квятковский

Рыцарь поэзии

Люди часто ошибаются в суждениях о своих современниках – деятелях культуры. Или перехваливают их, или слишком порицают, или слишком спокойно проходят мимо, не поняв всей значительности совершенного ими дела. К последней категории наших современников следует отнести и Георгия Аркадьевича Шенгели – культурнейшего переводчика мировых поэтов, тонкого мастера поэзии, исследователя русского стиха. Его любовь к поэзии была беспредельной, а познания в ней – огромны.

Наша печать не балует нас сведениями о живущих поэтах. Теперь, когда Шенгели ушел из жизни, можно вкратце рассказать о его пути в мир поэтического искусства, о личности и делах этого рыцаря русской поэзии. Сделать это тем более необходимо, что нынешняя молодежь, вероятно, плохо представляет себе облик поэта, такого строгого при первом знакомстве и такого сердечного по своей сущности.

Уважая чужое мнение, он не выносил лицемерия и утайки. Бесстрашие прямоты и защита справедливости – отличительные черты характера Георгия Шенгели. Ведь и по образованию он был юристом, защитником прав человека.

Вот некоторые вехи из биографии этого прекрасного человека.

Родился Георгий Шенгели в 1894 году на Кубани, в городе Теремке, который упоминается в русских былинах. Отец его был русским адвокатом. В восемь лет будущий поэт остался круглым сиротой, его воспитывала бабушка, учительница в Керчи. В 1914 году двадцати лет от роду Шенгели окончил керченскую гимназию, имея за плечами четырехлетний опыт сотрудника крымских газет и трехлетний опыт поэта. Как раз в это время в Керчь приехали шумные футуристы – В. Маяковский, И. Северянин, Д. Бурлюк и Вадим Баян. Шенгели показал им свои стихи, стихи понравились футуристам, особенно И. Северянину. И летом того же года в Керчи была издана первая книга стихов молодого поэта – «Розы с кладбища». Книга была слабая, подражательная, и автор вскоре сам снял ее с продажи.

Будучи студентом юридического факультета в Харьковском университете, Шенгели выпустил несколько брошюр стихов, став главой местных поэтов. В 1916 году вышел сборник его стихов «Гонг», отмеченный известным тогда критиком Юлием Айхенвальдом. Начинается печатание стихов в разных изданиях. В 1916 году он вместе с Северяниным совершил два турне по России с чтением своих стихов. Выступали они в Петрограде, Москве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Таганроге и во многих городах Закавказья.

В 1918 году Шенгели организовал в Харькове первую в России студию стиха. Так началась его работа как стиховеда. Продолжая учиться в университете, он поступил на службу в качестве заместителя председателя, а затем председателя Харьковского Гублито, устраивал вечера и лекции на предприятиях, в рабочих клубах. Весной 1919 года он был отправлен в Крым, работал комиссаром по делам искусств Севастопольского наробраза, а затем главным редактором Одесского губиздата. В Одессе вышла первая книжка его переводов – «Избранные сонеты Эредиа». Так начиналась деятельность Шенгели как переводчика. Затем последовало издание драматических поэм о Нечаеве и о Парижской коммуне. В 1921 году он начал переводить Верхарна. В марте 1922 года он переехал в Москву.

Этот несколько анкетный обзор жизни и деятельности Георгия Шенгели в предреволюционные годы и в первые годы совет-

ской власти – типичный путь многих молодых советских писателей того времени.

Начало московского периода жизни Шенгели тоже типично для поэта. Он сотрудничал в ряде столичных газет и журналов. Интересно отметить, что Шенгели, как и Маяковский, писал агитационные стихи для пресс-бюро Агитпропа ЦК партии. В 1929 году он написал по заказу Агитпропа стихотворную драму «Вся власть советам», она ставилась в рабочих и воинских театрах. Драматическая поэма «Броненосец «Потемкин» неоднократно шла в Морском клубе в Севастополе и в Московском театре Реввоенсовета. В 1938 году Шенгели участвовал в бригаде писателей, создававших сборник «Моя милиция». В 1939 году в Москве шла комедия «Месть Калиостро», написанная Шенгели совместно с Багрицким в Одессе в 1921 году.

Будучи великолепным мастером стиха, Шенгели завоевал себе славу первоклассного переводчика. Он владел английским, немецким и особенно свободно французским языками. Поэтому неудивительно, что диапазон его переводческой деятельности очень широк. Он перевел почти всего Верхарна (восемнадцать тысяч строк), до пятнадцати тысяч строк Гюго (причем его книгу «Возмездие» впервые перевел полностью). Подвигом жизни Шенгели является его перевод всего Байрона (шестьдесят три тысячи строк), не издана лишь лирика великого английского поэта. Шенгели перевел поэму и две драмы в стихах Вольтера (около пяти тысяч строк), стихи Мопассана, Верлена, Бодлера и стихи поэтов Парижской коммуны. Кроме того, переведены стихи туркменского поэта Махтумкули, эстонца Барбаруса, таджика Лахути, Леси Украинки и других поэтов. Всего же переведено Шенгели свыше ста пятидесяти тысяч строк. Гигантский труд!

Насколько добросовестно, тонко и поэтично сделаны Шенгели переводы, можно судить по следующим авторитетным отзывам.

Правнук Виктора Гюго, художник Жан Гюго писал Шенгели: «Мой дорогой мэтр, я был глубоко тронут пришедшей Вам мыслью послать мне Ваш прекрасный перевод «Возмездия». Одному лицу, знающему русский язык, я поручил прочесть мне Вашу книгу и смог дать себе отчет, как *в детальной точности, так и в большой поэтической силе Вашего перевода*. Поздравляя Вас

и благодаря, я прошу Вас верить, мой дорогой мэтр, в мое восхищение и в мою симпатию. Жан Гюго».

Ленинградский профессор литературы А.А. Смирнов писал по поводу перевода «Возмездия» Гюго: «...прочел всю книгу от доски до доски, сличая каждую строку с подлинником, вдумываясь в каждый образ и выражение, и скажу со всей откровенностью, что не нахожу слов, чтобы выразить мое восхищение. Какая изумительная точность, какая вдумчивость, какое мастерство! Прямо не верится, что так легко, так блестяще разрешены трудности подлинника, казавшиеся неразрешимыми. *Я считаю эту книгу одной из лучших существующих на русском языке книг переводной поэзии*».

Харьковский писатель и критик А.А. Станкевич писал к Шенгели: «Ваш перевод конгениален. «Возмездие» звучало по-французски, Вы заставили его звучать по-русски – *на той же высоте поэзии*».

И наконец – отзыв академика А.И. Белецкого: «Перевод этот мне представляется *величайшим Вашим достижением* в области перевода – не перевода, а *гениального воссоздания*».

Чтобы дать представление о силе переводческого мастерства Шенгели, о его кованом стихе, я прочитаю отрывок из «Возмездия» Гюго – описание битвы при Ватерлоо, где Наполеон потерпел поражение:

Темнело. Битва шла, упорная до бреда.
Шло наступление; была в руках победа.
К лесистому холму прижат был Веллингтон.
В трубу подзорную глядел Наполеон
На центр сражения, где, как терновник страшный,
Сплелись противники в безумной рукопашной.
На темный горизонт, на полный тайны тыл.
И вскрикнуть радостью: «Груши!» – то Блюхер был!
Надежда в этот раз переменила знамя.
Сраженье, с грудью грудь, – росло, ревя, как пламя.
Картечь английская сметала в прах каре.
Знамена рваные метались, как в костре.
И поле, полное бряцаньем, лязгом, стоном,

Казалось кратером, безумно раскаленным,
Куда вдруг рушились полки, куда подряд
Валились, точно рожь, изведавшая град,
Султаны пышные тамбурмажоров рдяных, –
И кровь горячая ключом бурлила в ранах.

Какая чеканная фактура настоящего русского стиха, идущего от «Полтавы» Пушкина! В этих строках – ни грана от переводческой осторожности и неточности, так часто встречающихся в нашей переводной поэзии. Шенгели настолько проникся духом поэзии Гюго, что применил для вящего блеска такие тонкие аллитерации, как –

…На темный горизонт, на *пол*ный *тай*ны *тыл*…
…И *пол*е, *полн*ое бряцаньем, лязгом, стоном…

Как видите, отзывы Смирнова, Белецкого и Станкевича о переводах «Возмездия» Гюго совсем не носят характера комплиментарного расшаркивания.

Можно было бы привести еще ряд примеров ма́стерской работы Шенгели как переводчика, но, как говорит французская поговорка, чтобы узнать вкус вина, незачем выпивать всю бочку, для этого достаточно и рюмки.

От переводов Шенгели перейдем к его оригинальным стихам, которые менее известны широкой читающей публике, поскольку он редко выпускал книги своих стихов. Последнее издание – сборник «Избранные стихи» Шенгели – относится к 1939 году. Там собраны вещи 1914-1936 годов, итог двадцатипятилетней поэтической работы. Это – небольшая книжка в скромном сером переплете, в ней пятьдесят восемь стихотворений и две поэмы – «Поручик Мертвецов» и «Ушедшие в камень». Это поэтический рассказ о гражданской войне и, в частности, о том, как в 1919 году, спасаясь в керченских каменоломнях от белогвардейского террора, в течение шести месяцев большевики вели борьбу путем героических вылазок. «Ушедшие в камень» – одна из самых сильных советских поэм о гражданской войне. Нужно удивляться тому, что наша критика так прохладно (если не сказать –

равнодушно) прошла мимо этой поэмы, полной ума, патриотической взволнованности и блистательного мастерства. Послушайте, как написана эта поэма. Вот картина состояния России в те годы:

…Приходилось туго.
Заводы стыли. Прятал хлеб кулак.
Сыпняк блуждал, вокруг измена зрела,
Вздуваясь гнойниками.
Старый мир:
Бесхлебье, бессапожье, бездорожье,
Изнеженность, истрепанность, измор,
Невежество, неверье, неуменье, –
Все пыжилось, хрипело, упиралось,
Дрожало, ныло, ляскало зубами,
Брело на цыпочках, ползло на брюхе,
Из-за угла высовывало нос,
Ухмылку; заносило нож, дубину,
Мешая жить, мешая создавать…

…Но шла Россия. Шел литейщик, пахарь,
Боец, подвижник. Тяжко, трудно шел.
Неодолимо шел! К социализму!
Страна казалась тигровою шкурой
В чересполосице властей, режимов,
Фронтов, бандитских гнезд, армейских групп.
И витязем, поднявшим эту шкуру,
Провидевшим грядущее во мгле,
Был скромный, мудрый человек в Кремле…

Трудно было ушедшим в камень революционерам. Вот как это описано в поэме:

Вползает в небо медленный, как лимфа,
Еще один пустой и долгий день.
Сменяются дозоры. Пробудясь,
На воздух выползают люди, жадно
Его ловя распахнутыми ртами,

И, надышавшись, снегом трут лицо
И руки (умываться нечем); после
Мангалки разжигают, в котелках
Растапливают снег, пьют чай с ломтями
Похожего на торф сырого хлеба, –
Как можно дольше пьют; потом сидят,
Перемогая холод, лишь бы вновь
Не лезть в издышанные катакомбы.
Но – невозможно. И безглазый мрак
Глотает всех; опять ложатся дрыхнуть,
Но нету сна, как воздуха и света, –
И длится пытка временем…

С замечательным лаконизмом описал Шенгели момент, когда находившиеся в катакомбах люди, узнав, что Красная Армия гонит белых из Крыма, решили ударить в тыл белогвардейцам:

…а нетерпение растет,
А своды черные невыносимы,
А от сырого теста и воды
Испорченной свистит дизентерия,
А раненые бредят…
И у всех
Рождается и, наливая мышцы,
Решенье созревает: грянуть в тыл.
Подсчет бойцов: сто двадцать; пулеметов:
Четыре (пулеметных лент: шестнадцать;
Гранат: полсотни; мужества и гнева:
Без меры.
Хватит. Город будет взят.

Помимо изданных стихов поэт оставил после себя много стихотворений, которых хватит на два добрых сборника. Вы услышите стихи в исполнении Владимира Владимировича Рогова. Я лишь бегло коснусь характеристики лирических стихов поэта. Шенгели принадлежит к той плеяде русских поэтов, во главе которых в девятнадцатом веке стоял Баратынский, а в двадцатом

веке – Брюсов. Обычно о таких поэтах говорят как о рассудочных, якобы лишенных того непосредственного лиризма, какой свойствен поэтам типа Блока или Есенина. Это неверно. Верно лишь то, что и Баратынский, и Брюсов, и Гумилев, и Мандельштам, и, если хотите, Заболоцкий или Антокольский, и другие – это поэты скорее мысли, чем чувства. Но они не лишены лиризма, как это порой кажется. Я бы сказал, что все эти поэты – художники огромной внутренней выдержки, это поэты-интеллектуалисты, не позволяющие себе роскоши раскрыть душу до отказа. Шенгели так и сказал о себе в стихотворении, посвященном Анне Ахматовой: «Он с Музой сам неоткровенен был». Шенгели – строгий поэт, стих его всегда строг, отчеканен и выверен по ватерпасу мастерства. Не будет большой исторической ошибкой, если сказать, что все поэты этой категории идут от Ломоносова (восемнадцатый век) и даже от Симеона Полоцкого (век семнадцатый). В этом есть своя историческая закономерность. Это поэты с каким-то эпическим или лиро-эпическим уклоном, в отличие от лирических поэтов, зачинателями которых в России были Тредиаковский и Сумароков. Исторически лирика – порождение более позднего периода, нежели эпос.

Остается коротко сказать еще о Шенгели как о теоретике русского стиха. Стиховедение это особый раздел поэтики, науки о художественных средствах художественной же литературы и особенно поэзии. Шенгели – один из крупнейших русских стиховедов. Среди многих его книг по теории стиха лучшими являются «Техника стиха» и «Трактат о русском стихе», где он отлично обследовал строение самого популярного в России стихотворного размера – четырехсопного ямба, установив восемь форм модуляций этого размера. В скором времени выйдет в свет новая, посмертная книга Шенгели по теории русского стиха – итог его тридцатипятилетнего изучения этого вопроса.

Я заканчиваю. Но мне хотелось бы сделать небольшое отступление от прямой темы нашей беседы, но имеющее непосредственное отношение к Шенгели.

Я уже упоминал о том, что Шенгели был знаком со знаменитым некогда русским поэтом Игорем Северяниным, который в 1917 году на состязании поэтов в зале Политехнического му-

зея получил от публики звание «короля поэтов» (Маяковский получил тогда звание «принца поэзии»). С 1927 года Шенгели вел переписку с Игорем Северяниным, жившим в то время в Эстонии. Шенгели получил от Северянина девятнадцать писем, это, кажется, единственное в СССР эпистолярное наследство поэта. Из писем видно, что Северянин жил в местечке Тойла, около Таллина. Жил очень бедно. Книги не издавались.

В сентябре 1927 года Северянин писал к Шенгели: «Мы живем замкнуто, почти никого не видим, да и некого видеть здесь: отбросы эмиграции и рыбаки, далекие от искусства».

В сентябре 1940 года Северянин писал: «Капиталистический строй чуть не убил во мне поэта: последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал… Положение мое здесь из рук он плохо: нет ни работы, ни средств к жизни, ни здоровья. Терзают долги и бессонные ночи».

В январе 1941 года он писал: «Последние силы иссякают в неопределенности. А я мог бы, мне кажется, еще быть во многом полезен свой обновленной родине».

В сороковом Шенгели помог напечатать в журнале «Красная новь» несколько стихотворений Северянина. Ему переслали гонорар – что-то около трехсот рублей. Поэт был счастлив. Семья его некоторое время была сыта.

В одном из писем Северянин писал, что нищета его дошла до предела. У него остался один пиджак, настолько заношенный, что он стеснялся в нем выходить на улицу и не мог посещать театр или кино. В марте сорок первого жена Северянина, учительница средней школы Вера Борисовна Коренди писала: «Положение наше трагично и ужасно… Чем жить в Тойле, как работать, не имея ни гроша, – не знаю… Пришлось продать макинтош, чтоб смочь существовать»…

В дни войны Игорь Северянин не успел эвакуироваться из Эстонии в Россию. Он умер в оккупации в 1941 году, в нищете.

Я говорю вам обо всем этом потому, что Георгий Шенгели был единственным из советских писателей, кто поддерживал отношения с Игорем Северяниным, однотомник избранных произведений которого готовится в настоящее время к изданию…

Как мы видели, весь свой большой талант, свой ум и душу – всю свою жизнь Георгий Шенгели посвятил служению поэзии. Трудолюбивейший среди наших писателей, он безраздельно и самозабвенно служил своему любимому искусству – искусству поэтического слова. Это был великий труженик, рыцарь поэзии.

Публикуемый текст Л.П. Гроссмана впервые прозвучал на первом вечере памяти Шенгели в конце февраля 1958 года в Центральном доме литераторов под председательством С.В. Шервинского. Времена еще были *туманные,* выступавшие понимали, что их задача – помочь жене Шенгели Нине Леонтьевне Манухиной в *реабилитации* многолетне опального поэта и ее, увы, не удавшейся попытке издать подготовленный однотомник его сочинений. Вероятно, поэтому Гроссман ограничил себя темой «Шенгели-переводчик».

Пять лет спустя, в день седьмой годовщины со дня смерти поэта, 16 ноября 1963 года, под председательством самого Гроссмана поминали Шенгели на «Исполнительном заседании литературного общества «Никитинские субботники». Леонид Петрович сосредоточился на воспоминаниях об одесской литературной жизни времен Гражданской войны, на знакомстве там с Шенгели и некоторых дальнейших, по большей части деловых встречах с ним. От этого выступления в архиве Гроссмана – лишь фрагменты-черновики.

Протокол того «заседания» сохранился. Кроме председательствовавшего выступали В.А. Бугаевский, А.П. Квятковский, А.А. Тарковский. Стихи Шенгели, почти все к той поре неопубликованные, читали Владимир Рогов, Владимир Бугаевский, Мария Петровых, Арсений Тарковский и Аркадий Штейнберг.

Л.П. Гроссман. Перевод поэзии и поэзия перевода

Гроссман Леонид Петрович (1888-1965) – литературовед, прозаик.

Очерк, прочитанный на вечере памяти Шенгели в 1958 г., публикуется впервые.

…*цикл «Люди и страны»*… – цикл из тринадцати стихотворений, вошедший в книгу Шенгели «Планер» (1935).

«Хитопадеша» – санскритский сборник *басен* (коротких нравоучительных историй) в прозе и в стихах, составленный в XIV-IX вв. до н. э.

А.П. Квятковский. Рыцарь поэзии

Квятковский Александр Павлович (1888-1968) – литературовед, теоретик стиха, поэт.

Судя по рукописным наброскам и машинописным вариантам, копии которых, равно как и публикуемый текст, любезно предоставил мне сын Квятковского Ярослав Александрович, это выступление *ведущего* на втором вечере памяти Шенгели, 11 мая 1960 года, нелегко далось Квятковскому. Очень похоже на то, что он твердо решил следовать *задаче*, которую ставили перед собой все вечера памяти Шенгели, состоявшиеся в первые десять лет после его смерти (всего их было пять): *вернуть* его в литературу, то бишь издать максимально полно его наследие, и прежде прочего – стихи и поэмы, из которых при жизни автора было опубликовано не более четверти, а то и меньше, а из написанного в последние двадцать лет жизни, то бишь наиболее зрелого и сильного, – всего ничего… Думается, именно потому Квятковский, неплохо знакомый с «поздним» Шенгели, столь явно, акцентированно *советизирует* его – и пространно цитирует лишь одно, и, на мой взгляд, не самое удачное сочинение поэта – написанную в 1937 (!) году и вскоре опубликованную поэму «Ушедшие в камень». Из остального – ни строки. О прочем, как он сам определяет, «бегло», в одном абзаце, так сказать, вводя Шенгели в *контекст* истории русской поэзии двадцатого, девятнадцатого и даже восемнадцатого века. Увы, и эта попытка издать Шенгели не удалась. Его стихам и поэмам пришлось дожидаться публикаций еще четверть века…

Текст выступления публикуется впервые.

Смирнов Александр Александрович (1883-1962) – историк литературы, переводчик.

Станкевич Александр Александрович (188?–1959) – прозаик, критик.

Белецкий Александр Иванович (1884-1961) – историк литературы и театра, академик.

Рогов Владимир Владимирович (1930-2000) – переводчик, поэт; с гордостью именовал себя «учеником Шенгели», с которым познакомился восемнадцатилетним, был страстным его почитателем и пропагандистом, в частности, не раз устраивал читки его стихов и переводов (исполнял из замечательно) на вечерах-встречах, которые регулярно-ежемесячно проводил в Доме Брюсова (на Первой Мещанской, ныне – Проспект мира, 30), в большей части которого еще при жизни Иоанны Матвеевны расположилась библиотека (ныне – Музей Серебряного

века); лишь в самые последние годы жизни, уже тяжело больной, перестал появляться среди гостей падчерицы поэта Ирины Сергеевны Манухиной на годовщинах памяти Шенгели…

«*Трактат о русском стихе*» – Одесса, 1921; второе издание, «переработанное» (почти вдвое бóльшее по объему), – М. – Пг., 1923. Эта книга *сделала* Шенгели «действительным членом» Государственной академии художественных наук (ГАХН).

…*новая посмертная книга Шенгели по теории русского стиха*… – вышедшая в том же году с предисловием Л.И. Тимофеева (он и подготовил издание) «Техника стиха» – лишь часть «труда жизни» Шенгели, «Русское стихосложение», не изданного по сию пору.

В сороковом Шенгели помог напечатать в журнале «Красная новь» несколько стихотворений Северянина… – в сорок первом, и не только в «Красной нови», но и в «Огоньке»: «Красная новь», № 3 – «Привет Союзу» и «Стихи о реках»; «Огонек», № 13 (736) – «О том, чье имя вечно ново…».

…*был единственным из советских писателей, кто поддерживал отношения с Игорем Северяниным*… – автор не упоминает о том, насколько подобное общение с эмигрантом было рискованно, резонно рассчитывая, что слушателям сие понятно и так; три года спустя, готовясь выступить на вечере, посвященном семидесятилетию со дня рождения Шенгели, Квятковский добавил еще два эпизода, свидетельствующих об *отзывчивости* Шенгели на беду, постигшую *другого*. Написал, что Георгий Аркадьевич в сорок шестом поддержал Ахматову – после погромного доклада Жданова, и как в сложной ситуации помог ему самому: «В 1937 году, после бессмысленной трехлетней «командировки» на север, я возвратился в Москву. Многие знакомые на улице и в стенах издательств проходили мимо меня, не замечая или делая вид, что не замечают. Печататься мне было очень трудно. При первой же встрече Георгий Аркадьевич, с которым был тогда мало знаком лично и против которого по групповой глупости я выступал в 20-х годах, первым подошел ко мне (в Гослитиздате на Б. Черкасском переулке); осведомился о моих делах и сразу предложил мне переводы. Через некоторое время он, узнав, что я работаю над «Словарем поэтических терминов», дал мне прекрасную рекомендательную записку к П.Ф. Юдину (заведовавшему тогда ГИЗ'ом), который сразу же вызвал к себе из Словарного издательства человека и сказал ему о возможном издании моего «Словаря». Вскоре

я заключил договор с издательством, и «Словарь» вышел в 1940 году. Уже после выхода в свет моей книги я узнал от того же работника издательства о том, что один из известных в Москве литературоведов-конъюнктуристов, прослышав о моем договоре на «Словарь», прислал в издательство кляузное письмо, в котором всячески поносил меня, особенно подчеркивая факт моего репрессирования. К чести издательства, авторитетное имя Шенгели перевесило имя автора-доносчика». К этим сведениям о *прикосновенности* Шенгели к первому изданию *главного труда* жизни Квятковского, *прообраза* его будущего «Поэтического словаря», стоит, по-моему, добавить, что «работником издательства», от коего Квятковский узнал о *злоключениях* своей книги, был ее редактор – Сергей Михайлович Бонди…

…*готовится в настоящее время к изданию*… – «готовилась» книга довольно долго, вышла она лишь пятнадцать лет спустя.

Публикация Вадима Перельмутера

Олена Яворська

Одеські сторінки щоденника Сергія Єфремова

Місто наше, Одесу, як кохання та розлуку, щастя й біду, неможливо оминути. Всі шляхи ведуть до нього, і потім засвідчують ті, хто приїздив до Одеси, на сторінках щоденників, листів, оповідань чи віршів, і щасливі, й гіркі сторінки свого життя.

Дивним чином переплелися в Одесі долі літературного критика, історика літератури, академіка Сергія Єфремова та художника й письменника Михайла Жука.

Єфремов вперше приїздить до Одеси у 1903 році, коли Жук ще навчається у краківській Академії красних мистецтв. Згодом Єфремов схвально відгукнеться про літературну творчість Жука в «Історії української літератури»: «Прихильником чистого мистецтва виступає й Михайло Жук, що в поезіях своїх («Співи землі») розробляє переважно мотиви особистої лірики. З прозових творів Жука визначається чистотою рисунку й настроєм оповідання «Тільки встати», що нагадує потроху імпресіоністську манеру Чехова з його влучним образом життьової буденщини».*

1923 рік. Жук пише розпачливого листа до голови Ради народних комісарів УСРР Християна Раковського: «…якщо я потрібний тут по своїй спеціальності, то дайте мені можливість працювати, дайте можливість жити з цієї роботи. Якщо ж моя робота справді не потрібна, дайте мені можливість емігрувати з родиною, хоча б в американські українські колонії, де я спробую здобути собі це право».**

* Єфремов С. Історія українського письменства. – К., 1917, с. 444.

** Лист М. Жука до Х. Раковського. – Чернігів, 1923 р. 3.05 // Київ, 1988, № 11, с. 160.

Цим же 1923-м роком датовано перший запис у щоденнику Сергія Єфремова. Він, на відміну від Жука, думку про еміграцію відкидає. Записи Єфремов вів до арешту у 1929-му. Одеса згадується за ці роки чотирнадцять разів. Переважно – записи про відправлені до нашого міста листи. Серед його адресатів – Д. Левченко, М. Слабченко, В. Герасименко, А. Музичко, Ралієв, Т. Князев та М. Жук.

Михайло Жук переїздить з Чернігова до Одеси восени 1925 року та починає викладати у Політехнікумі образотворчих мистецтв (згодом Художньому училищі імені М.Б. Грекова). 1925-м роком датовано й портрет Сергія Єфремова роботи Жука. Сам Єфремов відзивався про портрет доволі іронічно: «Поганенький вироб у звичайному пісному Жуковому дусі: скривлений і з квіточками».***

У 1926 році була внесена до списку заборонених дитяча п'єса Жука «Весна». Тоді він пише листа до Вищого репертуарного комітету: «Я певний, що в будучині, підраховуючи всю суму мого художнього дорібку, може знайдеться друга оцінка моєї роботи. Можливо, що багато буде викреслено, можливо, що я зійду в Лету, без слави й без пам'яті, але це буде встановлювати не Ваша репертуарна рада зі своїм канцелярським ножем: Слухали – Постановили. <…>

Один з рецензентів моєї казки пише: «Казку не можна дозволити, бо зараз голова Раднаркому тов. Чубарь». А справа в тому, що в казці є віршик, де написано: «Була війна п'ять віків, між Котів і Чубарів». <…> Від великого до смішного лише крок. <…> Шкода тільки велика, що Вам дадено право накладати своє Veto та робити несподівані висновки вищезазначеного, які дуже подібні до висновків Ваших попередників, які забороняли мої казки. При таких умовах – працювати не можна».****

Саме про епізод з Чубариком згадує у своєму щоденнику Сергій Єфремов: «9 червня. [1925] … почув кілька цікавих фактів, що скидаються на небилиці. Жук, що вернувся з Харкова, розказував

*** Єфремов С. Щоденники: 1923-1929. – К., 1997, с. 769. Оригінал портрету не зберігся, у 1927 р. була надрукована листівка з портрету.

**** Заява до Вищого репертуарного комітету проф. Михайла Івановича Жука [березень-квітень 1926]. Рукопис, зібрання С.З. Лущика.

Михайло Жук. Портрет Сергія Єфремова

про свої розмови в цензурі. В одній його казочці між дієвими особами був Чубарик.

Цензура запротестувала: «Адже в нас тепер голова Раднаркому Чубарь – не можна згадувати». – «А що ж ви робитимете, коли головою Раднаркому буде Жук? Адже ж тоді усіх жуків з усіх казок доведеться викреслювати»… Не помогло, і Чубарик з казки мусив випасти».*

1927 рік. Портрет Єфремова експонується на виставці «10 років Жовтня», його купує Державна галерея.

У 1928 році (за рік до арешту у справі СВУ) Єфремов востаннє приїздить до Одеси. У щоденнику трагічний опис Одеси, міста, яке він пам'ятав у славі й розквіті:

«11 червня. До Одеси «Желябов» прибув о 4-ій годині вранці. Гарна, імпозантна з моря, Одеса не прокинулась, ще занадто для неї рано. Золоте проміння сонця з моря даремно обливає ясним світлом мертву порожняву. Порт мертвий, порожній, як долоня, чисто виметений і од суден, і од людей. Куриться зо 3-4 димки. Жодного чужостороннього пароплава. А порт – це ж нерв не тільки для Одеси. Паралізовано нервову систему – і завмерло колись кипуче життя.

Їду з пристані до отелю. «Кому був пам'ятник?» – питаю візника, зуздрівши спорожнений постамент. «Старого время – цариці Катерині. Скинули. Потім поставили отого Карлу Маркса. Таке опудало, що й самі злякались. Скинули. Тепер не знаю – кому буде».

Доспавши, вийшов на вулицю. Людно: скрізь черги, черги, черги… Але це ще тільки «місце застоюють»… Пізно прокидаєть-

* Єфремов С. Щоденники: 1923-1929. – К., 1997, с. 241

ся Одеса – о 9-й ранку я ніде не міг знайти сніданку. Подався до моря, пішов тими місцями, де був з О.Я. Кониським 30 років тому, та з Є.Х. Чикаленком р[оку] 1903. Ось і ресторан над морем, де вперше зустрівся р[оку] 1908 з Д. Марковичем. Захожу. Рано ще – кажуть. Пішов знов бульваром. Знамениті сходи до моря тепер нікуди не приводять – зруйновані, і саме тепер нагадались, що треба їх полагодить. Зо три каменярі ліниво цюкають своїми молотками кам'яні брили. Ось і давній пам'ятник Пушкінові, а недалечко від його, – може, з суголосності в російській мові: «пушка» – непотрібна гармата. На пам'ятникові приробленo нову дошку з новим написом 1922 р.: нате, мовляв, і наших п'ять, щоб було десять… Пам'ятник Рішельє, як і Воронцову, чомусь вцілів. Одеська контрреволюція…

Довго блукав цією шахівницею, що зветься Одесою. Колишня чепуруха тепер світить облупленими, давно не чепуреними мурами. Деякі вулиці – зелені від трави: давно тут не їздять, і безсила травинка перемагає міцне каміння. А поза тим усе ніби по-давньому: такі ж, як і були, вусаті жінки трапляються на кожному кроці і так само співають по-партесному жебраки і перекупні. «Одеса-мама», навіть і з паралізованими поворушними центрами, все ж силкується виглядати по-давньому. Навіть пишний театр відбудувала після пожежі. Даремно: нікому в йому грати і нікому дивитися. Потік людських тіл по колишній Дерибасовській, а тепер Лассаля вулиці обминає його: не до сала, коли кабана смалять.

Заходжу до О.Ф. Волошинова. Зраділи старі, мало не з плачем зустріли. Знов уламок минулого, що міг би ще корисним бути і теперішньому часові.

Сідаю в трамвай і лечу на Великий Фонтан. І тут наруйновано багато. Око щораз стріває купи каміння; недопалені стіни, дірчасті мури. На місці розкішних віл подекуди зеленіють городи. Сади викорчувано. Важка рука руїнника і тут пронеслася ураганом і залишила сліди надовго невиводної руїни.

Зате не міняється море. Сьогодні воно блакитне-блакитне: тихо вилежується-вигрівається на сонці. На широкому обрію ані хмариночки, лиш де-не-де замайорить білою плямкою вітрило заблуканого човна. Ні оден пароплав не встеляє його чорним

димом. Порожнє, але живе море, поплутане таємничими течіями, немов річками суходіл. Крутим узвозом схожу до самісінької води, що стиха щось воркоче надбережним скелям.

Сів на нагрітій од сонця скелі й вигріваюся од негоди, що весь час немов гналася за мною. Помалу роздягаюся. Купатися чи не купатися? Не видержав – пірнув у блакитну рідину, а потім довго ще обсихав на гарячій скелі. Чудово, мов помолодшав!

Увечері – з людьми. Був у Б. Комарова, М. Слабченка. Знов повійнуло на мене турботами, що їх полишив був далеко за собою. Краще над морем, де тебе ніхто не знає і де не треба провадити ділових розмов.

12 червня. Половину дня знов просидів на В[еликому] Фонтані, дивився в блакитну далечінь, купався, прощався з морем… Чи побачу його коли?

Хоч і не хотілося кидати моря й повітря, зайшов до музею. Великий і упорядкований добре, але сучасність вдирається і до спокійних колекцій кам'яного та мусянжового віків, – сучасність у найогиднішому вигляді. Саме коли я оглядав ці колекції з помічником завідателя, прибіг до його мало не з плачем один із співробітників: «Що це робиться? Там з екскурсії одна дівчина заплювала лице Катерині!». Я не зрозумів був, про що мова. «У нас лежить фігура Катерини II з пам'ятника, і це просто біда, – пояснив мені помічник, – щоразу якісь хуліганські витівки трапляються». Побачили ми незабаром і ту «запльовану» Катерину: справді потоки слини на обличчі!.. Виявилось, що на цьому не спинилося. Хтось із екскурсантів ще й насіяв у стародавню урну, що стояла поруч, а як стародавній посуд увесь поколотий і з дірками, то біля урни стояла чимала пахуча калюжа. Подивились ми одне на одного, стенули плечима. Згадалось мені оповідання Яворницького, як він ховав свою Катерину; згадались ті купи людського гною, що бачив я колись після солдатського постою по коридорах колегії Павла Галагана в Києві, згадались «наші» в Галичині 1914-1915 рр… і ще багато що згадалося з шляхів і способів нашої комуністичної революції… Якраз із такими дикунами тільки і робити такі революції. Але чи не час би вже й перестати? Доробилися вже по самісіньке нікуди – і не продихнеш!

Надвечір виїздю з Одеси до Києва. Ну, що ж – «прощай, мій спокою!» – спокій, певна річ, дуже відносний і обмежений втручанням специфічної сучасности. Що то застану в Києві?».*

Того разу Єфремов з Жуком не зустрівся. Востаннє вони побачилися за рік, навесні 1929-го, і мова зайшла саме про портрет Єфремова. «30 травня. Бачився з худож[ником] Михайлом Жуком, що приїхав сюди виставку улаштовувати. Розповів мені факт, що за анекдот може правити. Торік на виставці був його роботи мій портрет – правду кажучи, поганенький вироб у звичайному пісному Жуковому дусі: скривлений і з квіточками. Куплено його для Національної галереї. Тепер, побачивши Жука, там питають: чи не згодився б він цього портрета заміняти на інший? «Бо ж Єфремов… знаєте, не можна його виставляти… Ми тоді не знали, що він такого наробить»… – «Я не циган, – одказав Жук, – і своїми картинами не менжую. Купили – то й держіть!»**

Минуло два місяці після цієї розмови. 21 липня 1929 року Сергія Єфремова було заарештовано за звинуваченням в організації та керівництві «Спілки визволення України». У квітні 1930-го його засудили до десятирічного ув'язнення з суворою ізоляцією. Загинув він 10 березня 1939 року (за одними даними у Володимирській в'язниці, за іншому – в одному з таборів ГУЛАГу).

У лютому 1931 року був заарештований і Михайло Жук. Але йому пощастило – приблизно через три місяці вийшов з ув'язнення. У 1955 він пише до Ірини Коцюбинської: «…коли мене заарештували в 1931 році, то забрали багато книжок з автографами татка, Нечуя-Левицького, Лесі Українки, Лисенка, Лепкого, Франка і багато інших, які я так і не отримав».*** Невідомо, чи були серед вилучених книги з дарчим написом Єфремова. Мабуть, були. Пощастило в одному – художній доробок енкавеесників не зацікавив. Багато хто з портретованих ще не був визнаний «ворогом народу». Тому збереглися портрети Миколи Зерова, Леся Курбаса, Олександра Олеся, Миколи та Марка Вороних і ще багато кого

* Єфремов С. Щоденники: 1923-1929. – К., 1997, с. 651-652.
** Єфремов С. Щоденники: 1923-1929. – К., 1997, с. 769-770.
*** З листа М. Жука до І. Коцюбинської 20.10.1955. Повідомлено В. Величком С.З. Лущику.

з діячів «розстріляного Відродження». Можливо, коли б не купив музей портрет Єфремова, то й той би уцілів.

Що ж, як написав Микола Зеров,

Блажен, хто рокові часи
не відчував на власній шкурі,
хто бачив явища понурі
в аспекті втіхи і краси, –
знав революцію з фасаду,
не відав трусу, ані гладу.

Сокровища из сокровищницы

324 Татьяна Щурова
«…Пам'ять і час! Вони з нами… Вони – ми самі…»

Татьяна Щурова

«...Пам'ять і час! Вони з нами... Вони – ми самі...»

Стотридцатилетие со дня рождения Василия Степановича Василько (7.04.1893-18.03.1972) – одно из знаменательных событий нынешнего года. Мы отмечаем эту дату не только потому, что он был руководителем крупных театров Украины, режиссером-постановщиком многих значимых для истории национального театра спектаклей, хорошим актером, педагогом, автором пьес и инсценировок, талантливым историком и теоретиком театра, а также создателем первого в Украине театрального

музея. Жизненный и творческий путь Мастера во многом связан с Одессой и театром, который с 1995 года носит его имя. Судьба трижды предоставила ему возможность возглавить Одесский украинский театр – в 1926-1928, 1939-1941, 1948-1955 гг. Всего он поставил здесь тридцать спектаклей, многие из которых действительно вошли в «золотой фонд», начиная с его первой блистательной постановки «За двома зайцями» (1926) до «Угрюм-ріки» (1962) по роману В. Шишкова – «эталона создания эпической драмы», как пишут исследователи.

Многогранность таланта народного артиста СССР В.С. Василько щедро описана в книжных изданиях, публикациях в периодике, материалах конференций 1980-х гг., посвященных его творчеству. Частично изданы тексты самого режиссера. Из всего написанного видна непростая театральная судьба. И Одесса, в частности, стала для Василько городом, даровавшим во все его приезды сюда и счастье, и муки творчества – он уезжал и вновь возвращался. Театр – всегда сложный организм с борьбой самолюбий, страстей и обид. Не все актеры понимали, что руководитель театра стремится поднять на более высокий уровень культуру режиссерского и актерского мастерства, вдохновляя исполнителя на яркую сценическую форму, возрождает студийность, пытается создать разнообразный и интересный репертуар.

Архів
народного артиста Союзу РСР
В. С. ВАСИЛЬКА

К моменту приезда в одесскую Держдраму у режиссера за плечами был уже интересный опыт. В начале нынешнего века были опубликованы отрывки из дневников 1914-1926 гг. молодого артиста Василия Миляева (взявшего сценический псевдоним Василько). В них он описывает свое пребывание, первые шаги на профессиональной сцене. Ему удалось, будучи еще студентом университета, поработать в театре сначала Мыколы Садовского, а затем перейти в труппу Ивана Марьяненко. Общение, наблюдение за корифеями стало для юноши, влюбленного в театр, еще одним университетом. Начинающий актер был необычайно требовательным к себе: «Избавь, Боже, меня от самомнения и пошли побольше самокритики. Может быть, тогда что-то из меня получится…». И запоминает слова Марьяненко: «Я всіх молодих попереджаю і от вас теж, що хто поступає на сцену, тому вже нема вороття назад в життя – це вже треба мати надзвичайну силу волі, щоб кинути сцену, та й то все одно: той чоловік, що кине сцену, буде завжди незадоволений і все буде жити тільки сценою. Ми, артисти, хоч часом і бідуємо, голодуємо, але ми завжди живемо, чогось добиваємось, щось шукаємо!..». А потом была дружба и сотрудничество с Лесем Курбасом и его театром «Березіль».

В театре Курбаса Василько увлекся идеей создать театральный музей. Об этом мы уже писали в альманахе № 91. Именно он первым внес в музейный фонд свои восемьсот фотографий и негативов, зафиксировавших спектакли Садовского, – тогда это было большой редкостью. Василько потом все годы пополнял фонды музея, который в разные годы назывался по-разному. Сегодня это Музей театра, музыки и киноискусства Украины с коллекцией более двухсот пятидесяти тысяч разнообразных экспонатов. В конце жизни Василий Степанович отправил в музей несколько контейнеров со своей библиотекой и большим архивом. Нам с коллегой по-

После премьеры «Наймички». Одесса, 1955. Кошутский, Туз, Василько, Молодан, Савицкий, Ройтман

счастливилось незадолго перед этим побывать в доме Василько, увидеть эти интереснейшие материалы. Некоторые дублетные фотографии из его архива спустя годы перешли в фактографический фонд отдела искусств Одесской национальной научной библиотеки благодаря краеведу и коллекционеру С.З. Лущику. Этот фонд, кстати, появился у нас благодаря В. Василько. В начале 1970-х гг. он несколько раз приходил в библиотеку знакомиться с новыми поступлениями. Именно тогда и заразил нас собирательством фактографии – фотографий, газетных вырезок, пригласительных билетов, театральных программок и др. Скольким исследователям за прошедшие пятьдесят лет помогли уже наши коллекции!

После ухода из театра в середине 1950-х гг. и до конца жизни Василько работает со своим архивом, пишет книги о старых актерах театра корифеев Л.П. Линицкой (1957) и В.Ф. Левицком (1958). В 1962 году издает книгу «Микола Садовський і його театр», принимает участие в сборнике статей,

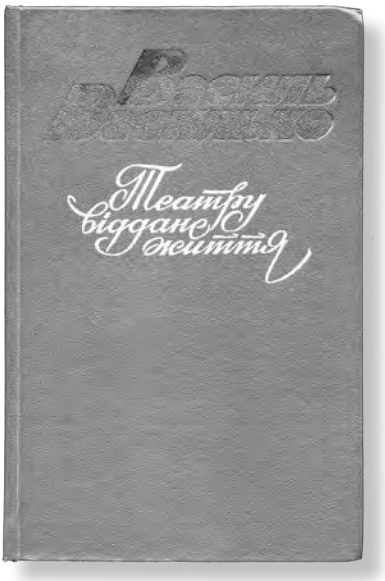
посвященном Лесю Курбасу. Через несколько лет появилось его великолепное исследование «Фрагменти режисури» (К., 1967), которое до сих пор может быть необходимым пособием для молодых режиссеров. Последние пять лет жизни Мастер напряженно работал над своей итоговой книгой «Театру віддане життя». 9 марта 1972 года он поставил последнюю точку в ней. Ушел из жизни через несколько дней – 18 марта… Книга со значительными купюрами была издана в издательстве «Мистецтво» в 1984 г.

Наследие В.С. Василько ждет энтузиастов, влюбленных в театр и преданных этому искусству. Необходимо издать книгу мемуаров полностью, опубликовать, наконец, дневники с комментариями, возродить конференции, посвященные многогранному творчеству Василько. Да, а еще в театре, носящем его имя, был великолепный музей, один из лучших в Украине. Вы не знаете, почему он закрыт?..

Предлагаем фрагменты из книги В.С. Василько «Театру віддане життя».

Фото из архива В.С. Василько

Одеса, Одеса!



Вирушили ми з Любов'ю Гаккебуш із Києва з наміром побути день-два у Харкові, а далі – в Луганськ, до шевченківців.

У Харкові у відділі мистецтв мені запропонували їхати на роботу до Одеси художнім керівником новоствореного театру. Я вірив у свої сили, був відданий улюбленій справі, але в той же час пам'ятав, що я не дипломат, прямий, одвертий, а це недолік, коли займаєш посаду художнього керівника. І я відмовився.

Я доводив, що ніколи не був завхудом, боюсь, чи вистачить у мене досвіду провадити міцну репертуарну лінію, яка, по суті, визначає політичне і художнє обличчя театру.

Мене переконували, що саме в Одесі мусить бути зразковий український театр, це дуже важливо для нашої культурної політики, і колектив Держдрами просить призначити мене художнім керівником. У відділі мистецтв мене запевняли в тому, що я матиму постійну підтримку з боку цього органу. Зрештою, я погодився. Це був знаменний і, безумовно, переломний крок у моєму житті.

Коли в Одесі заснувався український театр, багато хто висловлював сумнів у його щасливу майбутність. Одначе інтернаціональне місто полюбило цей театр, його чудових акторів і щиро потяглося до української культури. Репертуар різноманітний, хоча іноді еклектичний, компромісний – до цього примушували виробничі обставини, Дотація маленька, театр мусив жити власним коштом. Поруч – російська драма, оперета, кілька естрадних театрів, і от – український театр грав день у день, і завжди в залі

В.С. Василько (Миляев). 1912 г.

було повно глядачів. Завжди! Такої зацікавленості, такої шани давно не доводилося мені спостерігати.

На той час я зустрічався майже з половиною українського акторства і знав, що при всій їхній творчій відсталості, як мені, березільцю, тоді здавалося, серед них є й хороші актори, майстри. У своєму мистецтві вони реалісти так само, як О. Полевицька, С. Кузнецов, які мені дуже подобалися. Виходить, у них лише інший напрямок, інша школа. З такими думками та почуттям великої відповідальності і надією на утвердження в Одесі українського театру я на підставі мандату Наркомосвіти 24 вересня 1926 року прибув до цього міста. Трупа зустріла мене з Л. Гаккебуш радо, прихильно і, здавалося, щиро.

Ми, березільці, у своєму прагненні до нового, революційного, чи то за нашою молодістю, чи за духом часу поставили знак рівності між поняттям «буржуазний» і «реалістичний», між «революційний» і «конструктивістський». Ми плуталися. І от сама дійсність своїм ходом подій, тим, що «97» має більше глядачів, ніж, скажімо, «Машиноборці», довела, який складний процес народження нового, соціалістичного театру. А яким він має бути – для мене самого ще не було ясно.

15 жовтня 1926 року – відкриття другого сезону Одеської Держдрами. Йшла вистава «За двома зайцями». Були квіти, овації, бажаний святковий настрій. Ю. Шумського, І. Замичковського, Л. Мацієвську публіка щоразу зустрічала оплесками. Вистава пройшла рівно, без особливих накладок, але й без встановленого темпу і ритму. Різнобій у грі акторів для театрально грамотної людини був помітний. Так, театру необхідна справжня режисура і не тільки

хороші актори, а ще й однодумці. Тоді цей театр може процвітати. Але в колективі не тільки в манері гри, а й в акторській психології, – теж великий різнобій? Є все: і кар'єризм, і запобігання, і славослів'я. Кожен хоче грати лише те, що йому подобається, що матиме успіх у публіки. Ревнощі до успіху товариша дуже часто переростають у чвари. Вже визначилися ватажки окремих угруповань, і кожен бореться за своє провідне місце у театрі.

В.С. Василько (Миляев). 1914 г.

Акторська амбіція – це найбільше зло у творчій роботі. Режисер мусить переборювати прояви амбіції. Але як це важко! Особливо коли серед керівництва, великого й малого, є особи, яким імпонує «осушити акторські сльози». Наш брат – актор, як відомо, вміє, де треба, удати «пригнічену невинність» – засіб, який діє безвідмовно.

Я взяв собі за принцип – незалежно від положення актора зі всіма говорити одверто, прямо, а головне – без будь-яких привілеїв. Дисципліна мусить бути одна і обов'язкова для всіх: і для провідних акторів, і для другорядних. Ніяких запобігань ні перед ким, ніяких монополій на ролі! Тільки творче змагання! Я сподівався, що для підтримки творчої атмосфери це правильно і корисно.

О свята наївність! Нібито в театрі це можливо!

У правила внутрішнього розпорядку я ввів параграф: актори, які грають у виставі, не мають права виходити до глядної зали під час сцен, де вони не беруть участі.

З метою фіксації неполадок і контролю щодо їхнього виправлення я на дошці оголошень вивішував розпорядження і накази. Я навіть не передбачав тоді, що з часом цей мудрий вчинок

допомагатиме мені захищатися від різних обмов як доказ, що всі мої розпорядження робилися виключно в інтересах виробництва.

Все, що в «Березолі» вважалося новою школою гри, чіткою, виразною формою, сповненою нового, цілеспрямованого розуміння, старші актори Держдрами сприймали як плакатне, надумане, зумовлене відсутністю в актора емоційних барв. У своїй творчості, манері гри Любов Гаккебуш і я почували себе самотніми. Щоб зрівнятися у смаках і поглядах, ми мусили б повернутися до гри самим натхненням, точніше – «нутром». Вивчення тексту напам'ять, знання мізансцен і художність підготовленої ролі вважалися синонімами. Лише Л. Мацієвська і П. Нятко відчували, що таке чітка театральна форма, і намагалися грати якомога виразніше.

Восени 1927 року до Одеси приїхав І.Е. Бабель і привіз свою п'єсу «Закат». У літературному клубі було призначено читку. Клуб переповнений, були всі, хто тільки був причетний до літератури чи мистецтва. Читав сам Ісаак Емануїлович. Мертва тиша і регіт були супутниками його чудового читання. Коли він закінчив, всі одностайно із захопленням вітали новий твір улюбленця всієї Одеси, автора і земляка. На другий день почалася «творча бійка» за право постановки п'єси. Було вирішено дозволити постановку п'єси І.Е. Бабеля обом театрам – російському й українському – з умовою, що прем'єри відбудуться в них в один і той же день.

Про день прем'єри між директорами театрів була джентльменська домовленість. Після цього стіни кожного театру, а театри працювали поруч, стали непроникними.

Російський театр відразу розписав ролі і розпочав роботу. Ми втрачали багато часу, бо залежали від перекладу. Кому замовити? Хто візьметься за це? Часу на переклад п'єси було дуже мало. Вирішили просити Л.М. Гаккебуш, яка була автором багатьох вдалих перекладів.

Мені дуже подобалась п'єса в перекладі Любові Михайлівни – «Захід», і я мав право її поставити. Але я не досить знав стару Одесу, а головне – за ситуацією, що виникла, нічим не можна було ризикувати. Адже ми мусили не програти змагання. Постановником мав бути режисер, якому б органічно близькою була національна

специфіка твору, бо відомо, яке велике значення має національний колорит на сцені. Я боявся, щоб за виграшними словечками не потрапила у виставу пошлість і бравада специфічним на той час жаргоном Молдаванки.

Добре розміркувавши, вирішив запросити на постановку Володимира Бертольдовича Вільнера, режисера великої майстерності і культури. Він був мені близький як режисер, що поєднував у своїй творчості реалізм з театральністю. У цьому причина нашої творчої дружби і його багатьох постановок у театрі, яким я керував. Я погодився на запропоновану Вільнером кандидатуру художника кіно І.А. Шпінеля, хоча зовсім не знав його. Я цілком довірився смакові та розумінню Вільнера. Художник І.А. Шпінель – дуже мила і скромна людина – цілком виправдав наші сподівання. Він здійснив чудове оформлення, образне й колоритне, що розкривало зміст п'єси Ісаака Бабеля. Прекрасний музичний супровід створив Ю.Ю. Губарьов, хоча для вистави музика не мала істотного значення.

Головні ролі виконували: Мендель Крик – Ю. Шумський, Нехама – А. Мещерська, Беня Крик – Й. Маяк, Арьє-Лейб – В. Лісовський, Бен-Захарья – Ю. Красноярський, Маруся – П. Нятко.

Любов Гаккебуш зробила вдалий переклад, зі смаком, зберігши стиль автора. Всі діалоги легко поклалися на українську мову. Тільки фраза «Нехама, делай ночь» стала каменем спотикання. Не тільки перекладач, але й всі ми у своїх пропозиціях ніяк не могли дійти згоди. Ю.В. Шумський попереджав, що цю фразу він промовлятиме по-російському, бо інакше вона «не візьме». Ми заперечували, але так і не знали, як же він скаже цю фразу на виставі.

З першого дня почалася така напружена творча праця, про яку кожний режисер навіть столичного театру міг би тільки мріяти. Це була, дозволю собі такий вираз, «екстазна творчість». Зовсім зникли на цей час «мій секрет», «моє місце», що неодноразово руйнувало творчу атмосферу репетицій. Тепер найчестолюбніший, найзухваліший актор шукав контакту з партнером, аби вивірити правдивість, виразність у всьому, що він робив. Режисера всі слухалися безсуперечно. Безумовно, всім нам дуже хотілося знати, що робиться в наших сусідів, але вони, як і ми, працювали,

зберігаючи таємницю. Наближався призначений термін прем'єри. Як завжди, нам не вистачало «одного дня». Ми ходили по інстанціях, «плакалися», що нас обійшли, бо ми втратили багато часу на переклад, але нам нічого не допомогло. Час минав! Одна генеральна, друга… Зі сторонніх осіб – жодної людини в залі, не було навіть родичів.

Прем'єра відбулася 1 грудня 1927 року. Володимир Бертольдович, як і всі ми, страшенно хвилювався, хоча й намагався, щоб цього не помічали. Обидві прем'єри двох театрів у своєму змаганні були творчістю високого ідейного і художнього напруження. Це було справжнє мистецтво, Що робилося серед театралів Одеси! Кожен хотів «своїми очима» побачити обидві постановки, порівняти, дати оцінку і зробити свої висновки. Придбати квиток було неможливо. Та, на жаль, після десяти днів приголомшуючого успіху виставу було знято одночасно в обох театрах. Для мене це була незабутня творча гіркота.

…Незабаром виїзна вистава – «Рожеве павутиння» Я. Мамонтова. Захворів В. Лісовський, що грав Гудимуху. Звернулися до мене. Умовляють, навіть дають одну репетицію, Я згоджуюся, і – о жах! – подивитися на мій виступ виїздять не тільки вільні актори, а й декілька авторитетних театралів. Але на цей раз репетиція мені багато допомогла, урівноважила, текст я знав майже напам'ять, був у творчому піднесенні і навіть хотілося з честю довести свій хист комедійного актора. Після вистави театрали радили не кидати акторства, актори говорили: «Ні, він таки наш брат – актор!».

Цей експромт дав мені творче задоволення і підтримав віру у власні сили. А тому, коли, вже якось значно пізніше, після денної роботи, помічник режисера, доповівши, що захворів актор О. Липківський, запропонував мені замінити його увечері на виїзній виставі, я, переконавши помрежа, що умовлю О. Липківського грати, взяв із костюмерної все, що потрібно, і, законспірувавши свій виступ, приїхав на виставу як завхуд, аби підтримати дисципліну, що робив неодноразово. Я походив по убиральнях, всі мене бачили, а потім заховався за декораціями і там перетворився на поміщика-меломана Дряквіна-Кублицького, що приїхав з Оренбурга.

Зброєю мистецтва

Одеська Держдрама, тоді вже Театр імені Жовтневої революції, готуючись до відзначення 125-річчя з дня народження Тараса Шевченка, запросила мене на постановку п'єси «Поетова доля» С. Голованівського. Я прийняв запрошення.

Сава Голованівський взяв на себе надзвичайно відповідальне завдання написати п'єсу, де головною дійовою особою був би Т.Г. Шевченко. Це була, безумовно, одна з кращих п'єс, присвячених пам'яті великого поета.

Безперечна удача автора – образ Тараса Шевченка – палкого, непримиренного революціонера-демократа, геніального поета, вірного сина свого народу.

За часом дії Сава Голованівський обмежився лише двома роками життя Шевченка – його перебуванням на Україні в 1846-му і 1849 роках.

Головна, провідна тема – Шевченко і народ. Решта образів – поміщики і кріпаки 40-х років XIX сторіччя на Україні, Кирило-Мефодіївське товариство, донос Петрова, особисте життя Тараса Григоровича.

Наскрізна дія – боротьба двох таборів. З одного боку, Тарас Шевченко і кріпаки, з другого – Пантелеймон Куліш, ліберальна інтелігенція, поміщики.

Ідею постановки ми визначили так: поетова доля – це доля народу, Шевченкова доля – це доля українського народу.

«Поетова доля» – п'єса історико-біографічна. Творчий домисел режисера, акторів значно обмежується біографічними даними і вже складеними уявленнями про відомих історичних осіб. Проблема типажу, зовнішньої схожості набирає особливої значимості. Але ми не лише вивчали біографії, іконографічний матеріал, а й прагнули, щоб усі компоненти вистави розкривали образ Шевченка, епоху, його оточення. При характеристиці інших персонажів використовували свідчення про них самого Т.Г. Шевченка.

Кожен жанр має свої закони композиції, свої межі. Спираючись на матеріал п'єси, я визначив жанр «Поетової долі» як історико-романтичну драму.

«Шельменко-денщик». Черновцы, 1944 г. Шельменко – В. Василько

Вся п'єса має ясний і чіткий дійовий рисунок. Я сказав би, що «Поетова доля» – це хороша тонка гравюра. Саві Овсійовичу вдалося відтворити у п'єсі мужність, силу, полум'яність Шевченкового вірша. Непомітним був перехід од слів автора до слів Тараса Григоровича, що дало можливість вмонтувати в п'єсу твори самого Шевченка.

Чіткий, організований ритм, соковитість вірша складають стильову особливість п'єси. Перед акторами постали великі вимоги щодо культури слова і художнього читання. Побут, натуралістичні деталі відійшли на другий план, а на першому – в суворих, часом скупих за формою виявах подій, ми намагалися передати якнайповніше глибокий зміст і цим дати глядачам зворушливі почуття безпосередньої єдності з Шевченком.

Ми не замовили до вистави спеціальної музики, а пішли шляхом музичного супроводу, що складався з улюблених Шевченком музичних творів та народних пісень.

«Шельменко-денщик». Черновцы, 1944 г.

В оформленні хотіли використати творчу манеру, колорит Шевченка-художника. Нам це вдалося не зовсім. У п'єсі немає дії на природі, яку так любив і змальовував великий поет і художник.

Коли ми дивимось виставу і не згадуємо, не порівнюємо сценічних подій з відомими нам фактами життя з книжок, значить і автор, і театр спромоглися захопити глядачів, що є найдорожчою оцінкою.

Прем'єра відбулася 8 березня 1939 року. Образ Т.Г. Шевченка створив Й. Маяк. Оформлення сцени здійснив художник Д.Г. Крейн, обробку музичних творів – композитор В.К. Штайнер. Постановка була удостоєна Великої Шевченківської медалі.

В історії кожного театру раніше чи пізніше настає такий час, коли перед художнім керівником виникає дилема: чи й далі будувати театр лише на акторах-фундаторах, чи запрошувати коли треба нових, кращих акторів.

Виникло це питання і в Одеському театрі Жовтневої революції.

Театр мав творчі здобутки, вистави, які увійшли в історію українського радянського сценічного мистецтва, але мав і свої

хиби, які всі роки гальмували життя колективу. Часта зміна художніх керівників дезорганізувала акторів у напрямі творчих пошуків. Відсутність виховної роботи, проблема молоді… Театрові загрожувала творча криза.

Мене запросили в Одеський театр Жовтневої революції на посаду художнього керівника. І переді мною, зрештою, теж постало фатальне питання: інтереси театру чи інтереси «своїх» акторів?

Довго я зволікав з рішенням, та зрештою зумів прищепити колективові щире бажання працювати.

Я прагнув піднести культуру режисерської й акторської майстерності, урізноманітнити репертуар, переконати акторів у необхідності яскравої сценічної форми. Мені вдалося поставити питання мистецької своєрідності поруч з питанням ідейної цілеспрямованості нашої творчості як одну з принципових професійних засад. Правдива, переконлива, виразна, економна форма повинна відповідати глибокій ідейності, соціальній значимості і емоційному впливу на глядачів. Зі всією щирістю, бажанням віддати всі свої знання я взявся до утворення міцного ансамблю – основи основ серйозного художнього театру.

Стосунки актора і режисера – складна і невмируща проблема. Вона існуватиме, доки існуватиме театр. Все тут залежить від загального культурного рівня, професійної майстерності, уподобань – включно аж до авторитету кожного митця. Нарешті, після багаторічних дискусій саме життя довело, що спроба «колективної творчості» себе не виправдала. Як оркестрові потрібен диригент, так у театрі мусить бути творчо-ідейний художній керівник.

Два роки мене запрошували до Одеси. Я відмовлявся, прекрасно знаючи цей театр, знаючи людей, з якими доведеться працювати. Довідавшись про мій вихід з Чернівецького театру, одесити вирішили знову просити моєї згоди. І от 10 червня 1948 року на курорті в Сочі, де я перебував на лікуванні, приїхав з Одеси режисер і секретар парторганізації П. Киселевич з листами до мене від депутата Верховної Ради УРСР актриси Л. Мацієвської, завідуючого відділом мистецтв М. Зайцева та постановою загальних зборів колективу за підписами всіх провідних акторів:

«Дорогий Василь Степанович!

Багато років чудової, натхненної творчої праці нашого колективу під Вашим талановитим керівництвом, Ваша особиста роль у зростанні нашого театру та у вихованні наших кращих акторів і режисерів назавжди зв'язала наш колектив з Вами.

Ми завжди пам'ятали, що кращі творчі досягнення Одеського театру Революції, кращі вистави й кращі традиції нашого театру здобувались під Вашим безпосереднім керівництвом.

Останні роки ми працюємо без мистецького керівника. Це боляче відбилось на нашій творчій роботі. Нам здається, що Вас – фундатора Одеського театру ім. Жовтневої революції, подібний стан не може залишити байдужим. Вважаючи Вас своїм рідним і близьким, відчуваючи необхідність з'єднатися, ми вирішили просити Вас знову очолити наш театр.

За дорученням загальних зборів (*підписи*)».

Ці листи зберігаються у моєму особистому архіві.

З Киселевичем у мене відбулася довга і складна розмова. Мені обіцяли підтримку, допомогу, виняткові творчі умови… Мене умовляли, мені обіцяли…

Я люблю Одесу, люблю її театральних глядачів, які вболівають за свій театр, шанують своїх акторів. Одеські партійні і радянські органи приділяли театрам достатньо уваги, і за часів моєї роботи у цьому місті були створені всі умови для зростання Театру ім. Жовтневої революції в першорядний мистецький заклад на Україні.

Я повірив у щирість бажання працювати зі мною, повірив уболіванням за майбутнє свого театру. Наказом голови Комітету в справах мистецтв від 25 червня 1948 року мене було призначено художнім керівником Одеського театру ім. Жовтневої революції.

Втретє – Одеса!

Липень – серпень 1948 року. Чернівецький театр на гастролях у Києві, Москві, Ленінграді. «Земля» мала великий успіх. Схвальна авторитетна преса. Я – в Одесі. Одержую телеграму.

«Не имея чести быть з Вами знакомым, сией телеграммой хочу выразить свое глубокое восхищение Вашей замечательной работой – спектаклем «Земля».

Г. Бояджиев».

Одесса. Дом актера. 1962 г. Николай Акимов, Василий Василько, Леонид Маренников

Зворушений до глибини душі, я листовно подякував Г. Бояджієву за високу оцінку моєї роботи.

І зараз, через багато років після всього пережитого, я не можу не згадати дорогого Григорія Нерсесовича і його велику моральну підтримку, яка так необхідна була мені тоді для подальшої творчої діяльності. Г.Н. Бояджієв дуже позитивно відгукнувся про мою постановку «Земля» в журналі «Огонек», № 41, 1948 року та в книзі «Поезія театру», видані 1960 року видавництвом «Искусство».

...Чехов! З юнацьких років через усе своє життя я проніс зачарування творчістю Антона Павловича, глибоку шанобу до його особистості.

Боляче було, що українські актори не вміють, а то й не прагнуть грати п'єси А.П. Чехова, За десятки років поодинокі постановки – лише посередня копія московських театрів. Як досягти самостійного прочитання Чехова? Як захопити наших акторів, з чого почати, що їм під силу?

Як перший крок я вирішив інсценізувати оповідання письменника, сподіваючись, що участь усього колективу в роботі над високохудожніми творами стане тією творчою наснагою, що переможе упередженість, страх, і наші актори відчують смак, захопляться стильовими особливостями поетики А.П. Чехова.

Я переклав інсценізацію на українську мову. В режисерській уяві вже чув музику з творів Чайковського, а декорації… Левітан, тільки Левітан!

Перша читка п'єси, Присутня вся трупа.

«Чеховський альманах». Сценічна композиція на три дії.

– Почему твои песни так кратки, –
Спросили раз птицу, –
Или у тебя не хватает дыхания?
У меня очень много песен,
И я хотела бы поведать их все.

Зі щоденника А.П. Чехова

Святковий настрій. Мене слухають уважно. Сміх, регіт… А чимдалі все більша і більша байдужість… Невже можна позіхати, куняти? Але ось «Палата № 6» – геніальний твір, від якого, скільки б його не перечитувати, холоне на серці… Актори, на жаль, були далекі від того.

Після читки мене вітали, дякували і благали якнайшвидше поставити… веселу першу дію.

Мої мрії! Мій задум! Коментарі зайві…

Педагогічні роздуми

Да,
Он назад не возвратится –
Вчерашний день,
Но и в ничто не превратится
Вчерашний день,
Чтоб никогда мы не забыли,

Каким огнем
Горели дни, когда мы жили
Грядущим днем.

Л. Мартынов

Багато з того, про що ми мріяли, ми не зробили, і об'єктивних причин тому немало… Думалося, що наші нащадки дороблять те, чого ми не встигли зробити. А театральне життя доводить, що молоде покоління має свої настрої, свої ідеї, цілі… Я не узагальнюю, але часом виникають у мене справжні невигадані побоювання…

Мої вчителі – великі українські режисери Микола Садовський та Лесь Курбас. Обидва вони були глибоко народними митцями і, хоч не без помилок, але чесно служили своєму народові.

У моїй творчості переплелися традиції реалізму, народності театру корифеїв, прийоми школи Марка Кропивницького і новаторські пошуки школи Леся Курбаса.

Моя творча платформа 1928-1939 років – «конструктивний реалізм». У цей термін я зовсім не вкладав того «формотворчого» змісту, яким і наповнювали його конструктивісти в архітектурі та в інших мистецтвах. Я хотів засобами театру активно будувати соціалізм у нашій країні, утверджувати зі сцени нове, соціалістичне життя, відмежовуватися від естетизму в театрі тих років. Для мене термін «конструктивний» був синонімом до «будівничий». Таке сполучення було моєю помилкою. Я не вивчав, як то слід було, всіх граней терміну «конструктивізм у мистецтві».

Але такі були часи. Часи пошуків і помилок!

Систему К.С. Станіславського я почав вивчати лише в 1930 році. Мені більше імпонує ця система у втіленні Є. Вахтангова з поправками на театральність. Я не сприймаю, не сповідую тези – перевтілення до самозабуття. Ні! Перевтілення і самоконтроль! Мистецтво актора за своєю природою дуалістичне.

Я прихильник театрального театру. Глядачі йдуть до театру подивитися й послухати виставу у виконанні акторів, а не «в гості до сестер Протасових». У своїх постановках, за винятком декількох, в яких я теж демонстрував своє уміння «ставити по-мхатівськи», я ніколи не прагнув до того, щоб глядачі забули, що вони в театрі. Навпаки! Я вимагав від акторів сміливої вигадки, чіт-

кої опуклості, яскравої форми, ритмічного малюнка, пластичного виразу, повноти темпераменту і активного відчуття у спілкуванні з глядачами, а не відгороджування від них четвертою стіною. Контактувати з глядачем так, щоб захопити його, заполонити, довести до екстазу, – ось що мусить бути ідеалом у мистецтві театру.

В.С. Василько. Художник М. Жук. 1929 г.

І чи не тому мені найбільше до серця театри ім. Є. Вахтангова, ім. Шота Руставелі, ім. Коте Марджанішвілі і в минулому Московський єврейський театр на чолі з С. Міхоелсом.

Серед режисерів – я прихильник Є. Вахтангова, В. Мейєрхольда, Леся Курбаса, С. Ахметелі, К. Марджанова, М. Охлопкова, Р. Симонова, Л. Варпаховського, Б. Равенських.

Я педагог. Педагогіка – моє покликання. До неї я тягнувся ще тоді, коли вирішував, на який факультет університету мені йти вчитися. Я викладав по кількох театральних школах і студіях. Виховав цілу плеяду режисерів і акторів. Багато хто з них удостоєні високих звань і працюють не лише на Україні, а й в інших братніх республіках. Мене все життя тягнуло до Молоді. І коли я сам був молодий, і коли я постарів. У режисерській практиці я завжди дуже багато уваги приділяв акторам-початківцям. Плекав їх, давав їм путівку в сценічне життя.

На тему «режисер і актор» стільки написано, стільки говорено, а все ж мушу ще й ще вертатися до цієї проблеми.

У наш час поглиблення інтерпретації драматургічного твору, розвитку театральної техніки, роль режисера провідна у театральному процесі. Концепції – театр автора, актора, режисера, художника не відповідають органічній суті театру, по природі своїй колективному, і віджили свій вік. У взаємодії різних видів мистецтв усе більше і більше набуває значення поліфонічність, синтетичність,

і тим більша відповідальність режисера за вміння довести до художньої єдності всі складові частини театрального твору.

Талант – велика річ. Але всякий талант, особливо в театральному мистецтві, потребує для свого розкриття відшліфовки. Хоч би яка виняткова була індивідуальність актора, вона виявляє себе лише з співтворцями-партнерами. Угадати, виростити в людині сценічні дані – обов'язок режисера.

У піаністів, вокалістів – хороша традиція не забувати своїх педагогів, стверджуючи і за ними свій успіх. У театрі інакше: коли актор має успіх у глядачів, йому адресують усі лаври, коли грає погано, всі докори – режисеру. Розібратися у складному питанні, хто вирішує успіх актора – автор, режисер чи акторська майстерність, під силу лише людині, яка добре обізнана з технологією театрального процесу.

Доводиться констатувати, що в акторській масі нині спостерігається здрібнення талантів, послаблення професійної майстерності. Безумовно, є окремі видатні обдаровання, але коли переважає «середняк», посередність, то значення режисера ще більше зростає. У багатьох відомих мені театрах набуває часом хворобливого характеру явище протиставлення акторів режисерові. Наслідок такого протиставлення – майбутній розпад театру. Це доведено життям.

Всі бажаючі керувати забувають, що режисура – це професія, і дуже складна. Режисура – це спеціальність, якою за один рік чи кілька місяців не опанувати, навіть на вищих режисерських курсах. Режисер має матеріалом для творчості живих людей, і в цьому насамперед полягає складність і трудність професії: ліпити, компонувати з живих, часто амбітних акторів свій художній твір.

Режисер мусить у собі органічно поєднувати багато спеціальностей, вміти кожну з них застосовувати. А є така галузь, яка, крім досвіду, потребує ще й обдарованості, і навчитися цьому не можна.

Яскравий приклад – МХАТ останніх років. Не стало К.С. Станіславського, В.І. Немировича-Данченка – і театр з такими талановитими акторами, з такою культурою і можливостями не прогресує. Як не докоряв дехто Гнату Юрі, але після його відходу від Театру ім. І.Я. Франка там стало гірше. Так само в Харківському театрі ім. Т.Г. Шевченка, коли посаду М.М. Крушельницького зайняв ак-

тор навіть із високим званням. Заміна завжди знайдеться, проблема відповідності залишається.

Якої б талановитості не був молодий режисер, щоб набути досвіду організатора всієї театральної справи, він мусить мати за плечима підтримку педагога – художнього керівника. Лише диплом, з яким з'являється вчорашній студент на посаду головного режисера, а зараз це явище поширене, ще не є рішенням режисерської заміни.

В.С. Василько. Художник А. Петрицкий. 1931 г.

Людина честолюбна, яка заздрить чужій славі, не повинна йти в режисуру. Її завжди точитимуть ревнощі до успіхів актора.

Актор – повсякденно на людях, його роботу бачать тисячі глядачів, і більшість з них не здогадується, що вистава, гра акторів – це значною мірою наслідок роботи режисера. Амбіційність, себелюбство протипоказані професії режисера. Авторитет режисера – це чесність, принциповість, об'єктивність у розподілі ролей, в оцінці актора. Велике щастя – зустріч з однодумцями.

Система К.С. Станіславського – Антеєва земля для кожного театру. Це той животворний грунт, на якому виростає театральне мистецтво. Чи слід це ще твердити? Але не треба з вчення К.С. Станіславського робити догми. Він сам застерігає від цього. На системі К.С. Станіславського можуть виростати різні театри у різних національних культурах, з їхньою специфікою.

Правда життя в поєднанні з яскравою театральністю – ось що мусить бути зерном кожної постановки.

Сучасному радянському театрові властива нова театральність. Ознаки її ми бачили в постановках провідних режисерів –

М. Охлопкова, Р. Симонова, М. Акімова, Ю. Завадського, Г. Товстоногова, В. Плучека, Д. Абашідзе, Б. Равенських, М. Крушельницького.

Кожний з цих режисерів мав своє яскраво виявлене творче обличчя, свій спосіб відтворення життя, свої своєрідні постановчі засоби, Але вже можна визначити стильову єдність, властиву радянській режисурі.

Заперечення об'єктивізму, правдиве відображення дійсності в її революційному розвитку. Наголошення партійності і пафос громадянськості. Глибина мислі, гострота соціальних характеристик, виразність композицій, лаконізм, гранична стриманість у вияві почуттів. Відхід від ілюзорності оформлення, тяжіння до образного відтворення місця дії. Оформлення більше промовляє, що відбувається, ніж де відбувається.

Для сьогоднішньої режисури характерним явищем є активізація режисерських інтерпретацій, сміливість задумів. Часто ця тенденція набуває непотрібних, хворобливих розмірів, але в цілому це явище, безумовно, позитивне.

Мені хотілося б зупинитися на тезі «стриманість емоцій». Одна справа стриманість у зовнішньому виразі при внутрішній наповненості емоціями, образно кажучи, принцип «внутрішнього згорання». Це прийнятно. Але надто багато акторів за девізом «стриманість емоцій – сучасна манера гри» ховають свою немічність, відсутність темпераменту і яскравої акторської особистості. Їхня майстерність нібито – в органічності, простоті, правді життя, бо, мовляв, емоції – мелодраматизм. Давно вже доведено, що театральна художня правда не є натуралістичною правдою, а головне те, що емоційна насиченість ролі ніяк не виключає органічності, простоти виконання. За всіх напрямків театрів, шкіл акторської гри вистава створюється для глядачів, які хочуть і мусять не лише все бачити, чути, розуміти, а й співпереживати! Мистецтво театру – це образно-емоціональне пізнання світу, воно адресується саме до сердець і до емоцій глядачів.

Я дуже високо розцінюю уміння актора передавати процес мислі, але той, хто заперечує значення емоцій у творчості актора, убиває театр, убиває художність твору, хоч би якими теоретичними викладами він не забарикадувався.

У перші роки в радянському театрознавстві були не в пошані жанри оперети, водевілю, мелодрами. Час йшов, і мінялося ставлення. Оперета має визнання, водевіль теж одержав право на існування, і тільки мелодрама ніяк не здобуде остаточно прихильності. Ставлення до неї наших критиків скептичне. А у сценічній практиці мелодрама завойовує своє самостійне місце, особливо гарно сприймаються класичні українські мелодрами.

Проповідник «психологічного реалізму» МХАТ ставив мелодраму «Сестри Жерар» («Дві сирітки»). У книзі М. Горчакова «Режисерські уроки К.С. Станіславського» ми маємо докладні записи репетицій самого К.С. Станіславського, з яких можна повчитися, як треба ставити мелодраму. Інше питання, що мелодрама може бути прогресивною, художньо довершеною і, навпаки, реакційною, антихудожньою, як і кожний твір, але самий жанр живий і, повторюю, – що найголовніше – улюблений народом.

Невже наші велетні сцени Мочалов, Єрмолова, Заньковецька, Ленський, Садовський, Коміссаржевська, з їхньою потрясаючою глядачів емоційністю грали лише мелодрами?

А романтика? Героїка?

Я не уявляю собі, як можна грати в романтичному, героїчному плані без горіння пристрастей. Адже ми визнаємо романтику, героїку не тільки у класичних творах, а й у величі подвигів нашого сучасного життя. Романтика органічно вплітається в метод соціалістичного реалізму.

Інтелектуальний театр.

Для нас, митців старшого покоління, це не новина. А хіба театр Генріка Ібсена, Максима Горького, Лесі Українки та багатьох інших не є яскравим прикладом інтелектуального театру? Хіба можна донести до глядачів глибокий зміст їхніх творів без активного процесу мислі, що є найтиповішим в естетичних нормах цих драматургів? Прихильники «інтернаціонального театру» впали у крайність, заперечуючи знову-таки емоційність і скеровуючи всі засоби акторського виконання лише до розумового сприйняття глядачів, насаджуючи раціоналістичність, що є специфікою науки. Чи не знищуються цим найкращі душевні «теплі» барви в мистецтві актора? Чи не убивається цим роль відчуття, інтуїції у процесі творчості? Адже інтуїція у творчості – це наслідок

В.С. Василько. Художник В. Цыплаков. 1960 г..

культури, освіти, ерудиції, які у свою чергу сприяють лету фантазії! Лише жанр душі акторської запалює, викликає контактування з глядачем, що і є суттю нашого мистецтва.

Режисери, які схиляються до форм інтелектуального театру, твердять, що в сучасного героя наголошений інтелект, а тому… відкидається грим, вживання перуки, костюмів, декорацій, себто поворот від синтетичного театру до літературного. Так виглядає зараз ця крайня течія в мистецтві театру.

Все заперечується, все відкидається в ім'я самовиявлення актора. Така мета нібито й непорочна, справа поглядів, смаків, але коли б перед нами були виключно талановиті акторські особистості, яким справді є що виявляти. Але в тому й біда, що нема серед нас Орленєвих, Папазянів, Качалових, щоб бути законодавцями сцени і щоб уся вистава була скерована на їхнє самовиявлення. Справжній талант органічно потребує самовиявлення, особливо при зустрічі з яскравим драматургічним матеріалом. Але тоді діє не самообмежування, а, навпаки, застосування найширших засобів мистецької палітри.

Зараз у театрі, а найбільше в українському, нове акторство – переважно середнього рівня. Претендуючи на самовиявлення, вони замість таланту, майстерності, великої працездатності виявляють великі претензії і безмежну самовпевненість. Віра у свої сили потрібна, але при умові, що людина має здібності, віддає життя своїй професії. Скромність викликає бажання підтримати, допомогти; самолюбування, апломб відштовхують, викликають обурення.

З'явився і новий тип актора, якого раніше не було, не могло бути. «Мені, – каже він – досить у сезоні дві великі виграшні ролі, а далі я волію бути вільним. Взагалі тепер не слід грати так, як грали ко-

лись, витрачаючи всю енергію. Це не сучасно!» Так, ми дуже часто граємо тепер упівсили. Але як можна, граючи так, примусити глядачів переживати, виносити свій присуд чи бажання наслідувати?

Спокій, байдужість у роботі митця – це втрата почуття відповідальності перед народом.

Теперішнє акторство любить славу не менше за акторство минулих часів. Але вони не вважають за потрібне заслужити її «у поті чола свого». Слава, на їхню думку, належить їм за званням, а не визнанням і вдячністю публіки. Мені дуже до вподоби афоризм С.В. Волконського про те, що якщо суть театру – актор, то це не значить, що весь театр – актор: без жолудя не може бути дуба, але це не означає, що коли є жолудь, є вже й дуб.

Добру половину сучасних режисерських новацій ми бачили в театрі у 20-30-ті роки. Видавати за новаторство сучасності відомі у свій час досягнення – це типове епігонство, що не свідчить про творчу оригінальність і самостійність режисерського мислення, Найвидатнішим досягненням, «криком моди» і справді новиною є «муркотальний реалізм», коли з другого ряду партеру майже не чутно, що бурмочуть актори, дотримуючись «нових правил гри».

Потрясати глядачів зі сцени словом – основа драматургічного мистецтва. Викликати словом потрібні роздуми, почуття – оце мусить бути нашим внеском у сучасність.

До сучасного методу також належать вистави під мікрофон, магнітофонні записи, що виголошують авторський текст замість актора, який мовчки «задуманий» стоїть на сцені. Виконання ролі без характерного звучання, без перевтілення в образі. Мода, що давно перейшла в штамп, що демонструє обмеженість мистецьких запитів, смаків, ототожнюється з новаторством сучасності.

Часом, ховаючись за актуальність тематики, режисер-ремісник не обтяжує себе вивченням епохи зі всіма її історичними особливостями, – від філософії, психології людини-образу – до її поведінки, манер, костюма… Відсутність відповідальності підміняється декларацією…

«Сучасний метод гри». Таке твердження завжди діє безвідмовно, – ніхто, крім дитини, не скаже: «Король голий».

Треба різко змінити репертуарну політику. Тематика п’єс мусить піднестися до соціально значимих подій, яскравих

характерів, гострих конфліктів. Проблема жанру мусить бути невід'ємною у вияві глибини, масштабності відображення дійсності, у різноманітних засобах і методах конкретного мистецтва. І тоді демонстрація спрощення режисерської та акторської особливостей буде неможливою суперечністю до визначеного жанру.

Вистава, яка емоціонально, образно, діалектично у своїй конкретності і глибині спостережень та висновків шляхом асоціацій примушує розмірковувати, зіставляти події, що відбуваються, з сьогоднішнім днем, – така вистава через високий рівень професіоналізму режисера, актора, розумінням найголовнішого, найтиповішого, є сучасною. Це стосується і класики, яка ідейним цілеспрямуванням, філософськими узагальненнями є нашим духовним багатством, знанням минулого, розумінням сьогоднішнього і кращим передбаченням майбутнього.

Чи не заради цього відбувається така тяжка, напружена, відповідальна праця всього творчого колективу?

Автентичне новаторство неможливе без наступності.

Справжній новатор є відкривачем нового. Створюючи художній твір у його діалектичній єдності емоціонального та інтелектуального, він об'єднує естетичні канони, стверджуючи необхідність подальшого розвитку прогресивних традицій. І саме метод соціалістичного реалізму забезпечує глибоке вивчення і засвоєння кращих традицій минулого.

Проблеми новаторства нас хвилюватимуть завжди. Вони вічні.

Все нове в житті неминуче вимагає в мистецтві нового змісту, який у свою чергу зобов'язує до пошуків свіжих, оновлюючих форм вияву. І найважливішим є розкриття духовних прагнень людини у всій багатогранності її поривань, волі і краси.

Душевний романтизм, – дозволю собі такий вираз, – ось чого не вистачає, ось що необхідне в роботі режисера й актора.

По наших театральних інститутах немає спеціального курсу психології творчості. Коли молодий режисер зустрічається в роботі з акторами, йому бракує уміння знайти дорогу до душі актора, до його психіки, до його емоцій, Бракує відчуття, в якому стані прийшов актор на репетицію, на виставу. А настрій, душевний стан актора відіграє колосальну роль у творчому процесі.

У своїй масі актори не дуже-то дотримуються вимоги К.С. Станіславського – залишити за порогом театру особисті справи і настрої, щоб на роботі бути в хорошій професійній формі. І перед режисером завдання: уміти перебороти всі перешкоди, упередження, опір, щоб організувати думки, емоції, волю актора в потрібному для репетиції напрямку.

Вивчаючи актора не лише в стінах театру, а й в його особистому житті, спостерігаючи поведінку, життєвий тонус, режисерові буде легше налагодити творчо-психологічний контакт з актором-людиною, з актором-особистістю.

Не можна прищепити обдарування, поділитися талантом, але навчити, коли бажають вчитися, любові до обраної діяльності можна. Цілеспрямованість сприяє розвиткові і утверджує покликання.

Всі ми мріємо про театр однодумців, про театр міцного творчого ансамблю, про колектив яскравих творчих індивідуальностей. Але в більшості своїй це лишається мрією.

У творчій практиці буває так, що режисер потрапляє в колектив зі сталими, улюбленими штампами, угрупованнями, які борються між собою…

Свій авторитет режисер повинен почати з утвердження самодисципліни. Треба стати зразком відданого служіння інтересам театру. Це перше, що викликає довіру до режисера. Авторитет режисера серед акторської маси здобувається не декламаціями, не демонстрацією зверхності, а вмінням працювати з акторами над ролями. Вмінням зацікавити, захопити, а коли необхідно, і примусити до праці, не на словах, а на ділі режисер повинен довести свою необхідність акторові у його зростанні. У кожному театрі мусить бути свій моральний кодекс, свої творчі традиції, свої правила внутрішнього розпорядку і передусім почуття колективізму.

Чим більший актор, режисер, митець, чим більше в нього наголошена громадянськість, чим більше він стежить за всіма подіями, що відбуваються у світі, тим більше він обізнаний з людською психологією всіх соціальних прошарків, тим вища його майстерність – уміння створювати глибокі, яскраві образи.

Режисер, який справді мріє створити свій театр, мусить бути не лише його організатором, а й вихователем усього колективу.

Тільки виховна робота поступово перетворює режисера на володаря дум колективу, на його художнього проводиря, що утверджує місію театру – збагачувати духовні скарби людини, пробуджувати її громадську енергію.

Громадянськість актора-митця – це його причетність до життя суспільства, співпричетність до долі народної і участь у рішенні проблем, які стоять перед країною.

У боротьбі ідей, розв'язанні класових конфліктів, що вирують у світі, творче життя театру, носія прогресивних ідей людства, невід'ємне від зовнішніх сучасних проблем. Моральні, творчі сили – знання, духовні прагнення, професіоналізм, артистизм – мусять естафетно передаватися майбутнім поколінням, аби зберегти ідеали та ідейні зв'язки прогресивного людства.

І лише той митець, який пристрасно відстоює передові ідеї свого часу, відповідає актуальним питанням сучасності.

Пам'ять і час! Вони з нами… Вони – ми самі…

Я не претендую на історичні узагальнення. Де в чому мої спогади, безумовно, суб'єктивні. Але у своїй непримиренності до всіх негативних проявів, у вимогливості до відданого служіння мистецтву я завжди лишався, як мені здається, чесним, принциповим і доброзичливим.

Я люблю Людей! Я люблю Актора!

P. S. «Собі на згадку минулих літ» – напис на моєму першому щоденникові юнацьких років.

Вам, читачам, лишаю я своє без останку –

«Театру віддане життя».

Василь Василько.
1967-1972 роки.

9 березня 1972 року.
Одеса.

Путешествие

354 Галина Ицкович
Через Европу навприсядки

Галина Ицкович

Через Европу навприсядки

Слабая попытка травелога

1.

Что за странное, страшное лето! Солнце разуверилось в нормальности обитателей Земли и больше не шутит. Без заигрываний. Горят леса. Плавится асфальт. Трава сгорает, не успев вырасти. Что у нас, что в Европе. В Европе тем паче. Глобальное потепление, глобальное самовозгорание, глобальное крушение знакомого мира. На этом фоне горя, лжи, химер, развенчанных иллюзий, потерянных друзей доведется приехать в незнакомый город, и попробуй-ка полюби его.

Варшава бедному еврею не в жилу, против шерсти, нашему забору двоюродный плетень; как говорили в Одессе, «через дорогу навприсядки». Здесь громче всего звучит голос еврейской крови, не сворачивающейся, вечновытекающей. Помните чудотворную ампулу из Брюгге, точнее, из фильма о муках совести и возмездии? Залечь на дно в Брюгге, чтобы ощутить, как болезненно раскаяние.

Но в Варшаве фасона 2022 года не очень-то заляжешь: мы здесь по делу. Обычное военное дело, доставить баулы, чемоданы, коробки, вещмешки и дальше поскакать. Быстренько поработаем, а в освободившееся время быстренько отдохнем. Без конца считая места багажа, загибаем пальцы, как в потешке про ворону: военным привезла, медикам привезла, детишкам привезла, беженцам привез… погодите, где седьмой баул?! Уф, слава Богу, вот он, привалился за колонной.

Спросите, что за колонна такая? А это мы сняли номер в отстроенном, воссозданном от основания и нашпигованном совре-

менными удобствами дворце буквально за углом от крепости и королевской резиденции (тоже отстроенной, восставшей из руин). В кое-как восстановленном после войны дворце до 1975-го находилась резиденция примаса, а уж в 2016-м пришли новые хозяева и превратили в эксклюзивный отель. Туда-то мы и завалились со всеми семью местами багажа тактической расцветки. Почему туда? Потому что в самом центре, и есть надежда оглядеться в промежутках между транспортировкой багажа и встречей с разными людьми; потому что я совсем не против буржуазности и потому что цена была очень неплохой. Во дворце всего двадцать номеров и вдвое больше комнат, поскольку номера ничем на напоминают парижские или венецианские крохотные комнатки, где душ можно принимать, практически не вставая с кровати, а открыв дверь в коридор, можно полностью заблокировать все остальные двери. Восточная Европа – это совсем другой зверь, уверяю вас.

Побежав наскоро поужинать на Старую рыночную площадь и усевшись за столик в одном из ресторанчиков Строны Закржевского, то есть вдоль южной стены, мы проводим следующих полтора часа в ожидании, сначала расслабленно-эйфорическом, потом слегка раздраженном, а потом просто в напряженных перезвонах с Варей, нашей посыльной для передачи сенсорных приспособлений для украинских детей-аутистов. Наблюдая наши переговоры с пробегающим мимо и очень занятым более важными делами официантом, из-за соседнего столика машет белокурый (скандинав?) верзила:

– Не огорчайтесь, я тоже ждал около двух часов. Мы на другой планете.

Сосед действительно оказывается норвежцем. Мы рассказываем ему о своих сорванных планах, он сообщает, что если бы не сервис, польские каникулы были бы чудесными, и, получив сеанс придорожной психотерапии и заверения Вари в том, что ехать ей до нас десять минут, и она тогда пока уложит детей, мы дожидаемся-таки нежнейшего кролика в сметане, а потом рысцой бежим обратно. Восточная Европа… другой зверь…

Но даже на бегу успеваем заметить не только гуляющие толпы, но и приметы военного времени: молодых людей с украинским флагом, собирающих деньги на те или иные нужды, указатели, обозначающие центры для беженцев, желто-голубой фон плакатов. Веселый варшавский воздух, слегка хмельной от гнева. В очередях к окошкам с недорогими лакомствами переговариваются на встревоженной мове, дети считают вслух мелочь, бережно ссыпая ее в ладошки. Мы среди своих.

2.

Утро начинается очень рано, джетлаг же. Но за окном фасада, выходящего на Сенатòрску (ударение на третьем слоге) улицу, можно наблюдать первых прохожих, торопящихся на работу. Это, конечно, не барселонские пожилые дамы в чулочках и в любую жару закрытых платьях с накрахмаленными воротничками, но и не расслабленное поколение эпохи «дресс-дауна»: никаких тебе джинсов или голых животов, туалеты по американским понятиям весьма консервативны. К восьми отдельные прохожие-капельки превращаются в ручеек пешеходов, появляются более солидные мужчины в костюмах и женщины на каблучках. И становится ясно, что город этот принадлежит не туристам, а местным жителям.

Через полчаса мы тоже вливаемся в ручеек и перебегаем улицу Медовую, отделяющую нас от Старого Места. Нет, позавтракаем позже, сейчас важно отдать рюкзак с тактическими медикаментами. Вам позвонит Анатолий. Через час, когда мы уже отошли к музею Варшавского восстания (закрытому, а вернуться к открытию не успеем), замечаю новые сообщения в «телеграме».

– Анатолий?

– Я Вадим, но это неважно. Слава Украине!

Героям слава. Встретимся с ним через полтора часа. Значит, есть время на музей! И, кстати, не чувствуется пока жара. Мы скачем мимо памятника героям восстания, которых вгоняют под землю гитлеровцы, сворачиваем влево, мимо старого парка за благородной решеткой, вперед и направо. Здесь когда-то было еврейское гетто, но если бы не Muzeum Historii Żydów Polskich «POLIN», музей исчезнувшей нации со входом, напоминающим разверстую рану, если бы не памятник погибшим на пустынной площади, никто никогда не догадался бы об этом, ведь гетто было уничтожено полностью.

А камушки забыли принести, как же так. Я отхожу под деревья, оглядываюсь в поисках камня, чтобы положить на мрамор памятника, чтобы все знали, что не забыты ни мученики, ни герои. Все усеяно желудями, и даже шляпки грибов мелькают. Ну да, это же грибная столица мира, и сезон в разгаре… но наконец показывается прикопанный камушек, за ним другой. Мы кладем

оба на плиты. Простите, что только половину молитвы, я ведь не знаю, какую именно надо прочесть. Что поможет.

Проходим в разрез.

По легенде, путники, спасавшиеся от крестоносцев, дошли до прохладного туманного леса. Спросив у встречного: «Где мы?» – они услышали в ответ: «Полин». На иврите «по-лин» означает «отдохни здесь». Так они и сделали. Музей начинается с голографического леса.

Отвлекаясь: лес я впервые увидела под Киевом, в Ирпене. Мне казалось, что взрослые эту курортную местность называют неправильно и пишут тоже с ошибкой, «Ирпень», читать-то я умела, а правильно «Ерпень», ерепенящийся пень, хотя я не очень представляла себе оное явление. И пней там не было, а были как раз такие полупрозрачные деревья, земля влажная под ними. Мама привезла меня контрабандой в санаторий, и надо было прятать меня до того дня, пока не купим курсовку. Курсовка позволяла мне жить в комнате с мамой и какими-то посторонними женщинами, а питаться надо было отдельно, и мама тайком делила свои обеды пополам, а вдобавок покупала твердые пахучие груши, взрывающиеся соком, как укусишь, яблоки и творог у местных теть в «хусточках». Мы каждый день ходили в лес, осторожно ступая на покрытую ветками и иголками неровную, пружинящую под ногами, непохожую на одесскую почву.

Мама нелегко сходилась с людьми, а тут познакомилась с парой постарше, Сеня и Нина. Сеня, украинец, выбрасывал далеко вперед ногу на протезе, но шагал со скоростью самоходки, громко шутил. Его жена, армянка Нина, обладательница поразивших мое воображение усиков, шла рядом с нами, шепотом жаловалась на то, каким он стал в последние двадцать лет их совместной жизни. Я тогда еще не понимала, что стоит отсчитать двадцать лет назад – и упрешься в войну.

Мама приходила с экскурсий по Киеву и возбужденно жаловалась мне:

– Бессовестные какие мужчины! Заигрывает со мной прямо при жене.

Ей импонировало внимание, и в семейных воспоминаниях Ирпень остался волшебным местом. «По-лин», короче говоря.

Дорога, которую мы потеряли, проходит по лесу потерь, через погромы и геноцид. Через какие-то тысячу лет мы выходим из обугленного гетто, невзирая на душераздирающую экспозицию, а там – уютные гостиные, и таращатся телевизоры времен Гомулки. И конец польского еврейства. И конец сказки и чуда. И уже ждет нас посыльный. Надо бежать, но это и к лучшему. Этот музей за один раз не обойти, и не потому, что много экспонатов, а потому что мы сами обожжены.

Итак, дети, повторим быстренько: почему я, еврейка, объединились с немцами и поляками в борьбе за незалежну?

В первую очередь потому, что геноцид не должен повториться. За это умерли мои предки, в это свято верю я сама.

Когда Фердинанд в качестве свадебного подарка пообещал Изабелле изгнать всех евреев, когда редакторская колонка в «Фолькишер Беобахтер» заполнилась любовно отредактированными рассказами о «бесчинствах» евреев – именно тогда стало предельно ясно, что геноцид несовместим с цивилизацией.

3.

Джетлаг работает так: в первую ночь спишь просто от усталости и просыпаешься засветло; вторую же ночь просыпаешься глубокой ночью и гуляешь по комнате до утра. Проснулась в 1:04 и до без четверти пять висела в состоянии полудремы. Прошумел короткий дождик, просвистела неведомо откуда взявшаяся среди города птица. Так пели птицы в девятом веке, когда первые евреи ступили в здешние леса.

А потом просигналила мусорная машина, и чары ночи рассеялись.

4.

Варшава похожа на душку-военного со шрамом через все лицо. Как ни вальсируй, а война здесь, прямо на щеке напоминанием. В какой-то мере шрамы не затягиваются: все пытаются объяснить или объясниться. Вот на пути из музея Шопена попадается экспозиция «Назовем их по имени». Это истории тех, кто прятал евреев в годы войны, но так и не попал на знаменитую Аллею Праведников

народов мира в Яд Вашем. А почему не попал? Потому что свидетелей не осталось. И его/ее/семью расстреляли, и тех, кого они прятали. В отличие от войны в острой фазе, в войне, находящейся в ремиссии, трудно разобрать персонажей на хороших и плохих, события на черное и белое. Вот продавала женщина, невзирая на запрет, хлеб в гетто. А что делать, надо было детей кормить, а у евреев еще оставались деньги. Двоих немцы остановили на улице и стали допрашивать с пристрастием, откуда свежий хлеб. Не выдержал один из них побоев и указал дом. Немцы расстреляли всех, остались малые дети. Праведница ли их мать? Кто рассудит? Все-таки она рисковала и даже, говорят, иногда давала хлеб в долг… А что насчет выдавших ее людей? Должны ли были они хранить молчание и принять смерть за продавщицу хлеба? По негласному контракту – да. Но и предателями их сложно назвать. Темное это дело.

5.

У нас, судя по ленте новостей, продолжается засуха. Леса горят на Западе, но и на Северо-Востоке не многим лучше. В выходные перед отъездом проверили ближайший к даче лесок в Кэтскиллах, а там лесной пол покрыт толстым слоем сгоревшей, посеревшей от жара листвы, ручейки и речушки высохли. Пожалуй, грибов не дождемся. А вот Варшава слегка ошалела от жары, но даже сейчас видно, какая она зеленая, каждый парк со своим характером. И все в порядке с урожаем, не зря даже в городском парке под деревьями обнаруживаются вполне симпатичные грибеныши. Судя по ресторанному меню, мы находимся в эпицентре грибного рога

изобилия: тут тебе и жареные лисички, и маринованные маслята, и, самое главное, боровики в сметане! Грибы свежайшие, сразу чувствуется близость леса, разгар лета. Официанты по-домашнему деловиты и приветливы, и даже прохожие, снующие вокруг стоящих прямо посередине улицы столиков, в хорошем настроении. Вокруг раздается «дзинь-дзинь». Дзенькую, звеню серьгами.

После перелопаченных тюков с гуманитаркой спины наши поскрипывают. Будь проклят тот человек, который вовлек меня в гуманитарные грузы. Я о путине, естественно. Теперь-то я поняла, что такое боль в спине и каково с ней жить: не разыгрывать штангиста, не наклоняться, а приседать, прикупить мазь и задуматься о радикулитном поясе… Хорошо, что сауна в Bellotto отличная. А я еще и массажистку вызываю. После осторожных «откуда» и «куда», она начинает жаловаться на беженцев. Их много. Они не бедные. Их уже не жалко. Пытаюсь объяснить, но что тут объяснишь… Война произошла с огромным множеством разных людей: хороших, плохих, богатых, бедных. Изменила их. Тяжело любить травмированных и испуганных. Потерпите, вот победим – и…

6.

После встречи с человеком, забравшим баулы с «медициной» (этот курьер выудил нас из одного из залов восстановленного из абсолютно невосстанавливаемых, судя по послевоенным фото, руин Королевского замка), мы перекусываем бельгийскими вафлями, попутно обменявшись приветствием с продающей их вчерашней знакомой-беженкой, и сворачиваем вправо, мимо садов, спускаемся к реке.

Эй ты, Висла голубая!
Лес вокруг, лес вокруг.
У меня свирель пастушья
На боку, на боку.
Разольются переливы
По реке, по реке.
Поведут волы ушами
Вдалеке, вдалеке.

Общее фортепиано, второй класс музыкальной школы, не проваливай кисть. Не много же я смогла припомнить.

Разворачиваемся в обратную сторону, по улице Подвала, вдоль границ Старого города, вдоль кое-где сохранившейся городской стены, мимо трогательного «маленького повстанца». Где-то на перекрестке Рыцарской и Пекарской возникает стихийный рынок поделок и картин.

– Купите жидовского доктора, – потрепанный человек, продающий раскрашенные статуэтки из дерева, протягивает мне маленькую деревянную фигурку человека в очках.

– Это Януш Корчак?

– Так, Корчак, доктор жидовский.

Он польский праведник, учитель и мудрец, но неважно. Я, конечно же, покупаю, путаясь в злотых и грошах, выуживая необходимые монеты из горсти.

На другой день мы улетаем в Болгарию, где с мая в моей квартире находятся беженцы, и вот теперь одна мама с дочкой съедет, а другая заселится. А в перерыве мы сами тоже успеем пожить, в море искупаться, отдохнуть на бегу, в общем.

7.

Как я люблю болгарское побережье! Последние десять лет мы ездим в Несебр раз в два года, за исключением ковидных, конечно. Похожий на безделушку Старый город прикреплен ко всему остальному мостом-цепочкой, у ворот Старого города раскорячилась добряга мельница, вечный волынщик играет по вечерам. Мы любим вкусное, в меру подсоленное ласковое море, хмурых, добрых внутри, хе-хе, болгар, бесконечные фестивали чего-то забавного, вроде фестиваля меда или детских коллективов Восточной Европы. В Болгарии нам всегда рады. Это будет приятным перерывом, регрессией, попыткой абстрагироваться от ужасов года.

Уехать из аэропорта оказывается довольно сложно, потому что поджидающие (жертву) шофера заламывают какие-то несусветные цены. Наконец-то мы сговорились с синещеким угрюмым парнем. Сошлись на сумме хоть и неслыханной, но значительно ниже того, что запрашивали другие, взывая к болгарскому

традиционному гостеприимству. По дороге заговорили о былых временах, о тяжелом ковидном годе, об инфляции. Чувствую, что-то мне жжет правое плечо. Потянула, очевидно.

– А все война… – назидательным тоном говорит наш возница. Мы соглашаемся. – Если бы не это нападение…

Поддакиваем:

– Абсолютно вероломное.

– …и на нашей экономике вон как отразилось. Эх, что за люди! Плохие люди.

Мы и с этим согласны.

– А ведь сколько для них Россия сделала! Неблагодарные они.

– Кто «они»?

– Ну эти… нацики. Напали и не собираются.

Начинает жечь не только плечо, но и висок. Как будто дуло приставили. Что делать? Я никогда еще не видела врага так близко. Сидеть с ним в одном такси – это не первый канал просматривать для ознакомления с психологией рашиста.

– Вообще-то, все совсем не так… – начинаю я. Муж толкает меня в бок, я поворачиваюсь в ярости и вижу, что между нами на спинке сидения любовно расстелен российский флаг.

– Остановите машину!

Второй тычок. Еще бы! Мы едем вдоль бесконечных полей. До Нового Несебра минимум двадцать минут езды. Такси на дороге мы остановим нескоро.

Муж повторяет погромче:

– Жену укачало. Можно остановить?

Мы выскакиваем на обочину и быстрым шепотом разругиваемся насмерть.

Водитель растерянно высовывается:

– Что-то не так? Поедем, может?

Ненавидя и презирая себя, я сажусь в машину.

Кажется, водила что-то понял, потому что остальной путь проделывается в ледяном молчании.

Мы расплачиваемся без чаевых, водила вслед:

– Эй, американцы! Я что говорю, нет никакой Украины. Никогда не было. Вот братушки разберутся с предателями – и пойдет жизнь. Ваше НАТО нам не надо.

Промолчали, стали ниже ростом.

Нас уже ждут наши жилички-беженки. Описываем поездку, при этом меня просто-таки корчит от стыда.

– Ой, не расстраивайтесь. Мы уже привыкли.

И следует несколько историй о том, как болгары отыгрывают раздражение по поводу исчезновения «братушек» и их кошельков на живущих с марта в прибрежных отелях беженцах.

Вечером мы принимаем решение разговаривать с болгарами или по-английски, или по-украински. Ничего, пусть учат языки, пора уже. На том и примиряемся.

И все равно жаль, что не попыталась врезать шоферу. Хотя тогда, наверное, вместо отгрузки гуманитарки я отправилась бы в несебрскую больницу. Но как эта поездка в такси определяет меня?

В конце концов я сладко засыпаю под фантазии о пощечине. И только под утро сквозь сон вспоминается: 1980-й, Крымско-Кавказская, автобус и маленькая фотография Сталина на водительской части переднего стекла. И еще: очередная жемчужина Кавказа, санаторно-курортный городишко Цхалтубо и памятник Сталину, около которого просто-таки необходимо сфотографироваться. От переплавки после Двадцатого съезда памятник героически спасли местные жители. Они его прятали до недавнего времени, а теперь, когда стало опять можно славить вождя, торжественно вернули на прежний пьедестал. И хотя я уже читала «Архипелаг ГУЛАГ», я зачем-то становлюсь рядом с прочими экскурсантами: местные жители, наверное, знают какую-то другую правду? Страшно выйти из ряда и легко найти обоснования для того, чтобы не выходить.

8.

Маникюрша находится в отеле, вот адрес.

Внутренний дворик отеля с бассейном посередине шумен, как одесский двор воскресным утром. Дети и женщины роятся в воде и вдоль бортиков, стоящие на лестничных площадках глядят вниз, облокотившись на перила, и переговариваются с купающимися. Так вот как выглядит пресловутый отель для беженцев! Отели больше не бесплатные, но все же какая-то дотация осталась. Часть людей поехала вглубь Европы и далее, некоторые вернулись в западную часть Украины, но еще какая-то часть решила задержаться в Несебре до холодов.

Я карабкаюсь по наружной лестнице на четвертый. Никто не задает мне вопросов, здесь явно привыкли к посетителям.

Маникюрша Натали, крашеная блондинка с кожей лица, по степени возделанности не уступающей совершенной английской лужайке, немного похожа на Наташу, косметичку из малюсенького салона рядом с «Детским миром», к которой много лет ходила мама, а с первыми всходами юношеских прыщей стала ходить и я. Доброй памяти Наташу переполняло то особое достоинство, тот профессиональный апломб, который так свойственен одесским жрицам красоты.

У Натали тоже наблюдаются следы данного апломба, вот только он покрыт патиной, приглушенный какой-то вариант. Атмосфера салона воссоздана с помощью яркой настольной лампы на малюсеньком столике, уставленном флакончиками и коробочками, как бы отделявшей жилую часть номера от кабинета маникюрши.

– Что будем делать? Простой маникюр? – с прохладным недоумением повторяет она мой ответ. О, каким презрением окатили бы меня в Одессе за примитивные сии потребности! Но здесь выбирать не приходится, а потому она принимается за дело.

Она, конечно же, оказывается одесситкой. Я, конечно же, рассказываю вкратце о себе. Уже стало привычно вот так «обнюхиваться» и с новыми, и со старыми, с начала войны не виденными знакомыми. Что-то вроде сочинения «Как я провел лето». Экзамен мною сдан, Натали расслабляется, начинает улыбаться,

потом мрачнеет, рассказывает об ужасе первых дней войны, о решении уехать, о нынешней тревоге, о том, что дочка стала слишком независимой. Девочка нашла работу здесь же в отеле и больше не просит на карманные расходы, зато высказывает свое мнение обо всем. Мы обсуждаем ситуацию, делимся предположениями о том, что будет с Одессой. Обсуждаем недоброжелательность болгар, сложности с трудоустройством. Надо уезжать отсюда до начала учебного года, но куда теперь?

Пока она работает над левой рукой, я извлекаю правую из ванночки и начинаю рассылать тексты в «телеграме» и «фейсбуке», расшвыривать накопившиеся вопросы.

– Волонтерите, да? – с уважением спрашивает она.

Да, можно и так описать то, чем я заполнила свой отпуск. Мне лично больше нравится слово «спасатель».

Появляется ногастый подросток, та самая независимая дочка, только что закончившая мыть посуду в кухне отеля:

– Мам, все наши здесь уже. Я пойду?

Похоже, ее личная жизнь бурлит. Не выпуская мои пальцы, Натали вздыхает:

– Только до темноты вернуться, поняла?

Дочка вместо ответа выпячивает губы:

– Цьом, мамуль, дай цьом.

И вылетает за дверь. Такой одесский ребенок, аж спазм в горле.

Натали улыбается и вдруг, без перехода, всхлипывает:

– Хочу домой. Я так хочу домой…

И мы с ней вместе плачем над навсегда уже прерванным детством ее девочки, над заминированными одесскими пляжами, над бездарным летом на чужбине.

Натали покрывает мои ногти бесцветным лаком с какими-то детскими блестками:

– Если вам еще что-то надо перетаскивать, лучше вот так, нейтральненько.

– Сколько я вам должна?

– Нисколько, – отвечает она с видимым удовольствием. – За вас заплачено.

Ах, так это новая моя подруга решила сделать мне приятное!

Натали продолжает:

– Но если б она за вас не заплатила, я бы все равно денег не взяла. Спасибо за все, что вы делаете.

И мы обнимаемся, перед тем как заплакать во второй раз.

9.

В последний перед возвращением домой день, прилетев из Болгарии, забрали подготовленные варшавским магазином ящики для еще одной продуктовой посылки в Украину и отвезли их на склад. Зато оттуда, освободившись, пошли пешком. Неторопливо и весело. Поворачиваем за угол, а там стоит безошибочно узнаваемый, долговязейший из долговязых Де Голль. Значит, мы вышли на знаменитый Новый Свет. Середина дня и несусветная жара, но все равно сидят люди в кафешках под зонтиками, гуляют молодые бэкпакеры. Варшава хороша собой, ничего не скажешь: светлая, просторная, добротная, но при этом безусловно изящная, уж отменной столичности камни-то точно на общеевропейском уровне. Только мне все мешает мысль о том, как любили ее, должно быть, те исчезнувшие люди, польские евреи, умницы, остряки, интеллектуалы, обменивавшиеся идеями и шлифующие теории, планирующие лучшее устройство мира и финансирующие безумные проекты из-за этих самых столиков, на этих самых перекрестках. Mixed feelings, что и говорить…

Нет, чего-то не хватает. Что-то я недосказываю. И я не имею в виду обязательную шопениану в очередных мастерски восстановленных интерьерах (хотя послевоенная реставрация Варшавы внушает надежду на то, что восстановить можно будет все, кроме человеческих жизней, разумеется). Например, детали незримого присутствия российско-польского трагического дискурса – часть королевских садов, превращенная в поле для маневров русской армии, испоганенные русскими солдатами апартаменты в западном и северном крыле замка, украденные гобелены и картины – знакомо? Горечь русского присутствия незабываема. Но и это не все из главного.

Главный итог поездки – это мы, волонтеры всех стран, «мы», не позволяющие дальнейшую экспансию. Есть такое понятие «grassroots». Можно эти «корни травы» перевести как

«общественная инициатива». Народная война. Наше решение, наше же воплощение. Наш шанс изменить ход вещей, не поддаться вращению чужого равнодушного колеса, не оказаться или бессильной спицей, или раздавленным комом грязи. Теперь и мы – девушка, отправляющая ежедневные автобусы через границу и принявшая ящики с продуктами, девушка, утащившая на багажнике велосипеда наши безразмерные рюкзаки, набитые терапевтической всячиной для украинских аутистов, густо татуированный Вадим, флегматичный Андрей, торопливый Виталий, Наташа, Настя, Варя – меняем ход истории. Будничные голоса, торопливая забота, веселое случайное братство волонтерства. Пожалуй, травелогу не хватает именно человеческих, а то и сенсорных ощущений этой поездки: деловитой общности, чувства не просто локтя, а дружеского пожатия, маникюра. Мальчики и девочки, пальчики в плотине. Польша – плотина. Польша удерживает, сдерживает голод, страх, смерть. А еще – предательство, унижение, бессмысленное повиновение, кафкианских размеров механизм повального морального разложения. Империя может стать богаче и объяснить подданным все про лес и щепки, но уж очень много щепок у аморального государства. Вот, теперь вроде рассказала. Я Шахерезада этой войны, я же и Шахрияр по роду службы. И, вполне возможно, поэтому я неистребима. Буду жить если не вечно, то достаточно долго, для того чтобы выслушать сиквел и поделиться услышанным.

Ах, Одесса

370 **Владислав Китик**
И в малом – сила

373 **Александр Володарский**
Призрак «Оскара»

377 Музей совка
Григорий Яблонский
Трест «Домострой»
378 **Данил Рудый**
Дырка в заборе

Владислав Китик

И в малом – сила

Фанерная доска объявлений, невзначай снятая в коридоре домоуправления, лежала поперек кокпита. На ней давно томился приперченный брусок сала, над краем миски горкой поднимались одесские биточки из тюльки, согласно с волнами покачивался в банке саламур с малосольными огурчиками. Уже на стекле заветной бутылки заиграли полдневные блики, а капитана все не было.

– Может, хоть по кусочку пока съедим? А, Боцман? – мечтательно произнес Ленчик.

Но тот резко оборвал его.

– Приступать к еде, не дождавшись капитана?! – брови старожила яхты «Фагот» возмущенно поднялись под козырек выгоревшей на солнце кепки. – Это значит потерять уважение всего яхт-клуба. Видно, что ты салага по первой ходке.

Воцарилось вязкое пудовое молчание, какое нависает над головами отяжелевших от усталости четырех мужиков, отдавших все силы работе. Напрочь выветрился вчерашний азарт гонки, острое предвкушение борьбы, когда поймавшие ветер парусники, рассекая воду, двинулись отвоевывать у пространства победные дюймы.

Пришли третьими. И грудь не распирало от гордого ощущения лидерства.

– Во как: без копейки рубля не досчитаешь. Самая малость и оказывается решающей. Да, чуток не дотянули, – досадливо проворчал капитан и отправился в судейскую коллегию оформлять документы прихода. И запропастился.

…Нехотя сложили паруса, без особого воодушевления накрыли импровизированный стол, сели. Завершилась суточная гонка. За спиной остались сто миль обозначенной условиями дистанции.

Зачастую в море неизвестно, чему равно расстояние, измеренное часами крайнего напряжения сил. Текучесть минут определяется их значимостью. Скоростной результат – сноровкой и слаженностью при перекладке парусов. Особенно на виражах, когда замираешь в готовности и ждешь выкрика рулевого: «Поворот!». А потом, не жалея ладоней, выбираешь слабину шкотов. Или на длинном галсе, когда, все выжав из лебедки для натяжения паруса, слышишь выдавленное рулевым: «У-у, лодыри! Подтягните ж как следует! Не могу видеть перед собой корму конкурента». Да где же он, в самом деле, рулевой наш славный? Солнце уже высоко. Еле покачивается лодка. Оцепенение от усталости рождает равнодушие к береговым новостям.

Наконец капитан появился. Придирчиво прищурился на ждущую команду:

– Так вот, ребята, больше мы не живем в советской стране, – сказал он, будто не веря собственным словам.

– Батя, Кузьмич, ты чего? Нет, мы-то не проговоримся, но если так со всеми шутить, окажешься не здесь, а кое-где… – встрепенулся Коля-Боцман.

Юнга Ленчик открыл рот, да и я привстал.

– Тем не менее… – задумчиво произнес капитан в никуда. – Пока мы в море гонялись, страна распалась. Про ГКЧП слышали?

Ничего мы не слышали! Выполняли команды, следили за ветром, работали с парусами. И теперь представить не могли, как можно вернуться в страну, которой уже нет.

– Все проголосовали, а мы – не смогли, – констатировал юнга.

– Не огорчайся, мелкий. Что значат наши голоса, когда все уже произошло? – урезонил Боцман.

– А может, дядя Коля, благодаря именно нашим скромным «да» или «нет» все решилось бы по-другому, – не успокаивался Ленчик. – Слова твоей правды или заблуждения все равно должны быть произнесены. И только тобой.

– Ладно, без нас разберутся. Да, вот еще… Решением судей заключительная короткая олимпийка завтра отменяется. Приплыли! Быстренько поднимаем яхту, ставим на стапель-балку. И потом отбой – обедаем! Ну, морячки, мобилизовались! – встряхнулся Кузьмич.

Чтобы перевести яхту в сухопутное положение, с носа и кормы под корпус заводятся петли – гаши. Их концы стропятся к гаку

подъемного крана, стоящего на причале. Лодку поднимают и водружают на металлическую раму – большую телегу, которую потом нужно откатить в стояночный ряд.

Роняя капли, яхта, подхваченная стрелой, зависла в воздухе. Крановщик прицелился, и натомившийся парусник стал в гнездо, придавив его тяжестью в четверть тонны. Оставалось только откатить неповоротливую железную конструкцию на колесах, снятых со старого самолета.

Пятеро мужиков уперлись в железные ребра телеги. Напряглись. Но она стояла как вкопанная.

– А ну кр-рякнули! – рявкнул капитан. Кеды вжались в щербатый бетон, под носком хрустнула пустая ракушка. Но телега – ни с места. Упираясь, мы стояли почти в горизонтальном положении и пытались раскачать ее ритмичными толчками. Бесполезно! Обмякшие, как тесто, шины словно прилипли к бетонному причалу.

– Эй, другим освобождайте место! Что, все силы в море оставили? Так звоните в пожарную бригаду, телефон за углом, – изгалялся с верхотуры крановой.

Но никто из нас даже не ругнулся в ответ. Пот напрасных стараний заливал глаза. Казалось, мы упираемся в стену. Вокруг уже собрались зеваки. Похлебывая пиво, они с интересом смотрели, чем кончится это силовое шоу.

– Пацана уберите! – взорвался Боцман. Но мальчишка лет пяти, выскочивший из толпы, продолжал с восторгом смотреть на наш публичный позор. Он браво подтянул трусы и благоговейным шепотом произнес: «Вот дядьки-моряки». А затем, деловито поплевав на ладони, пристроился сбоку и, подражая нашим подвываниям, приналег на телегу. И тут она сдвинулась! Пошла! Для преодоления инерции не хватало именно этого слабого усилия детской руки, шаловливой помощи пляжного шалопая.

Пять глоток грохнули от смеха, а следом – и все зрители. Возле колеса, едва возвышаясь над ним головой, гордо выпятив грудь, стоял маленький герой.

Яхту без помех откатили на штатное место. Утерли пот. Начали искать глазами лупоглазого полпреда новой страны. Но мальчишка уже брызгами разгонял на воде солнечных зайчиков, ничего не зная о будущем.

Александр Володарский

Призрак «Оскара»

Каждый день я жду, когда какой-нибудь крутой голливудский продюсер позвонит мне и скажет:

– Александр, как мы до сих пор жили без вас? Ваши пьесы, сценарии – это же фантастика! Я счастлив сообщить, что все ваше мы немедленно экранизируем, поставим и издадим!

И вот недавно он позвонил мне! Правда, это был не продюсер, а профессор одного американского университета, который предложил провести беседу в прямом эфире для американских преподавателей и студентов. При этом я буду говорить на русском, а он – синхронно переводить на английский. «Проснулись наконец-то!» – злорадно подумал я и немедленно согласился.

За день до назначенной даты мы договорились репетировать. Для начала проверили камеру, микрофон, а потом профессор предложил:

– Алекс, давайте так: вы расскажете что-нибудь смешное, какой-нибудь смешной случай, а я попробую переводить. Только делайте паузы, чтобы я успевал переводить синхронно.

– Окей! – и я начал рассказывать первое, что мне пришло в голову: – Однажды у меня была успешная встреча с читателями…

– Once I had a successful meeting with readers, – тут же перевел профессор.

Я заворожено замолк. Поверьте, я не раз слышал свои слова со сцены или с экрана, но на английском они зазвучали как-то значительнее и международнее.

– Алекс, что же вы замолчали? Я перевел, продолжайте.

И я продолжил:

– После встречи люди покупали мои книги, я раздавал автографы, и тут ко мне подошел какой-то молодой человек и спросил:

– А инвалиду третьей группы – как?

– Инвалиду я могу книгу и подарить, – приветливо сказал я и протянул ему книгу. Он тут же спрятал ее в рюкзак и снова с интересом спросил:

– А что еще можете подарить?

Вместо ожидаемого смеха возникла неожиданная пауза. «Он думает, как лучше перевести мой ударный финал», – догадался я.

– Погодите, Алекс, а что это был за инвалид? – озабоченно спросил мой собеседник.

– Откуда я знаю? Я не обратил внимания. Может, у него не было ноги? – предположил я.

– О боже, безногий инвалид? Нет, это не пойдет. Обижать инвалида – это мы не можем.

– Я его не обижал, я подарил ему книгу!

– Все равно, давайте следующую историю.

«Надо рассказать что-то не раз проверенное», – понял я и начал:

– Десять лет я помогал одной старушке со склерозом…

– У нее был Альцхаймер? – тревожно прервал меня переводчик.

– Нет, не Альцгеймер, просто склероз. Ей было девяносто лет, когда она пожаловалась, что у нее болят пальцы на руке. Я спросил: «Майя Михайловна, вот если бы девяносто лет назад вы купили машину, она бы ездила до сих пор?» – «Конечно, нет», – сообразила старушка. «Видите, а вашим пальчикам тоже девяносто лет!» Тут она строго посмотрела на свои пальцы и сказала: «Извините, ничем не могу вам помочь!».

Я много раз рассказывал эту историю на своих выступлениях, и всегда в конце слышал дружный смех зала. Профессор молчал, его лицо на экране стало задумчивым.

– Ну и что тут смешного? Бедная старушка! Смеяться над человеком, страдающим деменцией, – Алекс, дорогой, вас не поймут.

– Кто не поймет?

– Никто…

Я погрустнел, моя любимая пьеса «Селфи со склером», где Майя Михайловна – главная героиня, была безнадежно отвергнута, но тут всплыла в памяти моя любимая шутка.

– Профессор, а как у вас с еврейским юмором с элементами абсурда? Типа Вуди Аллена!

– Вуди Аллена многие знают. Это пойдет, хотя в последнее время Аллен дискредитировал себя многочисленными сексуальными скандалами.

– Знаете, профессор, мне кажется, что сексуальные скандалы в его возрасте, наоборот, только добавляют ему славы! Короче, переводите: моя киевская тетя к приходу гостей всегда готовила щедрый стол, непременно фаршированную рыбу, а после ухода гостей говорила:

– Готовила на тридцать человек, пришло десять – и тоже хватило!

– Это, кажется, смешно! – оживился переводчик. – Да, это – совсем неплохо!.. Хотя погодите. Если она готовила на тридцать человек, так десяти реально должно было хватить. Согласитесь, это же логично! Что-то здесь не то, Алекс! Вы уверены, что она именно так и говорила?

– Да, уверен!

– Странно… Как давно это было? Если ваша тетя еще жива, быть может, вы позвоните ей и уточните.

Я был в ужасе. На моих глазах моя голливудская мечта разбивалась о пресловутую американскую толерантность. Поверьте, я толерантный человек. Я могу ладить даже с крокодилом. Моя Аня объективно лучше крокодила, поэтому с ней мы вообще много лет живем душа в душу. Но как же они будут переводить мой сценарий? И тогда я решился на последний шаг.

– Профессор, у меня есть любимый американский анекдот!

– Валяйте, – устало улыбнулся мой визави при слове «анекдот».

– Очень толстого человека в Америке приговорили к казни на электрическом стуле. Но он туда не помещался. Его перевели на хлеб и воду, потом на одну воду, но он не скинул и фунта веса. «Сэр, вы можете, наконец, похудеть?» – взмолились тюремщики. «Не могу!» – «Но почему?» И он отвечает: «Мотивации нет!».

Для усиления комического эффекта я рассмеялся сам, но профессор даже не начинал переводить и выслушал анекдот с лицом каменного истукана с острова Пасхи.

– Алекс! Вы бы еще сказали, что осужденный был чернокожим!

– Я этого не говорил!

– Не говорили, хотя не исключено, что так и было…

Из-за разницы во времени моему собеседнику надо было уходить, а мне – ложиться спать…

Прямой эфир на следующий день прошел хорошо. Я даже не пытался шутить, отвечал на вопросы максимально сдержанно и минимально остроумно.

– Алекс, все супер! Все очень довольны! Сэнкью вэри мач! – поблагодарил меня американский профессор.

А я не подал виду, что рухнули мои надежды…

Однажды Аня затащила меня в Киеве в лучший оболонский сэконд-хэнд. И вдруг я увидел там на вешалке иссиня-черный фрак. Почти новый. Моего размера. Я остановился. Мы смотрели друг на друга: я на фрак, фрак на меня. Казалось, он говорил мне:

– Что стоишь? Хватай меня и беги в примерочную кабинку, придурок! Больше такого шанса не будет!

Я гордо ушел тогда, но мечта осталась… Пройтись во фраке по ярко освещенному залу, взойти на сцену, получить «Оскар», толкнуть речь, возвратиться под аплодисменты на место и небрежно сесть, откинув фалды. Или отбросив фалды? Нет, все же фалды откидывают, а отбрасывают копыта. И первое хорошо бы успеть до второго…

Интересно одно: тот самый фрак в оболонском сэконде купили, или он еще висит там и ждет меня до сих пор?..

Музей совка

Григорий Яблонский

Трест «Домострой»

На обширном столе начальника Одгорстройкомбината Глыбова зазвонил правый крайний телефон. Гавриил Карпович выслушал стоя, очень посерьезнел лицом. Затем не глядя набрал на другом агрегате своей связи номер управляющего трестом «Домострой»:

– Запомни, Тузов. Не обеспечишь решающий ввод пусковых объектов в этом квартале, пойдешь на ковер. Понял, на чей?!

– Ну, – понял Тузов и, не откладывая, крутанул номер начальника СМУ-7. – Усеки, Шмаров, не сдашь жилой комплекс «В-Г» в этом квартале – голову сдашь!..

Что усек Шмаров – неважно. Но, услыхав гудки отбоя, он стукнул по тумблеру седьмой прорабской:

– Стопченко! Не рапортуешь 31 декабря про готовность восемьдесят второго жилдома вплоть до девятого этажа включительно – прыгай с восьмого! Как понял? Прием!..

– Та понял я, – прохрипел в микрофон прораб Стопченко и, ослабив узел своего нового галстука, врубил местную громкоговорящую трансляцию.

Недостроенная за несколько полузабытых лет коробка восемьдесят второго двухсотшестнадцатиквартирного кооперативного дома со встроенно-пристроенной детской молочной кухней содрогнулась от резонанса. Покатилось, натыкаясь на другие коробки будущего Растыринского жилмассива, эхо!..

Из-за ближайшей, первой в данном микрорайоне распивочной будки показалась известная – прежде всего жильцам будущего дома – ладная фигура мастера Тертышного. Оглядев панораму стройплощадки, он безошибочно направился к защитно-зеленоватому вагончику, который стучал изнутри и чуть раскачивался сам собой…

Через некоторое время из вагончика смог выбраться бригадир Пахомыч, в сердцах швырнул обратно не забитый вовремя шестерочный дупель и устремил свой наметанный дальнозоркий взгляд на верхотуру. Там среди белой силикатной кладки мелькала голубая Надькина косынка. Бригадир сложил мозолистые ладони мегафоном и дал кое-какие ценные указания!..

Над отдаленной посадкой взмыла стая ворон. В своей стеклянной кабинке на фоне облаков проснулся и дернул за рычаг «вира» крановщик Николай. Голубая Надькина косынка замелькала быстрее…

Пахомыч достал из кармана свой любимый, сильно потертый дупель-пусто и полез обратно в защитный вагончик.

Начальник Одгорстройкомбината Глыбов просмотрел свежую домостроевскую сводку выполнения плана работ по давно пусковым объектам и, откинувшись на спинку кресла, распорядился принести ему на подпись отпечатанный на гербовом бланке рапорт «наверх»!

Данил Рудый

Дырка в заборе

Начали мы свой не совсем достроенный дом капитально ремонтировать. Огородили рабочее место для порядка. А в заборе на уровне глаз дырку проделали. Чтобы, значит, прохожий заглянуть мог. Знаете, идет человек мимо и обязательно норовит заглянуть: чем же они там занимаются? Ему, собственно, и дела до этого нет, но – психология! Учитывать ее надо. А не сделаешь дырку, так забор поломают. Из чистой любознательности.

Так вот, проделали дырку и приступили к работе. Работаем и прислушиваемся: за забором люди уже собираются. Сначала один голову в дырку просунул, потом второй, а потом много их там собралось. Разговаривают между собой, от работы отвлекают. Мы бы, конечно, ноль внимания на эти разговоры, только очень они какие-то утилитарные. Поневоле прислушаешься.

Одна девушка так для разговора намекнула, что ей желательно доски приобрести. Банк у нее такой появился, каприз женский. Мы между собой посоветовались и пошли навстречу ее желаниям.

Неудобно женщине отказывать.

Но за то, что доски сыроватые, скидку сделать отказались – не за красивые глаза даем.

Дяденька один кирпичик попросил.

– Я, – говорит, – третий год ремонт хозспособом осуществляю: так что вы уж, ребятки, пособите, кто чем может.

Мы, конечно, кирпичей отпустили. Сердце, знаете, не камень. Но много не дали: не ему одному кирпичи понадобились. Справедливость должна быть.

Наладили мы очередь, потому что без порядка работать невозможно. Народ стоит тихо и ждет терпеливо. А тетка одна – ну до чего же пробивная! – унитаз себе облюбовала. Тащит его, локтями пихается.

– Я, – огрызается, – давно о таком голубом мечтала. С самого утра тут стою.

Берет при всем честном народе, потому как материал аккурат к двенадцати часам завезли. Деликатно ей напомнили, что здесь не магазин унитазов, – нечего шуметь и толкаться. Натерпелись мы от нее, но заплатила хорошо.

Один тип даже потребовал, чтоб его без очереди пропустили.

– Я, – говорит гордо, – на ревизию спешу. Остатки снимать буду.

– Ишь ты, – возражают ему резонно, – какая цаца выискалась! У нас, может, тоже дети дома плачут. Подождут твои остатки, никуда не денутся.

Другой голову морочит, что паркет кривой, третий – что шифер с трещинами. И еще один такой попался: ходит и выбирает, ходит и выбирает. Трубы ему, видите ли, ржавые попались. А мы разве виноваты? Нам какие завезли, такие и отпускаем.

Намекнули ему, что тут не колхозный рынок, и выбирать не из чего.

Не успели оглянуться, время обеда наступило. Так всегда бывает, если работа увлекательная. Требуется, чтобы народ расходился, а нас и слушать не хотят.

– Не имеете такого права, – возмущаются. – Людей уважать надо.

И представьте себе, никто не ушел.

Хлопотливая это штука – торговля. Тому угождай, тому подай, покупки заворачивай, да еще и зри в оба!.. Присесть некогда, ноги гудят, горло пересыхает. Да еще и улыбайся каждому всякому.

Нет, я лично ни за какие коврижки в торговлю не пошел бы. Ну день, ну два с таким напряжением можно работать, а там и загнуться недолго. По мне, если так, то нет ничего спокойнее нашего строительного дела.

Прошло еще чуток времени, смотрим – кончились материалы. Расторговались вчистую. А народ косяком идет!

– Граждане, – говорю, – идите себе по своим улицам, районам и домам. Или на свою работу. А у нас, сами видите, товар кончился, а бульдозер в хозяйстве нам ни к чему… Юморных тут много!

Не расходятся. Шумят и еще издеваются:

– А вы бы, такие-сякие, из-под прилавка достали, что для знакомых припрятали. Знаем мы вас, жуликов!

– Граждане, – повторяю спокойно, – идите и не волнуйтесь. Вот завтра еще завезут, тогда и приходите.

С этими словами взял я молоток – и дырку в заборе накрепко заколотил! До утра.

Публикация друга и «душеприказчика» Григория Яблонского

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Так жить нельзя 6

Юрий Михайлик
Бессмертье есть 8

Под звуки воздушной тревоги

Світлана Галіч
Жофрей 14

Владіслава Ільїнська
У цьому сезоні 18

Анна Михалевская
Разноплановая жизнь 19

История, краеведение

Андрей Добролюбский
«Я так пожалован!» 26

Дмитрий Шаматажи
Маразлиевская, 5 37

Олег Суслов
Вокзал для всех 60

Виктория Коритнянская
Лошади на войне... 65

Никита Рыбаченко
Грамота на бессмертие 73

Галина Владимирська
Коли автор – універсальна особистість 75

Анатолий Горбатюк
Интервью с Михаилом Жванецким 82

200 лет пребыванию Пушкина в Одессе

Українські поети і Пушкін..... 88

Олег Губарь
О том, как Одесса всем миром собирала деньги на памятник А.С. Пушкину..... 101

Людмила Шарга
Прощай, свободная стихия.....112

Галина Семыкина
«Обращаюсь к январской катастрофе 1837 года...».....118

Проза

Ірина Фінгерова
Неочікуваний діагноз 126

Сергей Корниевский
Испанец..... 133

Элла Леус
Переведи меня..... 149

Евгений Деменок
Экспрессионист 187

Вячеслав Вольф
Сейф 200

Елена Андрейчикова
К морю 205

Поэзия

Тая Найденко
Бог наш.....208

Инна Квасивка
Смерть всегда голодна..... 219

Анна Стреминская
Пасхальные перезвоны.....223

Валерий Базаров
Крутится, вертится шар голубой 230

Искусство – жизнь – искусство

Елена Галинская
Я поведу тебя в музей. Возвращение в шестидесятые.....240

Феликс Кохрихт
Алексей Ботвинов: высокое призвание «Odessa Classics» 256

Виктор Мамонтов
Евгению Лукашову – 75 лет 264

Наталья Бржестовская
Пороники: два брата, две личности, две творческие единицы 270

Мария Гудыма
Золотому тельцу поклоняться не стоит 281

Михаил Пойзнер
«…Что нет на свете города такого…» 286

Дора Дукова
Лицей «Европейский» 290

Публикации

Новое о Шенгели 296
Публикация Вадима Перельмутера

Олена Яворська
Одеські сторінки щоденника Сергія Єфремова 316

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«…Пам'ять і час! Вони з нами… Вони – ми самі…» 324

Путешествие

Галина Ицкович
Через Европу навприсядки 354

Ах, Одесса

Владислав Китик
И в малом – сила 370

Александр Володарский
Призрак «Оскара» 373

Музей совка
Григорий Яблонский
Трест «Домострой» 377
Данил Рудый
Дырка в заборе 378

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 93

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 93

Издается с 2000 года

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 25.04.2023
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 100 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua